

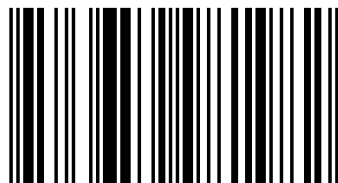
Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование

Испанский язык крупнейшей испаноязычной страны – Мексики анализируется в данной монографии с позиций лингвокультурологии: устанавливаются системообразующие факторы культурно значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка, реконструируется языковая картина мира мексиканцев. Взаимосвязанными кодами менталитета и языковой картины мира мексиканцев обозначены синкретизм культуры Мексики, индейский компонент, значимость ценностей национально-освободительного движения. В книге показано, как под влиянием этих кодов развитие мексиканского национального варианта испанского языка обусловило как органичную ассимиляцию, так и эволюцию общеиспанских языковых средств, своеобразие процессов заимствований, образование культурно значимой лексики, формирование концептов. Книга ориентирует на творческое понимание речевой деятельности мексиканцев и адресована широкому кругу филологов, культурологов, преподавателям испанского языка, переводчикам, аспирантам и студентам филологических факультетов.

Ольга Чеснокова

Ольга Станиславовна Чеснокова - доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва). Автор более 130 публикаций по теории и практике межкультурной коммуникации, вариативности испанского языка, латиноамериканской топонимике, семиотике художественного текста.

978-3-659-98198-2

Испанский язык Мексики

Ольга Чеснокова

Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование

Монография

Чеснокова

Palmarium
academic publishing

Ольга Чеснокова

**Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое
исследование**

Ольга Чеснокова

**Испанский язык Мексики:
лингвокультурологическое
исследование**

Монография

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-98198-2

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2012 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
----------------	---

ГЛАВА I. ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК: ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ	9
1.1. Вариативность испанского языка	9
1.2. Мексиканский национальный вариант испанского языка в общеиспанском языковом пространстве	12
1.3. Менталитет vs. языковая картина мира	23
1.4. Менталитет мексиканцев: истоки и современность	34
1.5. Особенности национального характера мексиканцев	42
1.6. Концепт «праздник» в лингвокультурологическом пространстве Мексики	46
1.7. Выводы	49

ГЛАВА II. КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМАЯ ЛЕКСИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА	51
2.1. Индихенизмы как пласт культурно значимой лексики	51
2.1.1. Индихенизмы в общеиспанском словарном фонде	51
2.1.2. Лексико-семантические группы индихенизмов	54
2.1.3. Индихенизмы в дискурсе	57
2.1.4. Деривационные ресурсы индихенизмов	64
2.1.5. Индихенизмы в мексиканской фразеологии	67
2.2. Семиотика терминов родства <i>padre, madre</i> как отражение оппозиции «мужское» – «женское»	71
2.3. Концепт «смерть» в языковой картине мира мексиканцев	82
2.4. Мексиканская кухня и гастрономическая символика в речи мексиканцев	100
2.4.1. Мексиканская кухня: традиции и современность	100
2.4.2. Гастрономическая символика в речи мексиканцев	105
2.5. Выводы	127

ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЕКСИКАНЦЕВ	129
3.1. Мексиканская антропонимика и языковая картина мира мексиканцев	129
3.1.1. Семиотика мексиканского антропонимикона	129
3.1.2. Персоналии	131
3.1.3. Имена личные в тексте и дискурсе	138
3.2. Топонимия Мексики: лингвокультурологический анализ	147
3.2.1. Семиотика мексиканской топонимии	147
3.2.2. Топонимы-индихенизмы	150
3.2.3. Структурные типы топонимов-индихенизмов	157
3.2.4. Эстетический ресурс топонимов-индихенизмов	158
3.2.5. Топонимы-индихенизмы в топонимическом корпусе Мексики	161
3.2.6. Модели номинации топообъектов Мексики испанцами	164
3.2.7. Мемориальные топонимы: структура и прагматика	166

3.2.8. Устойчивые метафоры как основа развития топонимической лексики в дискурсе	168
3.2.9. Топонимическая деривация	170
3.3. Выводы	176
ГЛАВА IV. КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ЭТИКЕТНОМ И ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	177
4.1. Этикетный дискурс	177
4.2. Юмористический дискурс	187
4.3. Выводы	201
ГЛАВА V. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ МЕКСИКАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	203
5.1. Языковая картина мира и семиотика художественного текста	203
5.2. Мексиканское культурное пространство в романе Карлоса Фуэнтеса <i>La muerte de Artemio Cruz</i> / «Смерть Артемю Круса»	205
5.3. Мексиканское культурное пространство в романе Лауры Эскивель <i>Como agua para chocolate</i> / «Шоколад на крутом кипятке»	221
5.4. Выводы	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	240
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА И ТЕКСТОВЫХ ПРИМЕРОВ	254

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика единства и многообразия форм существования испанского языка является своего рода константой научного поиска в романистике. Дивергенция и конвергенция испанского языка рассматривается в работах таких крупных зарубежных романистов, как Андрес Бельо, Руфино Куэрво, Дамасо Алонсо, Алонсо Самора Висенте, Педро Энрикес Уренья, Рамон Менендес Пидаль, Анхель Розенблат, Рафаэль Лапеса, Родольфо Ленц, Мануэль Альвар, Хуан Мигель Лопе Бланч, Хосе Гуадалупе Морено де Альба, Мария Беатрис Фонтанелла де Вайнберг, Джон Липски, Хосе Педро Рона, Бертил Мальмберг, Хосе Хоакин Монтес Хиральдо, Луис Флорес.

Повышенный интерес к варьированию языка в пространстве характерен для современного этапа развития языкознания в целом. Отечественная романистика имеет в этом отношении богатую научную традицию (В.Ф. Шишмарев, М.В. Сергиевский, Р.А. Будагов, В.Г. Гак, Г.В. Степанов, Е.М. Вольф, Н.М. Фирсова, В.С. Виноградов, Е.А. Реферовская, Н.А. Катагощина, М.А. Бородина, А.В. Широкова, Л.М. Скрелина, Т.Б. Алисова, И.И. Чельшева, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева, Г.Г. Соколова, Т.Ю. Загряжкина, А.И. Чередниченко, Б.П. Нарумов, Н.Ф. Михеева, М.А. Косарик, О.А. Сапрыкина).

Сформулированное академиком Г.В. Степановым, выдающимся отечественным филологом-романистом XX века, понятие национальных вариантов полинационального языка как форм «национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» [Степанов 1976, 100] стало поворотным событием в испанистике и теоретическом языкознании. Концепция национальных вариантов и равноправия национальных норм испанского языка получила дальнейшее подтверждение и развитие в отечественной испанистике, прежде всего в трудах академика Н.М. Фирсовой и ее школы. Исследования показали, что наряду со структурным единством, национальные варианты испанского языка обнаруживают различия на всех уровнях языковой системы, что стало в современной испанистике общепризнанным фактом. Понятие системы дифференцированных норм национальных вариантов расширило тео-

ретические представления о формах существования испанского языка и изменило подход к методике его преподавания.

Территориальное варьирование составляет имманентную форму существования испанского языка. На сегодняшний день общее число испаноговорящих достигло 430 млн. человек, а в двадцати странах мира испанский язык является государственным. Адекватная интерпретация пространственного варьирования испанского языка должна учитывать как внутривидовые, так и ментально-языковые и культурно-мировоззренческие параметры. Согласно исходной исследовательской гипотезе, специфика национальных вариантов полинационального испанского языка и специфика лексики как их репрезентативной сферы раскрываются через реконструкцию языковой картины мира носителей различных национальных вариантов единого в структурном отношении испанского языка. Исследовательская гипотеза предполагает, что языковая картина мира как отраженное в языковой материи мировосприятие социума может рассматриваться как системообразующий фактор, позволяющий реконструировать и интерпретировать динамику развития свойств лексико-семантической системы на материале отдельных национальных вариантов испанского языка.

Развитие современного научного знания по пути антропоцентризма сфокусировало внимание представителей различных дисциплин, изучающих человека, на вопросах взаимодействия языка и культуры, менталитета, языкового сознания и языковой картины мира. Применительно к полинациональному языку этот ракурс исследований имеет особое значение. Уникальная способность естественного языка служить средством отражения, хранения и передачи культурной традиции от поколения к поколению обуславливает тот факт, что в каждой стране, пользующейся полинациональным языком, ему присущи особые лингвокультурологические свойства. Воссоздание и интерпретация языковой картины мира как новой онтологии научного знания базируется на антропоцентризме современного гуманитарного знания и определяет актуальность предпринятого исследования.

В качестве объекта исследования выступает мексиканский национальный вариант испанского языка. Мексика – Мексиканские Соединенные Штаты – крупнейшая в мире испаноязычная страна. На сегодняшний день ее население составляет 112 млн. человек, т.е. фактически каждый четвертый испаноговорящий – это мексиканец. Мексика – колыбель древнейших цивилизаций ольмеков, ацтеков, майя, создавших

уникальные концепции мировидения и давших миру удивительные образцы архитектуры, настенной росписи, эпоса и систем письма. Выдающийся социолог, психолог и философ XX столетия Эрих Фромм называл Мексику, наряду с Египтом, Китаем, Индией, Палестиной и Грецией, в числе стран, ставших «величайшими учителями человечества» [Фромм 2004, 17]. Современные мексиканцы являются носителями синтетической культуры, сохранившей сокровища индейских культур и впитавшей традиционные формы испанской культуры. Испанский язык Мексики имеет богатую традицию изучения (П. Энрикес Уренья, А. Самора Висенте, Х.И. Давила Гариби, Х.М. Лопе Бланч, Х.Г. Морено де Альба, В.М. Суарес, Э. Кортич Мора, П. Бойд-Боуман, Д. Карденас, Р. Вильямсон, Б. Гуарса Суарон, Х.Л. Матлук, Х.И. Гусман Бетанкурт, М. Мунтцель, В. Дитрих и др.). Лингвокультурологическая составляющая мексиканского национального варианта испанского языка позволяет выявить взаимосвязь эволюции лексики мексиканского национального варианта испанского языка с менталитетом и культурой мексиканцев, что задаёт и определяет предмет исследования. Его новизна обусловлена синтезом интегрального описания лексики и менталитета через воссоздание языковой картины мира мексиканцев. При этом языковая картина мира рассматривается как один из семиотических кодов культуры. Основные цели работы направлены на выявление и верификацию специфики лексики мексиканского национального варианта испанского языка через призму языковой картины мира мексиканцев, а также на поиск и определение системообразующих факторов, организуемых языковую картину мира мексиканцев и обуславливающих специфику развития лексики мексиканского национального варианта испанского языка в дискурсах различных типов.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

1. Рассмотреть и уточнить процедуры реконструкции языковой картины мира носителей полинационального испанского языка.
2. Осуществить реконструкцию мексиканского культурного пространства на материале речевых и неречевых практик.
3. Выявить формы взаимосвязи лексического своеобразия мексиканского национального варианта испанского языка с менталитетом и языковой картиной мира мексиканцев в диахронии и синхронии.
4. Рассмотреть формирование и развитие культурно значимой лексики мексиканского национального варианта испанского языка.
5. Установить динамику развития категорий имени собственного под воздействием национально-специфичной картины мира и менталитета мексиканцев.

6. Осуществить анализ актуализации культурно значимой лексики и основных концептов языковой картины мира мексиканцев в дискурсах различных типов.

7. Провести анализ роли констант языковой картины мира мексиканцев в семиотике художественного текста.

8. Обобщить закономерности и системообразующие факторы развития языкового и культурного пространства Мексики, тенденции и константы, обеспечивающие его целостность.

Материалами и источниками исследования являются:

1. Теоретические исследования зарубежных и отечественных авторов, посвященные пространственному варьированию испанского языка.

2. Лексикографические источники: толковые и двуязычные словари испанского языка, словари американизмов, мексиканизмов, индихенизмов.

3. Дискурсы и тексты охватывают:

- хроники открытия Америки;
- сборники фольклорных текстов;
- средства массовой информации;
- рекламный;
- официально-деловой;
- бытовой;
- этикетный;
- юмористический;
- художественный дискурсы.

4. Мексиканский художественный дискурс представлен в специальном анализе романа Карлоса Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* / «Смерть Артемио Круса» и романа Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* / «Шоколад на крутом кипятке», позволившем уточнить и углубить понимание роли языковой картины мира мексиканцев в актуализации и развитии культурно значимой лексики в художественном дискурсе.

5. Записи автором устной речи мексиканцев (их большинство относится к пребыванию автора в Мексике в 1998 и 1999 гг.) в виде высказываний, реплик, диалогических единств, а также данные опроса информантов и ассоциативных экспериментов.

Методологической основой исследования послужило положение о единстве и диалектической взаимосвязи формы и содержания знаков культуры, а также принятое в отечественной испанистике положение о равноправии норм национальных вариантов единого в структурном отношении испанского языка.

Свойства языковой картины мира как диалектического единства собственно языковой и ментальной сущностей предопределили использование комплексной методики исследования. Помимо общенаучных методов индукции, дедукции, анализа, синтеза, были использованы структурно-семиотический метод, метод семантической реконструкции, ассоциативный метод, методы культурологических интерпретаций и лингвокультурологического анализа, опирающиеся на современные нормы употребления языка.

В основу данной монографии легли работы автора по лингвокультурологическому своеобразию испанского языка в Мексике [Чеснокова 2006, 2006а] и как основание для сопоставления – работы по лингвокультурологическому своеобразию испанского языка в Колумбии [Чеснокова 2011, 2012].

Илл. 1. Мексика на карте мира

Глава I

**ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК:
ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ
И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ**

1.1. Вариативность испанского языка

Многообразие форм существования испанского языка в пространстве и времени традиционно находится в центре внимания романистов. Этапы формирования испанского языка в Испании, динамика его диалектного развития, взаимосвязь с другими коофициальными языками Испании – баскским (эускера), галисийским и каталонским, романизация Америки, формирование и развитие латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, их статус относительно пиренейской нормы и аспекты взаимного влияния – это далеко не полный перечень вопросов, являющихся предметом неустанного внимания и дискуссий романистов. Ставший общепризнанным факт, что каждый испаноговорящий народ внес свою лепту в своеобразие испанской речи, ёмко сформулирован Рамоном Менендесом Пидалем:

El idioma español se integra durante la incorporación de formas surgidas en los reinos de Castilla, de León, de Aragón en los territorios mozárabes recobrados y repoblados por la reconquista, en las tierras colonizadas al otro lado del Atlántico. Cada país puso algo de su carácter en el habla común, algo de su género, de vida y del ámbito en que éste se desarrolla/ [цит. по: Rosenblat 1970, 5] ‘Испанский язык интегрируется во время распространения форм речи, возникших в Кастилии, Леоне и Арагоне, на отвоеванных в ходе Реконкисты территориях и по другую сторону Атлантики. Каждая страна внесла в испанскую речь черты своего характера, окружающего мира и образа жизни’ (перевод наш – О.Ч.).

В настоящее время, по мнению директора Института Сервантеса Гарсиа де ла Конча, в Латинской Америке испанский язык играет консолидирующую роль международного языка. По количеству говорящих 495 миллионов человек, испанский язык является вторым в мире. К 2030 году предполагается, что 7,5 процентов населения планеты будет испаноговорящим, что превысит количество говорящих по-русски, по-французски и по-немецки (“*Aquí (en América Latina) el español se juega su consolidación como lengua internacional*”, *ha reiterado el académico. Con 495 millones de personas que lo usan, es la segunda lengua del mundo por el número de hablantes. En 2030, se prevé que el 7,5 % de la población*

mundial sea hispanohablante, por encima del ruso, francés y el alemán”) [El País, 28 Nov 2012].

Проблематика единства и многообразия форм существования испанского языка рассматривается в работах таких крупных зарубежных романистов, как Андрес Бельо, Руфино Куэрво, Дамасо Алонсо, Алонсо Самора Висенте, Педро Энрикес Уренья, Рамон Менендес Пидаль, Анхель Розенблат, Рафаэль Лапеса, Родольфо Ленц, Мануэль Альвар, Хуан Мануэль Лопе Бланч, Хосе Гуадалупе Морено де Альба, Мария Беатрис Фонтанелла де Вайнберг, Джон Липски, Хосе Педро Рона, Бертил Мальмберг, Хосе Хоакин Монтес Хиральдо, Луис Флорес. По оценкам Б.П. Нарумова, испанская диалектология в целом сохраняет, под влиянием генетического подхода, «устойчивый взгляд на американские варианты как на «диалекты» пиренейского испанского» [Нарумов 2003, 48]. Тем не менее, несмотря на противоречивость мнений о процессах и результатах языковой фрагментации и конвергенции испанского языка и об их терминологическом выражении, внутривидовые различия испанского языка в силу его распространенности на огромной территории не вызывают сомнений [см., напр.,: Moreno de Alba 1992, 43; Alvar 2002, 79]. *Es absolutamente utópico tratar de unificar el español en el plano de la lengua común; éste sólo puede unificarse si se propone un ideal de lengua, en el plano superior de la lengua ejemplar* 'Попытки унификации живого испанского языка представляют полнейшую утопию. Унификация возможна только в случае создания идеального языка, языка высшего порядка', – полагает Х.Г. Морено де Альба [Moreno de Alba 2001, 150].

Благодаря своему лингвистическому статусу Латинская Америка получила метафорическое обозначение «Новая Романия». В отечественной испанистике приоритет обращения к сложным процессам романизации Америки принадлежит академику В.Ф. Шишмареву (1875-1957), создавшему фундаментальный труд «Очерки по истории языков Испании» [Шишмарев 1941]. В.Ф. Шишмарев считал, что изучение Новой Романии может внести существенный вклад в осмысление ситуации в Древней Романии. Эти вопросы получили развитие в трудах ученика и последователя В.Ф. Шишмарева, выдающегося отечественного филолога-романиста второй половины XX века академика Г.В. Степанова (1919-1986). Уже в 50-60-е годы Г.В. Степановым было сформулировано положение о том, что вариативность является существенной особенностью живого, реального испанского языка. Сравнивая романизацию Латинской Америки с распространением латыни в Римской Империи, Г.В. Степанов полагал, что «новый взгляд на романоязычный мир в пространстве позволяет по-новому увидеть его во временной перспективе и извлечь из этих возмож-

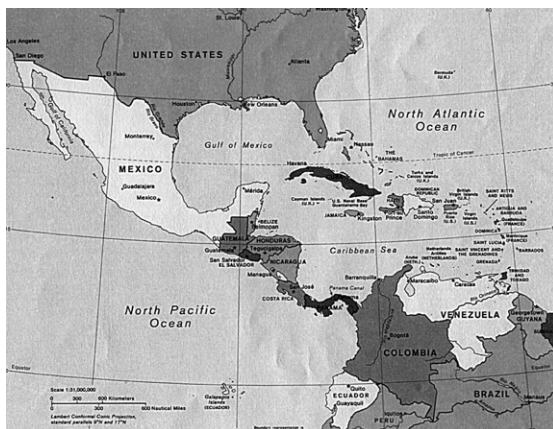
ностей важные методологические выводы. Главный же методологический вывод состоит в том, что путем сравнения процессов формирования Старой и Новой Романии можно обнаружить черты сходств/различий в образовании соответствующих языковых ареалов и уточнить причины лингвистической дифференциации в Старой Романии» [Степанов 1975, 84]. Однако, поскольку «распространение <...> европейских романских языков осуществлялось за счет постоянного увеличения романоязычного контингента *при сохранении местных форм речи*» [Степанов 1975, 85; Степанов 1979, 85; выделено нами – О.Ч.], испанизация Америки, в отличие от романизации Европы, не привела к появлению неороманских языков. Взаимосвязанное рассмотрение внутривидовых особенностей испанского языка Латинской Америки и его функционирования в разных сферах привела Г.В. Степанова к созданию концепции национальных вариантов, под которыми понимаются «такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности» [Степанов 1976, 100]. В этом определении принципиально важно то, что национальный вариант «так же, как и любой национальный язык, обслуживает нацию», в отличие от диалекта, который обслуживает «только часть национальной общности, при этом в ограниченной сфере общественной жизни» [Степанов 1976, 102]. Г.В. Степанов особо подчеркивал, что «методологически ошибочно, а поскольку ситуации складываются в пределах государств, то и политически неверно и бестактно комбинировать иерархические структуры путем сведения в одну стратификационную шкалу по историческим, чисто лингвистическим или иным соображениям территориальные варианты, участвующие в разных ситуациях, и квалифицировать португальский язык Бразилии как диалект языка Португалии, <...> французский язык Канады как диалект французского языка Франции, а аргентинский испанский как диалект европейского испанского или наоборот» [Степанов 1976, 159].

В отечественной испанистике рубежа XX-XXI веков концепция национальных вариантов получила всестороннее подтверждение и дальнейшее развитие, прежде всего, в трудах акад. Н.М. Фирсовой и ее школы. В настоящее время испанский язык, по классификации Н.М. Фирсовой [Фирсова 2000, 19-21], имеет следующие формы существования.

- I. Национальный вариант.
- II. Территориальный вариант.
- III. Территориальный диалект.
- IV. Диалект.

1.2. Мексиканский национальный вариант испанского языка в общеиспанском языковом пространстве

Илл. 2. Мексика на карте Америки

Испанский язык Мексики – интереснейшее и уникальное языковое образование не только потому, что Мексика – крупнейшая испаноязычная страна с населением 112 млн. чел. (данные на 2010 г. по: [[http://ru.wikipedia.org/wiki/Население Мексики](http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Мексики). Дата обращения: 12 декабря 2012 г.]), т.е. фактически каждый четвертый испаноговорящий – это мексиканец, но и по многообразию форм его существования или состояния как совокупности видов вариативности, по Г.В. Степанову. Особую роль в становлении национальной языковой нормы Мексики играла и продолжает играть столица страны – г. Мехико, где проживает около 20 миллионов человек (одна пятая населения страны) и традиционно концентрируется вузовское образование. Отметим, что уже в 1553 году в Мехико был открыт университет. По образному (и не потерявшему актуальности на сегодняшний день) выражению авторитетнейшего мексиканского лингвиста, основателя Центра испанской лингвистики при Национальном Автономном Университете г. Мехико, Хуана Мигеля Лопе Бланча, город Мехико является лингвистическим горнилом (*crisol lingüístico*) страны, где сливаются воедино разнообразие диалектные тенденции [Lore Blanch 1982, 11]. С этим утверждением созвучно мнение нынешнего директора Мексиканской Академии Языка Хосе Гуадалупе Морено де Альба о том, что речь жителей г. Мехико, в силу демографических, экономических и «культурных» (образо-

вательных) факторов, является своего рода усредненным стандартом, или койне для всей страны (*“una especie de promedio o koiné de lo que sucede a lo largo y ancho del país”*) [Moreno de Alba 2001, 113].

Испанский язык мексиканцев является национальным вариантом испанского языка, т.к. ему свойственно соответствие функциям национального варианта: ранг официального, наличие национальной литературной нормы, статус родного для абсолютного числа жителей, выполнение полного объема общественных функций и лингвокультурологическая специфика [Фирсова 2000, 19-20].

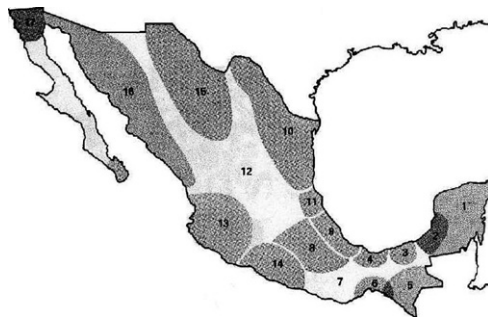
Речь чиканос – американцев мексиканского происхождения, проживающих в юго-западных штатах США, по оценкам Н.Ф. Михеевой [Михеева 2002; 2003; 2003а], – это территориальный диалект мексиканского национального варианта испанского языка за пределами Мексики.

Наконец, неоднородность и вариативность испанского языка внутри самой страны обуславливает его диалектное разнообразие, т.е. мексиканский национальный вариант существует и в виде внутринациональных диалектов. Диалектное расслоение испанского языка Мексики не раз подвергалось специальному исследованию и картированию. Так, на основании фонологических и лексических критериев, Педро Энрикес Уренья, а вслед за ним и Дж. Бэркер выделили пять диалектных зон в Мексике:

- город Мехико и окружающие его горные районы;
- северная зона;
- южная зона (Морелос, Герреро, Оахака);
- прибрежная (Тамаулипас, Веракрус, Табаско, Кампече);
- полуостров Юкатан [Henríquez Ureña 1938, Barker 1972].

Х.М. Лопе Бланч, на основании анализа территориального распределения 25 лексических единиц, сформулировал концепцию семнадцати диалектных зон страны [Lope Blanch 1979, 17-33].

Илл. 3. Диалектные зоны Мексики (по данным: [Alcalá 1990, 29])

- 1-2. Yucateco-campechano / Юкатан – Кампече.
3. Tabasqueño / Табаско.
4. Veracruzano meridional / Южный Веракрус.
5. Chiapas / Чьяпас.
6. Zona juchiteca / Хучитан.
7. Altiplano oaxaqueño / Зона Мексиканского нагорья в штате Оахака.
8. Altiplano meridional / Южная часть Мексиканского нагорья.
9. Veracruzano norteño / Северный Веракрус.
10. Hablas del noreste / Северо-восточные диалекты.
11. Zona de transición / Переходная зона.
12. Altiplano central / Мексиканское нагорье.
13. Hablas occidentales / Западные диалекты.
14. Michoacano / Мичоакан.
15. Chihuahense / Чиуауа.
16. Hablas del noroeste / Северо-западные диалекты.
17. Bajacaliforniano septentrional / Северная Нижняя Калифорния.

Испанский язык Мексики является также частью единого зонального языкового пространства. Зональная конвергенция и дивергенция испанского языка Латинской Америки относятся к одному из постоянных предметов исследований и дискуссий испанистов. Один из первых опытов систематизации лингвистических зон испанского языка Латинской Америки (1921 г.) принадлежит доминиканскому исследователю Педро Энрикесу Уренья [Henríquez Ureña 1921], который предложил говорить о пяти зонах:

- 1) юго-запад США, Мексика и Центральная Америка;
- 2) Куба, Пуэрто-Рико, Доминиканская Республика, побережье Венесуэлы и северная часть Колумбии;
- 3) Андская зона Венесуэлы, центральная и западная зоны Колумбии, Эквадор, Перу, Боливия и север Чили;
- 4) Чили;
- 5) Аргентина, Уругвай, Парагвай и юго-восток Боливии.

К систематизации региональных особенностей испанского языка Латинской Америки (и одновременно критике модели П. Энрикеса Уренья) обращались Бертил Мальмберг, Педро Хосе Рона, Карлос Соле. Мексиканский лингвист Х.Г. Морено де Альба предложил оценивать региональную фрагментацию испанского языка Латинской Америки на основании нормативной речи (главным образом, лексических особенностей) столиц латиноамериканских стран, в результате чего были обозначены следующие зоны:

- 1) Мехико;
- 2) столицы стран Карибского бассейна и Каракас;
- 3) Центральная Америка;
- 4) Богота, Лима, Кито и Ла Пас;
- 5) Асунсьон, Буэнос-Айрес и Монтевидео [Moreno de Alba 1992^a; 2001, 166].

Как видно из приведенных классификаций, испанский язык Мексики занимает особое место и во внутриконтинентальном региональном языковом пространстве.

Ракурсы рассмотрения мексиканского национального варианта испанского языка многообразны, как и описание любого представительного языкового материала [Принципы описания языков мира 1976]. Исследование, предпринимаемое нами, видится созвучным следующему принципу: «Лингвистический макрокосмос должен быть более нивелирован, чем микрокосмос» [Принципы описания языков мира 1976, 163]. Наш подход к мексиканскому национальному варианту испанского языка в большей степени соответствует «макро-», чем «микрокосмосу». Именно этому познавательному аспекту отвечает реконструкция «инвариантной части в структуре языковой личности» [Караулов 1987, 38] современных мексиканцев, т.е. того стабильного ядра, которое позволяет воссоздавать «набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов 1987, 29], присущий мексиканской языковой личности и лингвокультурной общности в целом. Поэтому особенности зонального и диалектного узуса будут выполнять роль скорее иллюстрации богатства и многообразия форм проявления специфики мексиканского национального варианта испанского языка, но не являться основной целью исследования. В отечественной испанистике исследованием отдельного диалекта внутри мексиканского национального варианта испанского языка является работа И.В. Смирновой [Смирнова 2006; 2011].

Современный испанский язык Мексики сложился под влиянием разнообразных факторов как собственно языкового (языковые контакты и естественное развитие языка, в первую очередь), так и социально-исторического и культурологического порядка. Начало колонизации страны испанскими конкистадорами относится к 1517 г. В Мексике испанцы встретили высокоразвитые индейские цивилизации, драматизм столкновения с которыми оставил существенный след в менталитете мексиканцев. Конкистадоры принесли в вице-королевство Новая Испания (*Nueva España*) испанский язык, христианство и испанскую

культуру в широком, антропологическом смысле этого слова. Элементы испанской и индейских культур взаимно проникали друг в друга, в результате чего и сложилась синкретичная мексиканская культура, в которой «присутствие богатой и самобытной индейской традиции обуславливает ее неповторимость» [Культура Мексики 1980, 56]. Языковые контакты испанского языка и автохтонных языков Мексики нашли как культурно-антропологическое, так и внутривидовое языковое воплощение. Современный испанский язык Мексики является красноречивым отражением динамики процессов пространственной и временной дифференциации и интеграции испанского языка. В нем органично сосуществуют общеиспанские, панамериканские, зональные и национально-специфичные черты. К общеиспанским чертам относятся, в первую очередь, артикуляционная база, грамматический стандарт, основной словарный фонд, а также реализация литературной речи (*el habla culta*): <...> *puede asegurarse que la unidad de la lengua, particularmente la llamada culta, es indudablemente mayor que antes* [Moreno de Alba 2001, 145] ‘с полной уверенностью можно сказать, что особенно на уровне литературной речи языковое единство более ощутимо, чем раньше’; см. также: [El español hablado en México 1982].

Из панамериканских черт мексиканского национального варианта испанского языка нужно указать, прежде всего, *seseo* – неразличение межзубного [θ] и щелевого [s], в соответствии с чем, например, слова *caza* «охота» и *casa* «дом» произносятся с одинаковым щелевым звуком [s]; стирание оппозиции форм *vosotros-ustedes* и предпочтение (за исключением штата Чьяпас, где употребляется местоимение *vos* [Lope Blanch 1982, 15]) формы третьего лица множественного числа *ustedes* при обращении к собеседникам, к каждому из которых обращаются на *tú*.

К региональным чертам относится явление *yeísmo* – неразличение произношения аффрикаты [y] и щелевого бокового плавного [λ] в пользу аффрикаты [y]. Собственно национально-специфичные черты пронизывают все языковые уровни. Наиболее отчетливо они прослеживаются в фонетике и лексике (в лексемах, осложненных культурно значимыми коннотациями, заимствованиях, семантических дериватах, фразеологизмах) и в меньшей степени затрагивают грамматические явления. Делая обзор работ о грамматических особенностях испанского языка Мексики и ссылаясь на Х.М. Лопе Бланча, Х.Г. Морено де Альба и других мексиканских лингвистов, М.Б. Фонтанелла де Вайнберг указывает такие примечательные реализации общеиспанских грамматических форм в Мексике, как перфективный характер *Pretérito Perfecto*

Simple и имперфективный характер Pretérito Perfecto Compuesto, а также изменения в глагольных парадигмах [Fontanella de Weinberg 1992, 219-220]. Подробное описание семантики и стилистики глагольных форм в испанском языке Мексики представлено в работе Х.Г. Морено де Альба [Moreno de Alba 1978]. Мексиканский грамматический узус в целом обнаруживает своеобразие реализации отдельных частей речи и грамматических категорий [Romo de la Rosa 1982].

Как и в других латиноамериканских вариантах испанского языка, в мексиканском испанском чрезвычайно активны уменьшительные суффиксы. Неоднократно высказанная точка зрения [Dávila Garibi 1959, Margair 1966], впрочем, имеющая своих оппонентов [Lope Blanch 1972^a, 159]), связывает высокую частотность мексиканских диминутивных форм с влиянием индейского субстрата, в первую очередь – языка науатль, с присущей ему весьма развитой суффиксацией. Диалоги типа «¿Cuándo entraron? ¿Ahorita? – Sí, hace un ratito» (здесь и далее – записи автором речи мексиканцев, большая часть которых относится к пребыванию автора в Мексике в 1998 и в 1999 г.), без установки на языковую игру, практически невозможны в пиренейском испанском. Подобная диминутивность является косвенной и по своей прагматической сущности служит целям воздействия на адресата и целям поддержания общения в позитивной тональности. Косвенная диминутивность исключительно широко представлена в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка и составляет важную особенность коммуникативной культуры латиноамериканцев в целом; см.: [Фирсова 1978; Чичин 1988; Фирсова, Буэнаньо Рухель 1992; Фирсова 1999; 2002; Чеснокова 2004, 29-31; Jiménez Cataño 1993].

Яркими чертами фонетики мексиканского национального варианта испанского языка, неоднократно упоминаемыми, по оценкам М.Б. Фонтанеллы де Вайнберг, различными исследователями, являются потеря безударных гласных, а также появление назальных сегментов после /-s/ [Fontanella de Weinberg 1992, 218-219]. Изучение мексиканского вокализма отражено в работах А. Алонсо, А.М. Эспиносы, П. Энрикеса Уреньи, А. Саморы Висенте. По особенностям вокализма в мексиканском национальном варианте испанского языка обычно выделяют две зоны: прибрежную (с почти полным сохранением общеиспанской артикуляционной базы и редукцией гласных и согласных) и зону Мексиканского нагорья (ослабление гласных и почти полное сохранение согласных). Субстратное влияние индейских языков (в первую очередь – языка науатль) подробно описано в работах Х.М. Лопе Бланча [J.M. Lope Blanch 1969a; 1972b]. В фонетике это влияние, в частности, прослеживается в

консонантных группах, идущих из языка науатль, многие из которых претерпели упрощение:

tl: *tlapanco* > *tapanco*,
cm: *Cimecatitla* > *Chigmecatitla*,
htz: *Nauhtzontla* > *Nauzontla*,
ztl: *Tepoztilan* > *Tepoztán*.

Ослабленное произношение консонантной группы *tl*, где *t* оказывается «расплавляющим» (*licuante*) последующий согласный [l], Х.М. Лопе Бланч объясняет наличием в фонетике науатль глухого зубно-альвеолярного бокового фрикативного [ʎ] [Lope Blanch 1972b, 97]. Графическое представление {tl}, по мнению немецкого романиста В. Дитриха, «составляет консонантный нексус, ведущий себя в слогаделении все-таки как отдельная единица, так что /tl/ допустимо в начале слога [´a-tlas], [´>iç-tle]» [Дитрих 2002, 70]. Звуки, соответствующие букве «х», имеют в речи мексиканцев широкий диапазон произнесения:

[s] в начале слова и перед согласными, как в словах *Xochimilco* [sochimílko], *Xifón* [sifón], *Taxco* [tásko],

[x] между гласными, как в названии страны – *México* [méxiko] или в названии штата *Oaxaca* [oaxáka],

аутентичное произношение как [sh] в словах индейского происхождения: *Xalitla* [shalítla], *Xoxtla* [shóstla]; см. также [Guzmán Betancourt 1982].

Общепризнан особый, «певучий» («*especie de canto*») тип мексиканской интонации.

Лексический состав испанского языка Мексики представляет самобытный синтез общеиспанских, панамериканских, зональных и собственно национальных единиц, которые, в свою очередь, обнаруживают внутринациональное территориальное варьирование. Подавляющее большинство лексических единиц мексиканского национального варианта испанского языка – это единицы общеиспанского словарного фонда. При безусловной общеиспанской основе лексика мексиканского национального варианта испанского языка обнаруживает обилие единиц, бытующих и в других странах Латинской Америки, но не свойственных Испании, т.е. панамериканизмов, таких, как *carro m* ‘машина’, *saco m* ‘пиджак’, *chévere adj* ‘красивый’, ‘хороший’, ‘любезный’, кечуизм *papa f* ‘картофель’, *prestar vt* в значении ‘передать’, что свидетельствует о панамериканской унификации лексики. Естественное развитие языка обусловило и тот факт, что испанский язык Мексики имеет лексические единицы, являющиеся для пиренейского варианта архаизмами: *luego luego* «enseguida», *ofrecérsele a uno algo* «hacer falta»,

sentirse «sentirse ofendido», *puro* «sólo» – своеобразные, по образному выражению Р. Хименеса Катаньо, «мексиканизмы» Сервантеса и Кеведо [Jiménez Cataño 1995]. Приведем пример контекстного употребления редуцированного наречия *luego* ‘потом’ в значении «немедленно»:

No se quedaba acostado ni un minuto después de abrir los ojos. Luego luego brincaba y corría alrededor de la cama repitiendo un discurso sobre la importancia del ejército [Mastretta, 21] ‘Он не оставался в постели ни единой секунды после просыпания. Он сразу же вскакивал и начинал бегать вокруг кровати, повторяя речь о важности армии’.

Лексический уровень языка наиболее подвержен влиянию культурно-мировоззренческих факторов, но и наиболее трудно систематизируется. Прочитируем следующее суждение Ст. Ульмана: «Фонетические и грамматические средства языка ограничены в количественном отношении и строго систематизированы <...>. Словарь же представляет собой расплывчатую массу бесконечно большого числа элементов; границы его зыбки и трудно определяемы...» [Ульман 1968, 18].

Взаимное влияние экстра- и интралингвистических факторов приводит к семантическим изменениям, а эволюция общеиспанских и панамериканских языковых средств воплощается в универсальных языковых процессах: семантической дивергенции, расширении / сужении значения, развитии дополнительных смыслов и коннотаций, формировании словообразовательных дублетов, а также в тропеических механизмах языка и идиоматизации. Обращение к единицам общеиспанского основного словарного фонда выявляет яркие примеры развития значений. Рассмотрим несколько примеров. Так, существительное основного словарного фонда *pan* m ‘хлеб’ помимо панамериканского значения ‘кусоч’ (мыла, сахара) [ИРСЛА 2004, 464], употребляется в Мексике как народное обозначение растений семейства лилейных и семейства горечавковых. В следующем контексте данное значение актуализировано в научно-популярном дискурсе, в перечислении типичных представителей флоры штата Табаско, вместе с существительными *mulato* m – народное название тропического дерева семейства бурзеровых, широко используемого в качестве живых изгородей и применяемого в народной медицине при лечении диареи; *ceiba* f сейба – характерное дерево тропиков; *guayabo* m (карибское заимствование) – гуайява, вечнозеленое дерево, дающее кисло-сладкие ароматные плоды, и *mango* m – плодородное дерево «манго»:

Está considerado como uno de los lugares más lluviosos del mundo, pues cuenta con mayor precipitación pluvial. Se ubica en los inicios de la meseta central de Chiapas, es decir, donde comienzan las primeras estribaciones de

esta sierra. Su nombre significa Río de Piedras o Río Pedregoso. Este sitio está cobijado por los ríos Teapa, Puyacatengo y Pichucalco, así como por una gran espesura natural, donde imperan árboles, como el pan, el mulato, la ceiba, el guayabo y el mango. [Guía “México desconocido”. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas», 81].

Общеиспанский архитектурный термин *zócalo* m в значениях 1) цоколь; 2) панель, облицовка нижней части стены, 3) основа, база (колонны, пьедестала), 4) пьедестал [БИРС 2005, 806] развил в испанском языке Мексики значение «центральная площадь». Хотя «Большой испанско-русский словарь» дает это значение с уточнением «в селениях» [БИРС 2005, 806], анализ различных видов мексиканского дискурса и анализ лексикографических источников [DEUM 1996, 936; ИРСЛА 2004, 608] показывает, что так именуется центральная площадь в городах, например, *Zócalo de la Ciudad de México*. Ср. следующий контекст о городе Тлакоталпан – муниципальном центре штата Веракрус:

El malecón de Tlacotalpan está a sólo una calle del zócalo [México desconocido, №. 286, diciembre 2000, 18] ‘Набережная находится в двух кварталах от центральной площади’,

а также фрагмент из романа Анхелес Мاستретты:

Era una casa grande para nosotros dos. Una casa en el centro, cerca del zócalo, la casa de mis papás y las tiendas [Mastretta, 21] ‘Это был большой дом для нас двоих. Дом находился в центре, рядом с центральной площадью, домом моих родителей и магазинами’.

Зафиксированные в словаре мексиканизмов Ф. Сантамарии значения «плацдарм»; «проспект», «парк» [Santamaría 1992, 1152] становятся в современном узусе историческими реалиями.

Сочетание псевдоархаичных и инновационных черт в целом придает особую национальную специфику испанскому языку Мексики и его лексическому уровню, в частности. Национальный менталитет, особенности национального мировидения и языковой картины мира мексиканцев, а также естественное развитие языка как средства коммуникации обуславливают также формирование и развитие специфических тематических пластов и образование культурно значимой лексики. Яркий пример переосмысления исходного пиренейского значения и развития на базе нового значения словообразовательных дериватов и культурно значимых смыслов даёт существительное *charro* m.

Если в пиренейском национальном варианте испанского языка так традиционно называется житель Саламанки [Moliner 1986, tomo I, 60], то в Мексике существительное *charro* m стало обозначением одной из модельных личностей мексиканца – опытного коневода и

виртуозного наездника, обязательным атрибутом которого является характерным образом украшенный костюм, что подробно отражено в лексикографических изданиях [Mejía Prieto 1984, 45; Moliner 1986, tomo I, 60; Santamaría 1992, 365; DEUM 1996, 312; DEMT 1996, 360; ИРСЛА 2004, 244].

Así que estás llorando por tu charro – dijo [Mastretta, 30] “Так ты плачешь по своему герою?”, – спрашивает вернувшийся из тюрьмы несправедливо обвиненный муж свою молодую жену – героиню романа Анхелес Мастретты *Arráncame la vida* ‘Отними у меня жизнь’.

Женский коррелят *charra f* также обозначает наездницу (костюм женщины-всадницы состоит из длинной юбки, короткого жакета и мужского сомбреро). Прилагательное *charro* означает принадлежность всадникам-чарро: *traje charro* ‘костюм всадника-чарро’, а также принадлежность культуре чарро как сложившемуся стереотипу традиций, установок и образа жизни: *competencias charras* ‘состязания всадников-чарро’. Обобщенное обозначение культуры чарро образовано посредством общеиспанского суффикса абстрактного значения *-ía*: *charrería f* и также составляет единицу культурно значимой лексики мексиканского национального варианта испанского языка. Сравним транслитерацию этого термина в переводе на английский язык рекламного дискурса:

Guadalajara es cuna de la charrería / Guadalajara is the birthplace of “charrería” [Guía Turística Jalisco, 2001, 5ª edición anual, 38] ‘Гвадалахара – родина чарро’.

Под влиянием ассоциативных факторов (в частности, излишней яркости для повседневной жизни костюма чарро), имена *charro m / charra f* и соответствующие прилагательные развили значения «не отличающийся качествами хорошего вкуса»; «глупый», «недалекий»; «предполагающий корпоративные интересы» [Mejía Prieto 1984, 45; Santamaría 1992, 365; DEUM 1996, 312; DEMT 1996, 70]. Глагольный дериват *charrear intr* означает «участвовать в состязаниях всадников-чарро» и – метонимически – «вести себя, как чарро». Неодобрительную оценку представления себя как всадника-чарро, не являясь им в действительности, отразил мексиканский фразеологизм *charro de agua dulce* (дословно «пресноводный чарро»).

Как эталон «подлинности» образ всадника-чарро в следующем рифмованном мексиканском речении противопоставляется неодобряемой фигуре щеголя (зональный американизм *catrín m*):

Aunque somos del mismo barro, no es lo mismo catrín que charro [Mejía Prieto 1984, 45] ‘Хоть мы и из одного теста, щеголь и чарро не скачут вместе’; речение предписывает уважительное отношение к людям.

Помимо этого, мужской коррелят *charro m* (также в диминутивной форме *charrito m*) именуется в Мексике вид ставриды, обитающей в Мексиканском заливе [DEUM 1996, 312]. Подобные языковые факты показывают сложность совместного действия интра- и экстралингвистических факторов, приводящих к развитию лексических средств полинационального языка в условиях национальной культуры. Как справедливо указывает Т.Ю. Загрязкина, «лишь совместными усилиями представителей многих дисциплин, изучающих человека – лингвистов, исследователей фольклора, этнографов, психологов, социологов – можно решить многие важные проблемы, связанные с пространственным варьированием языка» [Загрязкина 1996, 1].

Субстратное влияние дороманских языков Пиренейского полуострова на становление испанского языка оказалось весьма незначительным: «По-видимому, развитие пиренейско-иберийской латыни определял прежде всего не местный субстрат, а особый характер взаимодействия *sermões urbanos* и провинциальных рустических говоров италийских переселенцев» [Широкова 2005, 104; выделено нами – О.Ч.]. Как и в других латиноамериканских национальных вариантах испанского языка, специфика лексического состава мексиканского национального варианта во многом обусловлена субстратным влиянием местных индейских языков. Здесь уместно привести следующие слова автора фундаментального труда «История испанского языка» академика Рафаэля Лапесы, предвещающие анализ индихенизмов в испанском языке Латинской Америки: *La contribución más importante y segura de las lenguas indígenas está en el léxico* [Lapesa 1995, 127] ‘Лексика – наиболее важный и бесспорный вклад индейских языков’.

Лексический индейский субстрат мексиканского национального варианта испанского языка представляет многомерное и неоднозначное явление. Интерпретация субстратного влияния индейских языков на испанский и португальский языки и библиография по данному вопросу представлены в масштабной работе В. Дитриха [Дитрих 2002], где обосновывается необходимость введения понятия «интерстрат».

Корреляция собственно лингвистических фактов с явлениями менталитета и языковой картины мира может представлять новый ракурс подхода к индихенизмам, как и к другим престабионным и эволюционным процессам в мексиканском национальном варианте испанского языка и в национальных вариантах испанского языка Латинской Америки в целом.

1.3. Менталитет vs. языковая картина мира

Национальный менталитет относится к базовым понятиям культурологии. Под ним обычно понимают сформировавшийся под влиянием традиций культуры глубинный уровень коллективного сознания, склад ума и духовности, а также тип мировосприятия социума [Кононенко 2003, 264]. В этнологии под менталитетом понимается «система мировоззрения, основанная на этнической картине мира, передающаяся в процессе социализации и включающая в себя представления о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах» [Лурье 1998, 228], при этом этническая картина мира рассматривается как «сформировавшиеся на основании этнических констант, с одной стороны, и ценностных доминант – с другой, представления человека о мире – отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные» [Лурье 1997, 228]. Реконструкция и постижение национального менталитета предполагает междисциплинарный подход и привлечение как можно более обширного материала культуры, речевых и неречевых практик. Каковы речевые и неречевые проявления менталитета? Существует ли между ними связь? Ответы на эти вопросы позволяет найти семиотика как «наука об общей системе знаков, стоящая над частными системами, и как инструмент анализа объектов в каждой из них» [Новиков 2003, 25]. Весьма плодотворным представляется поиск корреляции явлений национального менталитета, языковой картины мира и собственно языкового материала по признакам трех основных семиотических измерений знака – семантики, синтактики и прагматики.

Значение семиотики (семиологии) для развития научного знания трудно переоценить. В частности, семиотика открыла перспективы познания культуры как знаковой и коммуникативной систем: «Семиология рассматривает все явления культуры как знаковые системы, предполагая, что они таковыми и являются, будучи, таким образом, также феноменами коммуникации» [Эко 1998, 33]; «Культура (которая начинается с самых элементарных процессов восприятия) в том и состоит, чтобы наделять значениями природный мир, состоящий из «присутствий», т.е. превращать присутствия в значения» [Эко 1998, 285]. Живопись, скульптура, архитектура, музыка, танец, одежда, национальная кухня, повседневная речевая коммуникация и сопровождающие ее проксемика и кинесика суть закономерные и органичные проявления знаковой сущности культуры и менталитета, ими же обусловленные.

По сравнению с языковой картиной мира (далее – ЯКМ), менталитет – явление более широкое, поскольку менталитет охватывает как языковые, так и неязыковые коды и реализации. Как верно отмечает О.А. Корнилов, «<...> знакомство с ЯКМ нации – это необходимое условие знакомства с национальной культурой, с национальным менталитетом, но НЕ достаточное. Оно обязательно должно дополняться изучением всего комплекса элементов национальной культуры: истории, фольклора, поэзии, живописи и многого другого, включая физическую географию страны» [Корнилов 2003, 82].

Культура относится к одному из ключевых понятий гуманитарных социальных наук. Человеческая мысль выработала более 500 определенных термина «культура», от этимологического значения «возделывание почвы», метафорически экстраполированного на античные представления о «культуре души» и «культуре разума», до философских интерпретаций культуры как гуманизма и культивирования общечеловеческих ценностей. Большой резонанс получила позиция английского этнографа Э. Тейлора (1832-1917), выдвинувшего антропологическое понимание термина «культура», подразумевающего «комплекс, включающий знания, верования, мораль, искусство, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, усвоенные человеком как членом общества» [Tylor 1871]. Культурология как междисциплинарная отрасль знания является сравнительно молодым направлением. По мнению видного отечественного филолога и культуролога С.П. Мамонтова, несмотря на то, что культура в широком значении этого слова традиционно служит объектом раздельного изучения гуманитариями-искусствоведами, историками материальной культуры, археологами и др., как самостоятельная наука культурология делает лишь первые шаги [Мамонтов 1994]. Современный культурологический подход к термину «культура» синтезирует материальный, духовный и социальный аспекты: «результат аккумуляции и трансляции социального опыта совместной жизнедеятельности членов того или иного сообщества» [Флиер 2000, 259]; «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [Кононенко 2003, 206]. В лингвокультурологии подчеркивается методологически неразрывная связь между двумя основными видами культуры: материальной и духовной [Воробьев 1997, 14]. При этом семиотическая, или знаковая, функция культуры оказывается важнейшей в многофункциональной системе культуры, наряду с человеко-

творческой функцией, функцией трансляции социального опыта, познавательной, регулятивной и ценностной функциями [Культурология. История мировой культуры 1995, 10-11]

Языковая картина мира – одно из ключевых понятий современной лингвистики. Еще Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Различия между языками суть нечто большее, чем просто языковые различия слова и формы слова <...>, различные языки по сути своей, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [Гумбольдт 1985, 370]. Философская и языковедческая мысль создала целую серию образов языка, от «языка индивида» до «энергии духа и духовной активности» [Гумбольдт 1984], «пространства мысли» и «дома духа» [Степанов 1995, 7].

Картина мира – понятие и явление, близкое менталитету. Сравним рассуждение Ю.М. Лотмана: «Однако всякий текст вдвинут в некоторую внетекстовую структуру, самый абстрактный уровень которой можно определить как «тип мировоззрения», «картина мира» или «модель культуры» (известная разница между этими понятиями в данном случае несущественна)» [Лотман 1970, 322]. Думается, что следующее высказывание Ю.М. Лотмана о силе и известном бессилии слова можно отнести к сущности менталитета и картины мира, которые соответствуют формуле «понятно без слов»:

«Не случайно высшая форма понимания для многих типов культур укладывается в форму «понятно без слов» и ассоциируется с внесловесными коммуникациями – музыкой, любовью, эмоциональным языком паралингвистики» [Лотман 1970, 73].

Если менталитет и картина мира могут быть понятны «без слов», то ЯКМ имеет планом выражения именно языковую материю: «без слов» ЯКМ не существует. Как справедливо указывает В.И. Карасик, «проблема языковой картины мира сводится к фундаментальному вопросу о специфике отражения бытия через язык» [Карасик 2004, 99]. Признавая, что металингвистический аппарат ЯКМ еще находится в стадии становления, представляется очевидным, что языковая картина мира – понятие, более частное, чем картина мира и менталитет. Между менталитетом и ЯКМ образуются отношения «общего» и «частного».

Структурирование «картины мира» привело к онтологически принципиальному различению наивной («обыденной», «усредненной») и научной картины мира: «...наивные картины мира, извлекаемые путем анализа из значений слов разных языков, могут в деталях отличаться друг от друга, в то время как научная картина мира не зависит от языка, на котором она описывается» [Апресян 1995, 59].

Прилагательное «языковая» в формулировке «языковая картина мира» предопределяет неотъемлемую роль языка в содержании этого понятия. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших и актуальных задач современного научного знания. Зародившись в недрах философской мысли (Г.А. Брутян, Р.И. Павиленис, В.Г. Колшанский), в лингвистическом смысле языковая картина мира получила интенсивное развитие в связи с тезаурусным изучением лексики (Ю.Н. Караулов) и развитием семиотики (Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов).

Вопрос о составляющих ЯКМ не получил до сих пор окончательного теоретического решения. Е.С. Кубрякова отмечает: «Несмотря на то, что определению понятия языковой картины мира (ЯКМ) и описанию таких картин в разных языках уже посвящено немало исследований, в его освещении существуют значительные пробелы. Один из таких пробелов – это вопрос о том, как формируется ЯКМ в филогенезе и онтогенезе, другой – вопрос о том, что конкретно можно считать из системы языка входящим в ЯКМ и как отражены в ней не только отдельные уровни системы языка, но и ее организационные принципы, а также отдельные категории, единицы и т.п.» [Кубрякова 2003, 32]. Думается, что выявление устойчивых семантических ассоциаций слов и стоящих за ними культурных представлений, а также рассмотрение фразеологии через призму культуры отвечает познанию ЯКМ как «процесса реконструкции образа мира по данным языка» [Кубрякова 2004, 36].

Фразеология предствляет собой неотъемлемую составляющую языковой системы, пронизывая все ее значимые уровни. Фразеология задает в афористической форме особый ракурс, взгляд на действительность через призму национально-специфического способа познания мира с учетом культурно-исторической традиции. Важную роль фразеологического состава языка в формировании и отражении культурного самосознания нации показали исследования последних лет [Фирсова 1994; Телия 1996; Фразеология в контексте культуры 1999; Черданцева 2000; Слово. Фраза. Текст 2002; Георгиева 2002; Горды 2002; Иванова 2002; Виноградов 2003, 171-218; Санчес Пуиг 2003; Яковлева 2003; Ruiz Gurillo 1997; Plina 2003; Sokolova 2003, Ковшова 2012 и др.]. В рамках лингвокультурологического анализа фразеологизмов, т.е. изучения их способности «отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как «остов» его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах разных типов» [Телия 1999, 15], вытекает необходимость изучения испанского

фразеологического материала в неразрывной связи с факторами своеобразия национальных вариантов испанского языка.

В силу гетерогенности культуры испаноязычного мира закономерно, что фразеологический состав испанского языка характеризуется национально-культурной спецификой и лингвокультурологической вариативностью.

Так, фразеологизм значения «орел или решка» имеет вид *cara y cruz* в Испании; *cara o sello* – в Колумбии, Чили, Панаме, Перу, Венесуэле; *cara o seca* – в Аргентине; *cara o escudo* – в Коста-Рике; *cara o sol* – в Никарагуа; *sello o cruz* – в Эквадоре; *escudo o corona* в Коста-Рике; *escudo o estrella* – на Кубе; *águila o sol* – в Мексике; *cara y cruz, cara o número* – в Уругвае [Morvay 1986, 318; Molero 2010, 90-91].

Особое место фразеологических единиц (далее – ФЕ) в лексической системе и номинативных ресурсах испанского языка объясняется не только универсальными имманентными свойствами фразеологизмов, такими, как устойчивость компонентного состава, лексикализованность, воспроизводимость, интенсивность субъективно-модального компонента семантики [Курчаткина, Супрун 1981], но и тем богатейшим и неоднородным пространством культуры, в котором существует современный испанский язык. Территориальное варьирование современного испанского языка обуславливает национально-специфичные черты и его идиоматической насыщенности, и культурной референции фразеологических единиц, тесно связанной с проблемой вариативности.

В структурировании ЯКМ плодотворно реализуется понятие «культурная коннотация» – одно из базовых понятий лингвокультурологии, предложенных В.Н. Телия для анализа процессов идиоматизации. По мнению В.Н. Телия, культурная коннотация прямо или косвенно соотносит образ идиомы с базовой метафорой, которая интерпретируется «коллективным бессознательным» в пространстве категорий или установок культуры [Телия 1996]. К примеру, мексиканский (также бытующий в Гватемале) фразеологизм *lo que el viento a Juárez* ‘что ветер – Хуаресу’, где упоминается Бенито Хуарес (Benito Juárez; 1806–1872), государственный и политический деятель и национальный герой Мексики, организатор борьбы против англо-франко-испанской интервенции, первый Президент Мексики индейского происхождения, по культурной коннотации апеллирует к образной невозможности соотнесения ветра и знаковой фигуры мексиканской истории, откуда и проистекает идиоматизированное значение «ничего».

Яркие примеры культурных коннотаций образуют варианты мексиканских фразеологических единиц значения «давать взятку» с глаголом *dar* «давать»:

dar chayote / dar itacate / dar tamal,

а также антонимичные единицы значения «получать взятку» с глаголом *recibir* «получать»:

recibir chayote/ recibir itacate/ recibir tamal.

Оба ряда фразеологизмов соотносятся с уподоблением значений имен *chayote* m «плод дерева чайоте», *itacate* m «толстая тортилья», *tamal* m «приготавливаемый на пару пирог из кукурузного теста», подкупу, что и мотивировало соответствующие переносные значения и идиоматизацию.

Мы предлагаем рассматривать ЯКМ как один из семиотических кодов культуры, ею же обусловленный. Как пишет Умберто Эко, «найти код – это и значит теоретически постулировать его» [Эко 1998, 66].

Реконструкция и осмысление культурного пространства непосредственно отвечает целям познания ЯКМ и является одной из предпосылок достоверной реконструкции ЯКМ. Глубина и масштабы рассмотрения культурного пространства зависят от конкретных исследовательских целей. Так, реконструкция русского культурного пространства с ориентацией на «фиксирующую и ориентирующую функцию» [Русское культурное пространство 2004, 9], представлена первым опытом лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» [2004].

Прецедентные феномены, представленные в издании «Русское культурное пространство» [2004], также составляют методически важный фактологический материал для выявления составляющих ЯКМ. Понятие «прецедентные феномены» синтезирует представления о «прецедентных текстах», «прецедентных высказываниях», «прецедентных именах», сформулированных в работах В.Г. Костомарова, Н.Д. Бурвиковой, Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, В.П. Белянина, Д.Б. Гудкова. Понятие «прецедентного текста» ввел в научный обиход Ю.Н. Караулов, при этом «прецедентными» оказываются тексты: «1) значимые для той или иной личности в познавательном эмоциональном отношении; 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; 3) обращение к которым возобновляется в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987, 216]. Развивая эти положения, авторы словаря «Русское культурное пространство» формулируют следующие характеристики прецедентных феноменов. Они включают факты:

1) «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Русское культурное пространство 2004, 16].

Эти принципы представляются справедливыми по отношению к материалу других языков и, на наш взгляд, могут быть успешно экстраполированы на испанский языковой материал и мексиканский, в частности. Приведем несколько характерных, на наш взгляд, примеров, которые показывают, что без знания прецедентных феноменов невозможно оценить лингвокреативную и культурологическую составляющую языковых фактов.

Так, прецедентное высказывание *Nosotros que nos queremos tanto* 'Мы, что так любим друг друга' – строка из текста знаменитого в Латинской Америке болеро Педро Хунко (Pedro Junco Jr.), долгое время находившегося в репертуаре известной мексиканской группы «Лос Панчос», составило основу названия удостоенного в 1994 г. премии Хуаны Инес де ла Крус (Sor Juana Inés de la Cruz) романа современной чилийской писательницы Марселы Серрано *Nosotras que nos queremos tanto* [Serrano 2002].

В прецедентном высказывании *Nosotros que nos queremos tanto* форма местоимения первого лица множественного числа *nosotros* реализует обобщающее значение местоимения множественного числа мужского рода. В названии же романа, посвященного судьбам и проблемам женщин, местоимение первого лица множественного числа употреблено в женском роде: *nosotras*. Носители языка легко опознают стоящее за ним прецедентное высказывание и построенную на нем языковую игру: «Мы (мужчина и женщина), что так любим друг друга» > «Мы (мачистское), что так любим себя» > «Мы (от лица женщин), что так любим себя» – своего рода «женский ответ» мачизму.

Строка из другого популярного во всей Латинской Америке болеро Агустина Лары *Arráncame la vida* 'Забери мою жизнь' стало названием имевшего громкий успех и переведенного на одиннадцать языков романа мексиканской писательницы Анхелес Мاستретты [Mastretta 2005].

На прецедентных высказываниях построена эстетика романа современного мексиканского писателя Хавьера Веласко *El materialismo histórico* 'Истериический материализм' [Velasco 2004]. Из фактов культуры испаноязычного мира, выступающих как прецедентные высказывания в семиотике этого романа, укажем трижды повторяющееся название глав *Confieso que he vendido* 'Признаюсь: я продал', отсылающее

к прецедентному высказыванию *Confieso que he vivido* 'Признаюсь: я жил' – названию мемуаров знаменитого чилийского писателя и общественного деятеля Пабло Неруды. Стилистический эффект языковой игры усилен созвучием причастий глаголов *vender* «продавать» и *vivir* «жить»: *vendido / vivido*.

Название же романа Карлоса Фуэнтеса *Todas las familias felices* 'Все счастливые семьи' [Fuentes 2006] имеет прецедентным феноменом первые строки романа Льва Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [Толстой, 5], что и представлено в виде развернутой цитаты в эпиграфе к роману:

*Todas las familias felices se asemejan,
cada familia infeliz lo es de su manera.*

León Tolstoi, Anna Karenina [Fuentes 2006, 9].

Обращение к прецедентным фактам при создании произведений словесно-художественного творчества подчиняется эстетическим задачам и замыслам. Апелляция к общим для автора и получателя информации (читателя, слушателя) прецедентным феноменам позволяет более эффективно (содержательно и образно) осуществлять диалог и принцип кооперации. Рассмотрим еще один пример.

Статья в мексиканском журнале *Istmo* о складывании норм вежливости в переписке по электронной почте называется *Etiqueta en la red: lo virtual no quita lo cortés* [Istmo, No. 264, Año 45, enero-febrero, 2003, 34] 'Этикет в Интернете: виртуальность не исключает вежливости'. Прецедентную основу заголовка составляет широко известный испаноговорящим фразеологизм *Lo cortés no quita lo valiente* 'учтивость не исключает храбрости', где прагматически обсуждается альтернатива «вежливость» – «храбрость», и составившая культурологический фон и культурную коннотацию актуализированной в заголовке языковой игры.

Насыщенность прецедентных феноменов культурными коннотациями обуславливает особую творческую задачу перевода прецедентных фактов средствами другого языка. В сказанном нетрудно убедиться при обращении к переводам прецедентных феноменов. Воспользуемся примером из эссе современной мексиканской писательницы Лауры Эскивель *El libro de las emociones* «Книга о чувствах» и его переводом на русский язык:

La herencia de Cantiflas se respira en los discursos de los políticos. Hablan sin hablar. Dicen sin decir [Esquivel 2005, 107] 'Наследие Кантифласа живет в выступлениях политиков, которые произносят речи, но ничего не говорят' (перевод наш – О.Ч.).

При функциональной адекватности перевода «Политики словно пустомели. Они говорят, ничего не сообщая по существу» [Эскивель 2005, 111], прецедентное для мексиканской культуры имя Кантифлас (*Cantiflas*) – имя персонажа мексиканского актера Марио Морено – хрестоматийный экранный образ пустослова, – не актуализируется, а «растворяется» в тексте принимающей культуры и претерпевает замену на эмоционально-окрашенную, но утратившую ономастическую связь с прецедентным феноменом мексиканской культуры, характеристику «пустомели».

Приведенные примеры показывают важность знания и владения культурными кодами для осознания и передачи (культурной трансляции) языковой картины мира. Отметим, что осмысление иноязычного культурного пространства в его творческой составляющей представляет крайне сложную задачу и предполагает прежде всего знание культуры в широком, антропологическом смысле и верификацию семанто-стилистических и культурологических фактов с помощью носителей языка: информантов и метаязыковых и метакультурных комментариев, принадлежащих «властителям дум», по М.М. Бахтину, «данной эпохи»: «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т.п. Всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п.» [Бахтин 1986, 283]. Так, например, мысли мексиканского философа Хосе Васконселоса об эмотивном видении мира латиноамериканцами и о свойственной им интерпретации мира логикой эмоций и красоты [Петякшева 2000, 40] позволяют более адекватно интерпретировать лингвокреативное проявление латиноамериканцев, в диапазоне от высочайших образцов художественной прозы до жанра уличного комплимента-пиропо и инвективы.

Как подчеркивает Ю.Н. Караулов, «и языковая картина мира, и менталитет – феномены когнитивного, т.е. не чисто языкового, а мыслительного или речемыслительного плана» [Караулов 2004, 16]. Поэтому особой задачей реконструкции ЯКМ является выявление и интерпретация когнитивных факторов, повлиявших на становление и эволюцию

языковых средств, регулярно и достоверно фиксирующих «обыденное сознание», «обыденный образ мира» и его концептуализацию: «одной из основных задач современной лингвистической семантики стало исследование концептуализации мира языком, его лексикой и грамматикой, т.е. исследование того, как язык членит мир и как он представляет его. <...> Разные языки по-разному концептуализируют мир» [Кронгауз 2001, 105].

Важным инструментом реконструкции ЯКМ представляется понятие «концепта» как многомерной ментальной единицы с ценностным элементом. Хотя до сих пор не существует однозначного и непротиворечивого определения данного термина, понятие «концепт» стало стержневым и объединяющим параметром для целого ряда гуманитарных наук – философии, социологии, этнологии и когнитивной лингвистики, в первую очередь. Онтология концепта представлена в трудах С.А. Аскольдова Д.С. Лихачева, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика, В.В. Красных, С.Г. Воркачева, В.П. Нерознака, Н.Н. Болдырева, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина. В когнитивной лингвистике под концептом понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996, 90]. Согласно выводам В.З. Демьянкова, функционирование термина «концепт» в разнообразных узусах научного и художественного дискурса сохраняет сему «незавершенность», «зачаточность» [Демьянков 2001, 35], что, на наш взгляд, и обуславливает эластичность и онтологическую многомерность содержания этого принципиально важного для современных когнитивных и лингвокультурологических изысканий термина. Как рабочее определение термина «концепт» в современных исследованиях широко применяется ёмкая и гибкая формулировка Ю.С. Степанова:

«Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2004, 43]. Этой формулировки в нашей работе будем придерживаться и мы.

Во внутривидовом плане когнитивный аспект содержания термина «концепт» пересекается с содержанием понятия «ключевых слов» в модели А. Вежбицкой. Параметр «ключевые слова» Анна Вежбицкая вводит при разработке принципов установления связи лексического со-

става языка и культуры через выделение смысловых тем, составляющих особенности данной культуры. Под «ключевыми словами» А. Вежбицкой понимаются «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая 2001, 35]; «центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [Вежбицкая 2001, 37]. Ключевые слова и их ценностно-символические коннотации образуют пласт культурно значимой лексики. Семантическая специфика культурно значимой лексики обуславливает ее особую концептуальную и художественно-функциональную нагрузку в тексте. Рассмотрим пример из рекламного дискурса (сохранено выделение жирным шрифтом текста оригинала):

*Dé a sus invitados a enamorarse de Guadalajara, La Ciudad de las Rosas, bebiendo un **jarro de tequila** debajo de un sombrero **charro**, cobijados en un **reboso** y con las notas incomparables del **mariachi*** [Guía Guadalajara. Congresos. Exposiciones. Convenciones. 2001] ‘Позвольте своим гостям влюбиться в Гвадалахару – Город Роз. Сделайте это за глотком текилы, надев сомбреро всадника-чарро или закутавшись в шаль-ребосо под несравненные звуки музыки марьячи’. Лексемы *tequila* ‘текила’, *sombrero charro* ‘сомбреро всадника-чарро’, *reboso* ‘шаль-ребосо’, *mariachi* ‘марьячи

именуют важные составляющие концептосферы мексиканцев. Мы добавили бы к этому устойчивое метафорическое обозначение столицы штата Халиско – города Гвадалахары как «Города Роз»: «*Позвольте своим гостям влюбиться в Гвадалахару – Город Роз*».

Реконструкция языковой картины мира путем исследования лексики (семантики и фразеологии, в первую очередь) конкретного языка стало к настоящему времени стандартной лингвистической процедурой. Испанский языковой материал и здесь обнаруживает свою уникальность, поскольку на повестку дня встает вопрос о выявлении и интерпретации «ключевых слов» единого в структурном отношении испанского языка с учетом «межвариантной национально-культурной специфики» (термин акад. Н.М.Фирсовой).

Если в когнитивном плане ЯКМ смыкается с менталитетом, то в словесном воплощении составляющие ЯКМ содержатся в единицах языка / речи. Важным методологическим принципом и инструментом реконструкции и интерпретации ЯКМ может стать обращение к категории дискурса. «Сегодня категория дискурса в социальных науках играет роль, подобную той, что отведена евро в европейской экономике», – с такого символического сравнения начинается монография «Основы теории дискурса» М.Л. Макаров [Макаров 2003, 11]. Широкое понимание дискурса соотносится с его толкованием «как родовой категории по от-

ношению к понятиям речь, текст, диалог» [Макаров 2003, 90]. Речевая деятельность проявляет и актуализирует содержание дискурса: «как лингвистический объект дискурс лежит в области речевой деятельности, которая целиком и полностью обусловлена говорящим субъектом Я, хотя разнообразные формы дискурса допускают и косвенное представление субъекта речевой деятельности и выявляют взаимодействия дискурса и нарратива, преимущественно в текстах, в письменной форме, где наряду с субъектом Я сосуществует и актуализируется объект речи – субъект Он» [Красина 2006, 78]. Одновременная обращенность дискурса к ментальной и речевой деятельности [Красина 2004] не только намечает исследовательские задачи когнитивного и внутрисконструктурного плана, но и позволяет расценивать именно дискурс одним из важнейших материалов и источников реконструкции и интерпретации ЯКМ по данным языка, речи и мышления.

1.4. Менталитет мексиканцев: истоки и современность

«Невозможно понять, что такое terra nostra, мексиканская terra nostra, не вглядываясь в колодец прошлого», – пишет в эссе «Нарушенные завещания» Милан Кундера [Кундера 2004, 20]. Эти слова могли бы стать ключевыми к пониманию процессов становления и воплощения менталитета мексиканцев.

Мексика является колыбелью древнейших цивилизаций ольмеков, ацтеков, майя. Доколумбовы цивилизации Мексики достигли высокого уровня знания в области медицины и астрономии, создали разнообразную по жанрам литературу и блестящие образцы архитектуры, скульптуры и настенной росписи [см.: Культура Мексики 1980, Культура Латинской Америки 2000, 453-472; Козлова 1997].

На юго-восточном побережье Мексики сохранилась удивительная монументальная скульптура ольмеков – огромные человеческие головы из черного базальта с очевидными негроидными чертами.

Илл. 4. Монументальная скульптура ольмеков

Древние ацтеки – наиболее многочисленный индейский народ Мексики – достигли незаурядного мастерства в обработке камня, золота и серебра и в изготовлении керамики, сооружали четырехгранные пирамиды с сакральным храмом или дворцом на усеченной вершине, а также имели пиктографическое письмо с элементами иероглифики. В 1790 г. в Мехико был найден базальтовый диск диаметром 3,66 метра с резными изображениями, символизирующими дни и годы, – «Камень Солнца» (*Piedra del Sol*) – уникальный памятник ацтекской скульптуры 15 века.

Илл. 5. Стилизованный ацтекский календарь

У древних майя было иероглифическое письмо, просуществовавшее с первых веков нашей эры до 16 века и дешифрованное в 50-х годах XX века советским ученым Юрием Валентиновичем Кнорозовым [Кнорозов 1955; 1963]. Не знавшие колеса и не имевшие орудий труда из металла, древние майя обладали исключительно точными познаниями в области астрономии, о чем свидетельствуют их таблицы затмений Луны и Солнца и календарь.

Мексиканская нация сформировалась на основе индейского, европейского (преимущественно испанского) и в очень незначительной степени негритянского компонентов. Метисное ядро мексиканской нации сложилось к XIX веку. Метизация (*mestizaje*), как подчеркивает Х.Г. Морено де Альба, стала важнейшим фактором испанизации [Moreno de Alba 2001, 76] – ассимиляции испанского языка и форм испанской культуры. В эссе *Tiempo mexicano* / «Мексиканское время» известный мексиканский писатель Карлос Фуэнтес подчеркивает, что внешний европеизм не выражает истинной сущности Мексики, а слу-

жит лишь маской, скрывающей индейское лицо национальной культуры [Fuentes 1997a].

Самоназвание мексиканцев – *mexicanos* – происходит от одного из самоназваний ацтеков – *mexicas* «мешикас» / «мешики». Язык ацтеков – науатль (*nahuatl*) – крупнейший из сохранившихся индейских языков Мексики, преподавание которого ведется в школах страны. По данным на 2000 г., на науатль в Мексике говорит около 1,5 миллионов человек [http://inegi.gob.mx]. Общая же численность населения Мексики, говорящего на индейских языках, по данным на 2000 г., составляет 7,2% [http://inegi.gob.mx]. Крупнейшие индейские языки – это náhuatl, maya, mixteco, zapoteco, tzotzil, otomí, tzeltal, totonaca, mazateco, chol, huasteco, mazahua, chinanteco, purépecha, mixe, tlapaneco, tarahumara, zoque, amuzgo, chatino, tojolabal, mayo, huichol, tepehuán, cora, huave, cuicateco, yaqui.

Испанизация автохтонного населения Мексики, как и испанизация автохтонного населения Америки в целом, начавшись в 16 веке, продолжается и по сей день. Судьба автохтонных языков противоречива и неоднозначна. Как указывает Х.Г. Морено де Альба, только в одном мексиканском штате Оахака говорят не менее чем на 15 индейских языках, каждый из которых имеет собственные диалекты, что затрудняет общение представителей разных индейских народов. В лингвистическом смысле фрагментация индейских языков не способствует их сохранению. Примечательно, что если во времена Конкисты испанизация была медленной, сейчас она поистине стремительна (*vertiginosa*) [Moreno de Alba 2001, 76-77]. Отметим, что параллельно с испанизацией индейцев происходила индихенизация (*indianización*) испанцев.

Примечательны в этой связи слова из статьи «Языки глобализации» чилийского писателя Хорхе Эдвардса в юбилейном выпуске газеты «Эль Паис», посвященном ключевым вопросам мировой истории и культуры и культуры испаноязычного мира, в частности:

Al pisar tierras americanas, el hombre europeo entraba en un proceso de olvidos parciales. No podía seguir siendo el mismo. Emprendía un camino de mestizaje racial, cultural y, desde luego, inevitablemente, verbal. El habla del Nuevo Mundo conserva las estructuras básicas del idioma, y esto constituye una especie del milagro universalista, pero tiene otro acento, otro aire, otro ritmo. [EL PAÍS 10.000, 18 de octubre de 2004, 148] ‘Ступая на землю американского континента, европеец вступал на путь частичных забвений. Он вступал на путь расовой, культурной и, естественно, языковой метизации. Речь Нового Света сохранила основные структуры испанского

языка, что является своего рода универсалистским чудом. Но испанский язык Нового Света имеет иной акцент, иной дух, иную ритмику’.

В процессе метизации (креолизации – О.Ч.) становится ключевой фигура индейца-переводчика. Работа (*el trabajo*), метизация (*el mestizaje*) и катехизис (*la catequización*) стали тремя основами сближения испанских конкистадоров и индейцев [Mogeno de Alba 2001, 76-77].

Современные мексиканцы чтят и уважают свои индейские корни. Индейская символика, характерные элементы индейских традиций, быта и культуры бережно сохраняются и всячески подчеркиваются. Любовь и уважение к индейскому культурному наследию прививается детям с раннего возраста. *Debemos sentirnos orgullosos de que en México se hablen lenguas indígenas* ‘Мы должны гордиться тем, что в Мексике говорят на индейских языках’, – сказано в пособии для дошкольников [Guía escolar. Español. Matemáticas 1997, 319].

Значимость индейских традиций закреплена в Конституции Мексики:

ARTICULO 4º. La Nación mexicana tiene una composición pluricultural, sustentada originalmente en sus pueblos indígenas.

La Ley protegerá y promoverá el desarrollo de sus lenguas, culturas, usos, costumbres, recursos y formas específicas de organización social, y garantizará a sus integrantes el efectivo acceso a la jurisdicción del Estado [Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, 2] ‘Мексика является многокультурной страной, основу которой составляют автономные индейские народы. Закон охраняет и содействует развитию языков, культур, обычаев, традиций и форм социальной организации индейских народов и является гарантией их нахождения под юрисдикцией государства’.

Изучение индейских языков, пропаганда индейского культурного наследия составляют одну из прерогатив внутренней и языковой политики Мексики (см.: [La sabiduría de la palabra 2002]). Сошлемся также на известное мнение Мануэля Альвара о влиянии языковой политики на формы национального самосознания [Alvar 2002, 106].

Отношение мексиканцев к своему культурному наследию красноречиво выражают слова мексиканского поэта и дипломата Хайме Торреса Бодета (Jaime Torres Bodet; 1902-1974), размещенные при входе в Музей Антропологии в г. Мехико:

*Valor y confianza ante el porvenir
hallan los pueblos en la grandeza de su pasado.
Mexicano, contéplate en el espejo de esa grandeza.
Comprueba aquí, extranjero, la unidad del destino humano.*

Pasan las civilizaciones; pero en los hombres quedará siempre la gloria de que otros hombres hayan luchado para erigirlos ‘Силу и уверенность в будущем черпают народы в величии своего прошлого. Мексиканец, обрати свой взор к этому величию. А ты, иностранец, убедись здесь в общности судеб человечества. Сменяются цивилизации, но люди будут вечно гордиться, что им подобные боролись за создание этих цивилизаций’.

Культивирование сопричастности к прошлому является одним из ключевых принципов целенаправленного воспитания мексиканцев. В качестве подтверждения процитируем мнение современного научно-популярного журнала «Неизвестная Мексика»:

El entendimiento de nuestro pasado nos ayuda sin duda a saber por qué pensamos, actuamos, convivimos y somos de alguna manera específica. El pasado es la esencia y el nuestro tiene mucha riqueza, aunque no lleguemos a conocerlo bien. [México desconocido, junio 2004, № 328, 28] ‘Понимание нашего прошлого, безусловно, помогает нам осознать, почему мы думаем, поступаем, общаемся и являемся теми, кто мы есть. Прошлое – это сама суть, а наше прошлое отличается небывалым богатством, даже если мы его не сможем до конца изучить’.

Современные мексиканцы являются носителями синтетической культуры, вобравшей в себя и сохранившей сокровища культурного наследия как индейских народов Мексики, так и традиционных форм испанской культуры. Завоевание Нового Света и обращение местного населения в христианство представляли две стороны одного процесса. Неудивительно, что в конфессиональном отношении подавляющее большинство мексиканцев составляют христиане-католики.

Символичным архитектурным воплощением синтетического характера мексиканской культуры можно считать Площадь трех культур (*Plaza de las Tres Culturas*) в столице страны – г. Мехико, где соседствуют основание ацтекского храма, испанская церковь начала XVI в. и современные здания.

Архитектура – органичная знаковая система внутри культуры и ее неотъемлемая часть. В семиологической модели Умберто Эко отдельно представлены архитектурные коды [Эко 1998, 203-258], позволяющие «увидеть в архитектурном знаке означающее, означаемым которого является его собственное функциональное назначение» [Эко 1998, 211].

Завоевание Мексики испанцами принесло на смену сакральным архитектурным центрам индейцев (пирамидам, в первую очередь), традиционные культовые христианские сооружения. Уже в 1529 г. в Мехико был Кафедральный Собор (*Catedral metropolitana*), строительство которого началось в 1525 г. Имеющий 16 часовен и 27 алтарей, Кафе-

Илл. 6. Площадь Трех Культур в г. Мехико

дральный Собор столицы страны – это крупнейший католический храм Мексики и всего латиноамериканского континента. Свидетельством архитектурного синкретизма является тот факт, что многие христианские церкви возводились непосредственно на культовых сооружениях индейцев или на местах, где они некогда располагались. Яркий пример – церковь в Чолуле (штат Пуэбла), возведенная на вершине холма, где находилась пирамида в честь верховного ацтекского божества Кетцалькоатля. Знаменитая на всю Мексику Базилика Девы Гуадалупской, к которой 12 декабря стекаются тысячи паломников со всей страны, сооружена на холме Тепейяк, где располагался храм ацтекской богини-матери Тонатцин (*Tonatzin*). Культурный синкретизм прослеживается в убранстве христианских храмов колониального периода. Так, красочная индейская фресковая живопись, доколумбова пластика, ассоциация терний страдающего Христа с ритуальными шипами магея [Культура Латинской Америки 2000, 460-461] широко представлены в христианских храмах колониального периода. Священные Образы также воплощают культурный синкретизм. Например, один из исключительно почитаемых в Мексике Образов, к которому стекаются верующие со всей Мексики, – это Младенец Аточский (*Santo Niño de Atocha*), находящийся в храме XVII века «Сантуарио де Платерос» в городе Фреснильо (штат Сакатекас). Образ Младенца Аточского известен также как *Niño del huarachito* «Младенец в гуарачи», где *huarachito* – диминутивная форма заимствования из языка тарасков (пурепеча) *guarache* (*huarache*) ‘кожаные сандалии’. Именованию *Niño del huarachito* является отражением культурного и языкового синкретизма.

Илл. 7. Исторический центр г. Мехико

Илл. 8. Младенец Аточский

Такие типы дискурса, как философский и религиозный, также обнаруживают влияние индейского элемента как питающей среды. Самобытную и интереснейшую роль индейский компонент сыграл в становлении прозы мексиканских писателей-индихенистов.

Общеиспанские и национально-специфические символы сосуществуют в эстетике мексиканского словесно-художественного творчества. Приведем яркие, на наш взгляд, примеры из рассказа «Семейный альбом» мексиканской поэтессы и писательницы Росарио Кастьянос (1925-1974) – видной представительницы индихенизма в мексиканской литературе. В рассказе «Семейный альбом» реализуются паниспанские и национальные мексиканские культурные символы и аллюзии. Так, общеиспанские символы тавромахии – это ухо и хвост быка как знаки высшей награды, а также умение вести бой с быком (*torear, lidiar*) левой рукой как высшее проявление мастерства:

– *Duerme como una bendita. Pero estaba muy excitada y los calmantes tardaron demasiado tiempo en causar efecto. Tanto que yo temía que ustedes se hubieran cansado de esperar y se hubieran marchado.*

– *¿Sin charlar contigo antes? ¡Imposible!*

Y sin concederte la oreja y el rabo. ¡Porque vaya con el Miura que te ha tocado en suerte y con la mano izquierda que tienes para lidiarlo! [Castellanos, 135-136].

В эстетическом пространстве текста актуализирован и мексиканский фольклорный символ возвеличивания – сравнение с Кукульканом (маякская версия Кетцалькоатля):

Me aceptaban, pero no como al Kukulcán que yo había pretendido resucitar; sino como a una pobre mujer extraviada y bastante tonta [Castellanos, 113].

Наблюдения над формами мексиканской культуры в целом позволяют утверждать, что одну из фундаментальных составляющих национального менталитета мексиканцев и находящуюся в отношении изо-семии к нему важную черту своеобразия мексиканского национального варианта испанского языка образует индейский компонент.

Индийские корни имеет мексиканская государственная символика: изображение на гербе орла, держащего змею. Оно основано на древней легенде, согласно которой воинственному племени ацтеков явился их бог Уитцилопочтли (*Huitzilopochtli*) и наказал им идти до тех пор, пока они не увидят на озере орла, сидящего на кактусе и держащего в когтях змею; именно там надлежало быть ацтекскому поселению. С этой легендой связывается возникновение приблизительно в 1325 г. на озере Тескоко города Теночтитлана, на месте современного г. Мехико.

Мексиканская культура изобилует обращением к традиционным индейским темам и сюжетам. Это мексиканская живопись, музыка, кино, танец, а также философский и религиозный дискурс [см. подробнее: Культура Мексики 1980; Культура Латинской Америки 2000; Петякшева 2000].

В музыке, при выраженности народной креольской традиции и развитии испанских ритмико-мелодических форм, блистательные образцы музыкального творчества представляют балет «Человек из народа майя» Даниэля Айяла Переса, балет «Бонампак» Луиса Санди, симфонические произведения «Уастекская сюита» /“Suite Huasteca” и «Корзина с мексиканскими фруктами» /“Canasta de frutas mexicanas” Хесуса Эчеваррия, где явственно воплощены индейские мотивы.

Как было сказано, лексический уровень – наиболее проницаемый для культурно-мировоззренческих факторов. Индейский компонент в лексическом своеобразии мексиканского национального варианта ис-

панского языка как отражение индейского компонента в национальном менталитете будет специально рассмотрен в разделе 2.1.

Мексиканцы – мужественный и патриотически-настроенный народ, завоевавший в первой четверти XIX в. государственную самостоятельность. Ценности национального и освободительного движения также составляют одну из сущностей менталитета и национального характера мексиканцев. Самобытное фольклорное воплощение патриотические ценности нашли в жанре революционных корридо (*corrido*) – песен типа баллад, прославляющих героев и события революции 1910-1917 гг., в топонимической деятельности, а также во внесловесных реализациях культуры (живописи, музыке).

1.5. Особенности национального характера мексиканцев

Без представления о национальном характере этноса едва ли можно адекватно интерпретировать его речевую и лингвокреативную деятельность. Национальный характер – изосемичная психологическая проекция менталитета, отражение типовых психологических черт, которые присутствуют у значительного числа индивидов данного этноса. Психологическая составляющая национального характера издавна интересовала философов, писателей, этнографов, психологов.

Психоаналитическая теория, связанная с именами Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, выработала особый ракурс подхода к проблеме национального характера через призму культуры. Если по З. Фрейду, психологические процессы в целом формируют и развивают культуру (формирование «массовой души»), то Карл Густав Юнг поставил в основу своей аналитической теории культуры феномен «коллективного бессознательного», существующего в виде архетипов [Юнг 1998]. Преобразование архетипических форм в идеи создает, по К.Г. Юнгу, культуру и творчество [Юнг 1998, 111]. Архетипические формы составляют основу национального характера.

Интерпретация национального характера возможна только на синтезирующих принципах. Как пишет известный отечественный психолог и социолог И.С. Кон, «чтобы понять характер народа, нужно изучать, прежде всего, его историю, общественный строй и культуру; индивидуально-психологические методы здесь недостаточны» [Кон 1997, 147]. Этногенез, исторические судьбы, национальная психология, культура в единстве материального и духовного проявлений и культура повседневного бытия – синтез этих составляющих представляется наи-

более плодотворным в интерпретации такого сложного, многогранного и интереснейшего явления как «национальный характер» (см. напр., опыт реконструкции национального характера евреев, армян, французов и русских в свете интегральной теории нации, а также библиографию по теме в работе: [Мнацаканян 2005]).

Синкретизм культуры, духовное наследие индейских культур (индейский компонент в менталитете), уважение к прошлому, патриотические ценности мексиканцев отражены как в национальном менталитете, так и в национальном характере. В частности, это противоречивость отношений полов (социально-психологические феномены мачизма и виоленсии), национально-специфичное отношение к смерти, имеющие соответствующие проекции в речевых практиках и лингвокреативной деятельности (юмористический, этикетный дискурс, произведения словесно-художественного творчества).

«Дух необычности и радушие привязали меня к Мексике», – пишет в эссе «Мое открытие Америки» Владимир Маяковский [Маяковский 1953, 511].

Мексиканцы предприимчивы и трудолюбивы. В мемуарах *Confieso que he vivido!* «Признаюсь: я жил» чилийский поэт и общественный деятель Пабло Неруда восхищается трудолюбием мексиканцев, их человечностью и душевностью. Истинную Мексику, говорит Пабло Неруда, можно увидеть и познать на мексиканских рынках: «Мексика – это земля, где шали карминного цвета, а бирюза фосфоресцирует. Мексика – это страна глиняной посуды и кувшинов... Мексика – это бескрайние просторы, поросшие голубовато-стальными агавами, Мексика – это венец из ярко-желтых терниев. И все это есть на базарах, самых красивых на свете базарах. Плоды и шерсть, глина и ткацкие станки показывают, на какие чудеса способны вечные и умелые руки мексиканцев» [Неруда 1978, 214]. Будучи страстным патриотом своей Родины – Чили, Пабло Неруда посвящает Мексике такие возвышенные и проникновенные строки: «И нет в Америке, а может, и на всей планете такой человеческой страны, как Мексика, и таких человеческих людей, как мексиканцы. И ее блистательные достижения, и ее гигантские ошибки – звенья одной и той же цепи: грандиозной щедрости, глубочайшей жизненной силы, богатейшей истории, неисчерпаемой плодотворности» [Неруда 1978, 215].

О скромности и тактичности мексиканцев говорит Г. Гарсиа Маркес [Márquez 2010, 19].

В своем большинстве мексиканцы веселые, жизнерадостные и оптимистичные люди. По словам Карлоса Фуэнтеса, «ностальгия о по-

терянном рае и невозможность будущего рая оставляет большинство мексиканцев единственную возможность рая в данный момент»: *La nostalgia del paraíso perdido y la imposibilidad del paraíso futuro en el presente deja a la mayor parte de los mexicanos sin más posibilidad que la del paraíso en el instante* [Fuentes 1997a, 13].

Мексиканцы – гостеприимные, открытые и остроумные люди, ценящие шутки и острое слово. Они знают и любят свой фольклор, национальные песни и танцы. На улицах и площадях мексиканских городов и сел (в г. Мехико этим славится Площадь Гарибальди) всегда можно услышать народные, а также популярные современные песни в исполнении ансамблей марьячи (*mariachi*), обычно состоящих из струнных инструментов, двух-трёх труб (кларнетов) и тромбона, и исполняющих как народную музыку, так и произведения современных композиторов. Насладиться музыкой марьячи собирается огромное количество народа.

Мексиканец любит праздники и публичные сборища. Об этом великолепно сказал в книге «Лабиринт одиночества» лауреат Нобелевской премии по литературе, мексиканский писатель, поэт и философ Октавио Пас:

Todo es ocasión para reunirse. Cualquier pretexto es bueno para interrumpir la marcha del tiempo y celebrar con festejos y ceremonias hombres y acontecimientos. Somos un pueblo ritual [Paz 1999, 51] ‘Причина для сбора может быть любая. Любой предлог хорош, чтобы прервать ход времени и с пышностью и церемониями устроить праздник в честь человека или события. Мы – народ традиций’.

С долей иронии о своем пристрастии к праздникам и празднованиям мексиканцы говорят так:

Los mexicanos somos los mejores constructores de puentes, y el más largo que hemos construido es el Guadalupe – Reyes ‘Мы, мексиканцы, самые лучшие строители мостов (**«puente»/ «мост» – слияние праздничных либо выходных дней), и самый длинный из них – от Дня Богородицы Гуадалупе до Поклонения Волхвов**’ (Запись устной речи).

В повседневном бытовом общении мексиканцы очень обходительны и любезны, при этом формулы словесной учтивости прививаются и усваиваются с детства (см. раздел «Этикетный дискурс»). Интересный материал для понимания национального мексиканского характера дают самоквалификации мексиканцев – словесные характеристики, описывающие представление мексиканцев о себе самих. Наиболее частотная из собранных нами (главным образом, во время пребывания в Мексике в 1998 и 1999 гг.) таких самоквалификаций – это, пожалуй, *alegres* «веселые». Помимо отмечаемой мексиканцами собственной веселости, в

число наиболее частотных самоквалификаций мексиканцев, по нашим данным, попадают следующие:

cálidos – теплые, душевные,
extravertidos – экстраверты,
sinceros – искренние,
abiertos – открытые,
siempre estamos con la sonrisa en los labios – «всегда улыбаемся»,
de sangre caliente – горячие,
amistosos, amigables – дружелюбные,
sociables – общительные, контактные,
dicharacheros – словоохотливые,
albureros – насмешники, любители шуток с подтекстом,
accesibles – доступные в общении,
fuertes – сильные,
de corazón grandote, generosos – великодушные, щедрые,
chéveres con los extranjeros – любезные с иностранцами,
festejamos todo – «мы празднуем все, что можно»,
muy fiesteros/pachangueros – любители праздников,
nos gusta cantar, bailar, convivir, nos reímos hasta de nuestra propia muerte – «мы любим петь, танцевать, общаться, а смеемся мы даже над собственной смертью»,
nos gusta oír mariachi, tomar tequila – «мы любим слушать марьячи, пить текилу»,

de cualquier situación se da salida con el humor que se tiene aquí – «из любой ситуации можно найти выход с присущим нам юмором».

Из качеств в ряду самокритичных укажем так называемое valemadrismo «наплевательское отношение»;

malinchismo – увлечение всем иностранным, и, в первую очередь, тем, что относится к США.

В число самокритичных качеств попадает также mañanismo (от *mañana* «завтра») – привычка откладывать дела «на завтра», «на потом». Слово *mañana* в речи мексиканцев зачастую лишено предметного временного значения и во многих случаях означает «когда-нибудь». Хорхе Каррион объясняет непунктуальное отношение мексиканца ко времени, а также к пространству, психологическими (сочетанием черт индейца, метиса и креола) и природно-климатическими факторами:

Sabemos de las estaciones por las hojas de las estaciones, pero no por las de los árboles [Carrión 1970, 13] ‘Мы узнаем о временах года по листкам календаря, а не по листьям деревьев’.

Щедрость мексиканской природы и просторы ландшафта имеют следствием, по мнению Х. Карриона, отсутствие четкого представления о времени и о пространстве:

El mexicano se adapta a ese transcurrir temporal imperceptible. No siente el tiempo. No vive la necesidad de hacer por lo que puede hacer mañana idéntico y no es puntual porque ningún signo de naturaleza le apremia a serlo. Por eso, y por la transparencia del aire, las distancias del mexicano se miden "tras lomita". Tras lomita es la ecuación psicológica de un tiempo sin jalones y una perspectiva clara, libre de obstáculos [Carrión 1970, 13] 'Мексиканец приспосабливается к подобному незаметному течению времени. Он не чувствует времени. У мексиканца нет необходимости делать сегодня то, что он может сделать завтра, в точно такой же день, как сегодня, поскольку ни одно из проявлений природы не заставляет его поступить иначе. Поэтому и по причине полнейшей прозрачности воздуха, пространство мексиканец измеряет формулой «там, за холмом». «Там, за холмом» является психологическим уравнением времени, которое движется без скачков, и открытого пространства, свободного от препятствий?.

Таковы, на наш взгляд, основные черты национального характера мексиканцев, обнаруживающие изосемию к национальному менталитету и отражающие, прежде всего, синкретизм его составляющих.

1.6. Концепт «праздник» в лингвокультурологическом пространстве Мексики

Совокупность официально установленных национальных праздников можно рассматривать в качестве семиотической модели для изучения национального менталитета и национального характера как устойчивых кодов культуры. Рассмотрим и прокомментируем государственные праздники Мексики.

1 января – Новый год (*Año Nuevo*).

6 января – Поклонение Волхвов (*Día de Reyes*). Другое название этого праздника – *Epifanía* «Богоявление». Непременным атрибутом праздничного стола является выпечка *Rosca de Reyes* «Королевский Крендель» (в Испании – *Roscón de Reyes*).

5 февраля – День Конституции (*Aniversario de la Constitución*).

Принятие 5 февраля 1917 г. Конституции Мексики связано с именем Венустиано Каррансы (1859-1920 гг.), в 1914 г. – временного Президента, а с 1917 г. по 1920 г. – Президента страны. 5 февраля 1917 г.

В.Карранса созвал Учредительное собрание, провозгласившее в этот день Конституцию Мексики, действующую по сей день.

24 февраля – День Национального флага (*Día de la Bandera*). Праздник отмечается в честь опубликования 24 февраля 1821 г. в г. Игуала так называемого «Плана Игуалы», в соответствии с которым провозглашалась независимость Мексики от Испании и декларировались три основополагающих принципа развития страны: религия, единение, независимость.

21 марта – день рождения Бенито Хуареса (*Natalicio de Benito Juárez*, 1806-1872 гг.), мексиканского государственного и политического деятеля, национального героя Мексики.

1 мая – День Труда (*Día del Trabajo*).

5 мая – День взятия Пуэблы (*Batalla de Puebla*). 5 мая 1862 г. вблизи этого города мексиканцы разбили французских интервентов в ходе борьбы против англо-франко-испанской интервенции 1861-1867 гг.

16 сентября – День провозглашения независимости Мексики (*Día de la Independencia*). 16 сентября 1810 г. в селении Долорес местный священник Мигель Идальго (1753-1811 гг.) ударил в колокол и обратился к народу с призывом к вооруженному восстанию за освобождение родины от испанских колонизаторов. Этот призыв, заканчивавшийся словами *¡Viva México!* «Да здравствует Мексика!», положил начало войне за независимость Мексики (1810–1821 гг.) и вошел в историю как «Клич Долорес» (*Grito de Dolores*). День «Клича Долорес» стал национальным праздником – Днем провозглашения независимости Мексики. Этот праздник отмечается в Мексике особенно торжественно. В полночь на балкон Национального дворца выходит Президент страны с национальным знаменем в руках. Президент провозглашает здравицу в честь национальных героев Мексики и свободной и независимой Родины. Многочисленные собравшиеся скандируют вслед за Президентом слова «Клича Долорес» – *¡Viva México!* «Да здравствует Мексика!».

12 октября – День встречи двух миров, День открытия Америки Христофором Колумбом (*Día de la Raza*; в Испании – *Día de la Hispanidad*)

1 ноября – День всех святых (*Día de Todos los Santos*).

2 ноября – День поминовения, или День мёртвых (*Día de Muertos*). По мнению этнологов, этот праздник особенно отчетливо отражает одну из ярких черт национального мексиканского характера, а именно отношение мексиканца к смерти. В День Мёртвых Смерть (синонимы слова muerte f – «смерть» – в испанском языке Мексики – это, в первую очередь, *huesuda, calaca, pelona, tolinga, flaca*) выступает в роли карнавального страшилища, которого не боятся, над которым смеются и даже издеваются.

20 ноября – годовщина мексиканской революции 1910–1917 гг. (*Aniversario de la Revolución Mexicana*). В 1910 г. была свергнута 30-летняя диктатура генерала Порфирио Диаса, и начались серьезные преобразования во всех сферах мексиканского общества, результатом которых стало принятие Конституции 1917 г. – одной из наиболее передовых для своего времени.

12 декабря – день Богородицы Гуадалупе (Девы Гуадалупской – *Nuestra Señora de Guadalupe*), ставшей к XVII веку покровительницей всех мексиканцев. По преданию, декабрьским днем 1542 г. Богородица Гуадалупе («креольская смуглянка», по выражению выдающейся мексиканской поэтессы Сор Хуаны Инес де ла Крус) явилась на холме Тепейак (Тереуас) и передала розы простому индейцу Хуану Диго, избранному ею объектом милости и благодати (Хуан Диго канонизирован Римской Католической Церковью в 2002 г.).

В день 12 декабря в стране проходит огромный крестный ход, а к вмещающему более двадцати тысяч человек зданию базилики Богородицы Гуадалупе в г. Мехико стекается свыше миллиона паломников со всех уголков Мексики. Богородица Гуадалупе очень почитается в Мексике. Даже если мексиканец не является истовым верующим, изображение Богородицы Гуадалупе наверняка находится у него дома, либо в машине или в бумажнике.

25 декабря – Католическое Рождество (*Navidad*). В жизни современных мексиканцев празднование Католического Рождества и Нового года слились в одно событие. С 16 по 24 декабря празднуются так называемые «посадас» (*posadas*), восходящие к Библейскому сюжету поиска Девой Марией убежища (исп. *posada* f – «дом», «жилище», «пристанище») для рождения Младенца Иисуса.

Как и в других странах мира, в Мексике украшается рождественское дерево – *árbol de Navidad*. Историки полагают, что рождественское дерево украшалось в Мексике еще в доиспанскую эпоху. Таким образом в пятнадцатый месяц ацтекского календаря «панкетцалицтли» (*panquetzaliztli*) [González Torres 1999, 125] приблизительно между 16 и 25 декабря современного календаря, праздновалось появление на свет бога войны древних ацтеков Уитцилопочтли. В испанских хрониках Уитцилопочтли (*Huitzilopochtli*) фигурирует под именем *ochilobus* [Moreno de Alba 2001, 86]. О Уитцилопочтли, называя его Вицлипуцли, рассказывает Ивану Бездомному булгаковский Берлиоз:

«Высокий тенор Берлиоза разносился в пустынной аллее, и по мере того, как Михаил Александрович забирался в джунгли, в которые может забираться, не рискуя свернуть себе шею, лишь очень образованный чело-

век, поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благостного бога и сына неба и земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного *грозного бога Вицципуцци, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике*» [Булгаков М.А. Мастер и Маргарита, с. 15; выделено нами – О.Ч.].

Еще одна интересная мексиканская новогодняя традиция – разбивание начиненных подарками глиняных горшков-пиньят (*piñatas*) также хронологически восходит ко времени ацтекской цивилизации. В далеком прошлом пиньяты наполнялись водой и местными фруктами, а их разбивание совершалось в честь рождения Уитцилопочтли и символизировало плодородную землю и животворную силу дождя. Непременным атрибутом праздничного стола ацтеков в те дни была индейка, что сохраняется в Мексике и до сих пор. Примечательно, что индейку мировая кулинария узнала именно благодаря древним ацтекам.

Таким образом, семиотика государственных праздников Мексики выявляет на материале данной микросистемы культурных кодов основные составляющие менталитета мексиканцев: синкретизм культуры, индейский компонент, значимость ценностей национально-освободительного движения.

1.7. Выводы

Лингвокультурологический анализ языка связан с реконструкцией и интерпретацией языковой картины мира.

Языковая картина мира (ЯКМ), в нашем понимании, относится как частное к общему – к менталитету, а также к картине мира, могущей быть научной и наивной. Языковую картину мира мы предлагаем рассматривать как один из семиотических кодов культуры, ею же обусловленный.

Для овладения иноязычной языковой картиной мира необходимы знание и овладение культурными кодами в широком, антропологическом смысле и понимание культурной специфики этноса.

Современные мексиканцы являются носителями синтетической культуры, вобравшей в себя и сохранившей сокровища культурного наследия как индейских народов Мексики, так и традиционные формы испанской культуры.

В отличие от невербальных семиотических кодов культуры, таких, как живопись, архитектура, музыка, языковая картина мира имеет планом выражения языковую материю.

Языковая картина мира оказывается одновременно когнитивным и речевым явлением и поэтому достоверно выявляется и верифицируется через дискурс, онтологически также обращенный к мыслительной и речевой деятельности.

Важнейшими инструментами реконструкции и осмысления языковой картины мира служат:

- концепты,
- ключевые слова,
- прецедентные феномены,
- культурные коннотации,
- семантические ассоциации слов,
- тропеические механизмы языка,
- идиоматизация.

Для испанского языкового материала, в силу гетерогенности культуры испаноязычного мира, необходим учет межвариантной национальной культурной специфики.

В мексиканском национальном варианте испанского языка органично сосуществуют стабильное общеиспанское ядро и вариативные особенности, обусловленные самобытностью мексиканской культуры, менталитетом, национальным характером и языковой картиной мира мексиканцев.

Менталитет, национальный характер и присущая мексиканцам языковая картина мира находятся в отношениях изосемичности и изофункциональности. Релевантными кодами менталитета и языковой картины мира мексиканцев представляются синкретизм культуры, индейский компонент, значимость ценностей национально-освободительного движения, что было продемонстрировано на семиотике государственных праздников Мексики как микросистеме культурных кодов страны.

Глава II

КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМАЯ ЛЕКСИКА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

2.1. Индихенизмы как пласт культурно значимой лексики

2.1.1. Индихенизмы в общеиспанском словарном фонде

Индихенизмы (индианизмы) – один из неотъемлемых пластов культурно значимой лексики испанского языка Латинской Америки и одна из интереснейших и не теряющих актуальности тем взаимного влияния генетически различных элементов на формирование словарного состава испанского языка. Как подчеркивает акад. Г.В. Степанов, «после «арабизации» испанского языка «индианизация» его лексики была вторым крупным этапом в процессе языкового (лексического) обособления испанского языка в семье романских языков» [Степанов 1979, 233]. Указанием на обогащение испанской лексики за счет заимствований из языков американских индейцев, которые через испанский язык вошли в другие европейские языки, завершает главу «Испанский язык» курса «Введение в романское языкознание» проф. М.В. Сергиевский: «Таковы *hamaca*, *huracán*, *maíz*, *tabaco* из карибских языков; *tomate*, *chocolate*, *jícara* («чашка») из языков мексиканских индейцев: *cóndor*, *jaguar*, *рапра*, *часра*, *рима* из перуанских языков и т.д.» [Сергиевский 1954, 201].

Если майякизмы (*mayismos*) в общеиспанском лексическом пространстве незначительное количество [Moreno de Alba 2001, 88], то язык ацтеков – науатль – оказал весьма существенное влияние на словарный состав как собственно мексиканского национального варианта испанского языка, так и на испанский язык в целом. Используя данные Т. Буэсы и Х.М. Энгиты [Buesa y Enguita 1992], Х.Г. Морено де Альба приводит список заимствований из языка науатль – науатлизмов (*nahuatlismos*), широко распространенных как в Мексике, так и в панамериканском и общеиспанском пространстве [Moreno de Alba 2001, 260]. Эти науатлизмы традиционно считаются в наибольшей степени обогатившими словарный состав испанского языка. Их можно объединить в следующие лексико-семантические группы.

Наименования флоры:

zapote /ахра (травя);

tejacote /шиповник;

achiote /ароматическая трава;

poral /нопаль (разновидность кактуса).

Лексика, связанная с маисом (кукурузой):

milpa /кукурузное поле;

elote /молодой кукурузный початок;

jilote /созревающий початок кукурузы;

olote /вылущенный кукурузный початок.

Наименования фауны:

guajolote /индейка;

coyote /койот (луговой волк);

ocelote /оцелот;

quetzal /птица-кетцаль;

zopilote /гриф;

tecolote /филин;

tlacuache /опоссум.

Лексика кухни:

metate /зернотерка;

comal /глиняная сковорода;

jícara /сосуд из тыквы;

chocolate /шоколад;

pinole /пиноле (напиток из жареной кукурузной муки);

tequila /текила (водка из агавы магей);

atole /атоле (питательная каша из кукурузной муки);

pozole /посоле (густой суп из мяса, кукурузы и острого перца-чили);

tepache /тепаче (слабоалкогольный напиток);

totopo /жареная тортилья;

tomate/зеленый помидор;

сасао /какао;

сасahuate /арахис;

samote /батат, сладкий картофель;

chile /острый перец-чили;

jícama /клубень;

ejotes /зеленая фасоль.

Одежда:

huipil /расшитая безрукавка;

tilma /накидка;

ayate /вид ткани.

Человек и его характеристика:

tencua /заячья губа;

chincual /сыпь;

nagual /знахарь;

chichigua /няня, кормилица;

cuate /близнец;

pilmama /няня;

cosonete/ маленький ребенок;

tameme /носильщик-индеец;

mitote /шум, гам.

Земледелие:

chinampa /чинампа (насыпанный плавучий островок или полуостровок для возделывания сельскохозяйственных культур).

Быт, мир повседневности:

jacal / шалаш;

galpón/ навес;

tianguis / рынок;

tejamanil /гонт;

petate / циновка;

malacate/ веретено;

molcajete /каменная ступа;

petaca / сундук;

chiquihuite / котомка;

huacal / короб;

mecate /веревка;

hule /каучук;

paralote /воздушный змей;

tiza/мел;

charopote /асфальт;

corral /копаль (вид камеди).

Этнографические реалии:

amate / кора дерева, на которую наносят рисунок специальными растительными красками; рисунок, выполненный в этой технике;
temascal /паровая баня (у ацтеков).

Показателен статистический повокабульный подсчет лексики индейского происхождения. Так, по оценкам лексики, представленной в «Испанско-русском словаре. Латинская Америка», индихенизмы составляют 14 % единиц словарного корпуса [Фирсова 2000, 26].

Индихенизмы – проекция и отражение влияния индейских культур на национальные варианты испанского языка Латинской Америки и языковую картину мира латиноамериканцев. Отметим, что раздел об индихенизмах составляет важную культурологическую часть курса испанского языка как иностранного, разработанного в Мексиканском Национальном Автономном Университете [Pido la palabra 1996, 106-108].

Предметно-логическое и концептуальное значение индихенизмов позволяет расценивать многие из них как ключевые слова латиноамериканских национальных вариантов испанского языка, т.е. как те «центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [Вежбицкая 2001, 37]. Это подтверждается возможностями словообразования и семантической деривации индихенизмов, их участием в тропеических механизмах языка и идиоматизации, а также функционированием в дискурсе [Синявский 1993; Фирсова 2000; Дитрих 2002; Виноградов 2003; Мед 2003; Чеснокова 2004, 2006; Яковлева 2005, Iákovleva 2011 и др.].

2.1.2. Лексико-семантические группы индихенизмов

Наши наблюдения над индихенизмами автохтонного происхождения мексиканского национального варианта испанского языка позволяют выделить следующие лексико-семантические группы.

1. Названия флоры:

tacalote m /американский боб;

sacsaóite m /дерево из семейства акантовых.

2. Названия фауны:

tulix m /стрекоза;

tuza f /гофер, мешотчатая крыса.

3. Наименования идущих в пищу овощей и фруктов:

jitomate m /красный помидор;

tomate m /зеленый помидор.

4. Названия блюд национальной кухни:

tacazota f /маисовая лепешка;

mole m/соус, жаркое.

5. Названия национальных напитков:

mezcal m /мескаль – водка из агавы;

tlachique m /неочищенный пульке.

6. Названия домашней утвари:

metate m /зернотерка;

comal m /глиняная сковорода.

7. Названия элементов традиционного жилища индейцев:

cuescomate, coscomate m /куэскомате – отдельно расположенное от жилища зернохранилище, круглое или квадратное, иногда – вазообразное.

8. Названия атрибутов традиционной музыкальной культуры индейцев:

tuncul m /маленький индейский барабан.

9. Названия предметов народных промыслов:

amate m /амате – рисунки яркими красками (обычно в стиле примитивизма) на специальном образом обработанной истонченной коре одноименного дерева. Типичный мотив рисунков-амате – птицы с пышными хвостами.

10. Названия предметов с особыми, в представлении индейцев, магическими свойствами:

tzínaru m /обсидиан – вулканическая горная порода, из которой изготавливали стрелы, ножи и копья;

teoracle m /теопакле – ритуальная мазь.

11. Названия лекарственных трав и средств народной медицины:

tlacopatle, tlacopate, tlacopaxtle m /тлакопатле – лекарственное растение с антиспазматическими свойствами;

tlacosúchil m /тлакосучил – лекарственное растение, применяемое как кровоостанавливающее средство.

12. Исторические реалии:

yácatas f pl /якатас – доиспанские пирамидальные сооружения та-расков.

Названия месяцев и дней календарей, которые были созданы древними индейскими цивилизациями Мексики, также могут рассматриваться в ряду исторических реалий. Они включены, например, в «Словарь мифологии и религии Мезоамерики» Йолотль Гонсалес Торрес [González Torres 1999, 25-32] как неотъемлемая часть истории и мифо-

логии индейских культур. Обобщим названия и значения 20 дней ацтекского календаря в виде таблицы.

Таблица 1. Двадцать дней ацтекского календаря

Порядковый номер дня	Название-науатлизм	Перевод
1.	Cipactli	Крокодил
2.	Ehécatl	Ветер
3.	Calli	Дом
4.	Quetzpallin	Ящерица
5.	Cóatl	Змея
6.	Miquiztli	Смерть
7.	Mazatl	Олень
8.	Tochtli	Кролик
9.	Atl	Вода
10.	Itzcuintli	Собака
11.	Ozomatli	Обезьяна
12.	Malinalli	Трава
13.	Ácatl	Тростник
14.	Océlotl	Ягуар
15.	Cuauhtli	Орел
16.	Cozcaquahтли	Гриф (сопилот)
17.	Hollin	Движение
18.	Técpatl	Кремень
19.	Quiahuitl	Дождь
20.	Xóchitl	Цветок

13. Названия, относящиеся к сфере строительства:

tecali m /негашеная известь;

tequezquite m /селитра.

14. Понятия сельского хозяйства:

chinampa f /чинампа, насыпанный островок (или полуостровок) среди озер и болот для возделывания сельскохозяйственных культур;

chahuistle m /чауистле – заболевание зерновых культур.

15. Названия предметов одежды:

guaraches/ huaraches m pl /кожаные сандалии.

16. Экспрессивные единицы:

cheche m /плакса;

achichinle m /льстец.

17. Этнонимы (в первую очередь – названия индейских народов):

tzendales m pl /цендалы;

tzotziles m pl /цоцилы.

18. Топонимы. Индейское происхождение имеет, например, название известного курорта Асарулсо / Акапулько – место тростниковых зарослей, на науатль [Поспелов 1998, 26].

19. Имена личные (реалионимы и мифонимы): имена божеств индейских пантеонов, индейских правителей.

Так, имя верховного ацтекского божества *Huitzilopochtli*/ Уичилопochtли означает «колибри левой стороны» или «колибри-левша» [Большой Энциклопедический словарь. Мифология 1998, 561; González Torres 1999, 86].

Естественная интеграция лексики проявляется в том, что в мексиканском национальном варианте органично сосуществуют заимствования из других индейских языков: аравакских, карибских, кечумаранских, давших наибольшее число заимствований в общеиспанскую лексику. Таковы, например, аравакизмы *pitahaya* «питайя» (кактус крупноцветный), *saoba* «каоба» (красное дерево), *hamaca* «гамак», заимствования из кечуа рара «картофель», *chirimoya* «чиримойя» (вид анноны), *rampa* «пампа» (пампасы, равнина) – неотъемлемые элементы словарного состава испанского языка Мексики и концептуализации мексиканцами действительности. Питайя (*pitahaya*), к примеру, широко используется в Мексике как средство народной медицины при лечении диабета, укусов животных и змей, о чем свидетельствует включение соответствующего фитонима аравакского происхождения в описание применения целебных растений [Plantas medicinales, junio 2001, 27].

2.1.3. Индихенизмы в дискурсе

Индихенизмы, именующие объекты природного мира, реалии повседневной жизни, исторические и этнографические реалии, естественны и органичны в контекстах географического, исторического, этнографического и фольклорного содержания. Лексика индейского происхождения неразрывно связана с историческим прошлым Мексики и мексиканским предметным миром. Так, индихенизмы в сфере национальной кухни не только сохранились как обозначения издревле идущих в пищу продуктов, блюд, предметов традиционной кухонной

утвари, но и имеют активное переносное и идиоматическое использование. Мексиканская топонимика также обнаруживает устойчивость индейского компонента топооснов и топоформантов.

Об индейском компоненте как одном из речевых средств национальной идентификации свидетельствуют и социально-интерактивные особенности речевой коммуникации мексиканцев (напр., междометия, формы обращения). Это относится, например, к таким формам обращения-наутлизмам, как *cuate* (от *coatl* «близнец»; женский кор-релят *cuata*), и его многочисленным вариантам типа *coate*, *cuatezón*, *cuatacho* – форма обращения к другу; *chamaco* (от *chamua* «толстеть», «созреть») (о кукурузе) – обращение к ребенку.

Ср. пример из романа Карлоса Фуэнтеса *Las buenas conciencias* «Спокойная совесть»:

Me caigo del sueño y del hambre, chamaco [Fuentes 1959, 69] ‘**Малыш**, я валяюсь с ног от усталости и от голода’.

Воссоздание событий мексиканской истории, реалистическое описание окружающего мира и мира повседневности немислимо без использования индихенизмов. Рассмотрим конкретные примеры из курсов различных типов.

В разделе об истории мексиканского флага, размещенном после текста Конституции Мексиканских Соединенных Штатов, употребляются индихенизмы исторической тематики:

Así también, se utilizaban estandartes o banderas denominadas “pantli”, que identificaban a diferentes “calpullis” a los que pertenecían las escuadras que conformaban el ejército; los “pantli” eran portados en la espalda por el jefe de cada escuadra al que llamaban “tepuchtlato”, el cual, además de portar el estandarte, cubría su vestimenta o “ichcahuipilli” con flores de diversos colores [Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, 133] ‘Использовались также знамена или флаги, называвшиеся «пантли» и служившие для различения «калпулли», в которые входили воинские подразделения. «Пантли» носил на спине главнокомандующий воинским подразделением, называвшийся «тепучтлато». К обязанностям знаменосца добавлялось украшение одежды, или «ичкауипили, яркими цветами’.

В мексиканском учебнике истории для 5 класса в разделе, посвященном индейским цивилизациям, также многочисленны и естественны индихенизмы исторического содержания:

*Las diferencias de categoría social eran muy acentuadas entre los aztecas. La cúspide de la sociedad era ocupada por los **pipiltin**, miembros de una nobleza hereditaria y que desempeñaban los puestos más altos del*

gobierno, el ejército y el sacerdocio. Los nobles escogían dentro de su propio grupo a un jefe supremo a quien llamaban tlatoani, palabra que en lengua náhuatl significa el que habla. [Historia. Quinto grado 1995, 117] ‘Социальное неравенство у ацтеков было очень выражено. Верхушку общества составляли **пипилтины** – наследственная знать, занимавшая самые высокие посты в правительстве, а также армия и жрецы. Знать выбирала из своих рядов главу, называвшегося **тлатоани, что на науатль означает «тот, кто говорит»**’.

В статье *La concepción náhuatl del hombre* / «Представления древних ацтеков о человеке» Р. Хименеса Катаньо – образце научно-популярного дискурса, запечатлены многочисленные науатлизмы философского и исторического содержания:

La especificidad de la concepción náhuatl del hombre es reflejada estupendamente por la expresión “rostro-corazón” (in itli in yollo) [Jiménez Cataño 1992, 69] ‘Особенности концепции человека у древних ацтеков воплощены в выражении **«лицо-сердце»**’.

Примечательна роль индихенизмов в эстетическом пространстве произведений словесно-художественного творчества.

В следующей мексиканской копле (наиболее распространенном жанре испанской и латиноамериканской народно-песенной поэзии из четырех стихов) фигурирует науатлизм *chinampa* f «насыпанный островок», «задающий» мексиканский предметный мир стихотворения:

*Una indita en su chinampa
Andaba cortando flores,
Y el indio que las regaba*

Gozaba de sus amores [Cancionero folklórico de México. Tomo 2, 325] / ‘Индианка на чинампе/ Всё цветочки подрезала, / А индеец-поливальщик/ Её лаской наслаждался’.

По наблюдениям Г.В. Степанова, в романе Мариано Асуэлы *Los de abajo* «Те, кто внизу» запечатлено более 40 индихенизмов, общеупотребительных в Мексике и за ее пределами [Степанов 1979, 244]. Индихенизмы этого классического «романа мексиканской революции» М. Асуэлы обнаруживаются на протяжении всего текста. В следующих иллюстрациях запечатлены науатлизмы *petate* m ‘циновка’ и *guajolote* m ‘индейка (индюк)’:

Tu rifle está debajo del petate – *pronunció ella en voz muy baja* [Azuela, 5] ‘Твое ружье под **циновкой**», – тихо сказал она’;

¡Dejar de matar federales como se matan liebres o guajolotes! [Azuela, 100] ‘Перестать убивать федералов как зайцев или **индюков**’.

Экспрессивные индихенизмы придают художественному тексту национальный колорит и выразительность. Подтвердим это несколькими примерами.

Предикатно-характеризующее значение науатлизма *achichinche* ‘льстец’, ‘угодник’:

Benito

*Cuando usted dice que Tenochtlén está endrogado, se refiere a usted y a sus **achichinches**, ¿verdad?* [Santander, 70] ‘Когда вы говорите, что Теночтлен заполонен наркотиками, вы имеете в виду себя и своих **припешников**?’.

Экспрессивная форма обращения к ребенку *chamaco*:

*Por eso me escapé ahorita, **chamaco** <...>* [Fuentes 1959, 73] ‘Потому-то, **мальш**, я и сбежал’.

Науатлизм *escuinche* как национально-специфичное обозначение ребенка, часто – с пренебрежительной коннотацией (в следующем контексте она усилена препозитивным прилагательным *puro*):

– *Si firma Rodolfo, también que firmen mis hermanos – dije yo.*

– *Estás loca, si son puros **escuinches*** [Mastretta, 18] / ‘– Если ставит подпись Родольфо, пусть подпишутся и мои братья и сестры’ – «Ты что, с ума сошла? Они же совсем **дети**’.

Многочисленны примеры географических контекстов, где актуализируются индихенизмы. Приведем несколько иллюстраций.

Описание пустынной фауны штата Сонора в научно-познавательном дискурсе:

*Durante el trayecto puede uno encontrar correcaminos, palomas, halcones, serpientes, liebres, **coyotes** y venados, e, incluso, algunas veces, cerca de las sierras, es posible ver al borrego cimarrón y al berrendo, los cuales tienen aquí un refugio seguro* [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 57] ‘Во время путешествия можно встретить фазанов, голубей, соколов, змей, зайцев, **койотов**, оленей, а иногда даже диких баранов и мексиканских оленей, нашедших здесь надежное пристанище’ (здесь также интересна лексема *berrendo* m ‘олень’ (мексиканская разновидность) [БИРС 2005, 123]).

Описание сельвы штата Табаско, где запечатлен науатлизм *canacoíte* m, именующий дерево из семейства акантовых [Santamaría 1992, 196]:

CENTRO ECOTURISTICO YU-BALCAH

Se encuentra al sur del estado y al norte de Chiapas. Yu-Balcah en lengua maya significa “la selva y lo que ella vive” está decretada como un área natural protegida en la categoría de reserva ecológica de carácter privado. Cuenta con 260 ha de selva única en el mundo, por su género y

por su asociación vegetal, a esta reserva ecológica se le denomina selva inundable de canacoite o canacoitales, como regionalmente se conoce<...>. [Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas», 83].

Ср. также науатлизм *acahual m* – собирательное название зарослей высокой травы:

<...>esos terrenos que la mano del hombre ha destruido y que se han llenado de vegetación secundaria, muy cerrada, llamada acahual, compuesta por bejucos, árboles pequeños y arbustos [México desconocido, junio 2004, № 328, 68].

Научно-популярный дискурс часто содержит пояснение значений индихенизмов (в предыдущем примере науатлизм *acahual* вводится в текст после раскрытия его предметно-логического значения: *vegetación secundaria, muy cerrada*).

В следующем же примере объяснение значения науатлизма *chacalín/chacal* (от *chacalín*, на уатль «крупная креветка» [Santamaría 1992, 343]) дается через подбор и металингвистический комментарий синонима:

Este río nace en el ojo de agua de Llano Grande y desemboca en el río Copalita; éste fue descubierto por los pescadores locales, quienes frecuentan este sitio para pescar “chacales”, mejor conocidos como langostinos [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 26].

Этнографическая составляющая текста также органично встраивает предметно-логическое значение индихенизмов-реалий. Приведем пример из текста о традициях народной медицины, в котором представлены майякизмы *iloles, mem*, именующие травников:

En lo referente a los especialistas de la medicina tradicional de esta zona encontramos iloles, mem, yerbateros, curanderos y parteras, entre otros, quienes curan enfermedades como sustos, dolores de cuerpo, mal de ojo, tristeza, vergüenza, etcétera [Plantas medicinales, junio 2001, 60].

Процитируем также использование науатлизмов *popochcometls* и *chichapales*, именующих сосуды для сбора воды, в описании керамических промыслов в поселке Чилилико в штате Идальго:

La alfarería consiste, entre otras cosas, en cántaros llamados ollules, que utilizan para beber agua en el campo, cazuelas, floreros, tinajas, botijas con formas de hojas y plantas, candelabros, utensilios de cocina, molcajetes, alcancías, copaleros, juguetes de barro cocido, ocarinas para llamar a los niños en los días de Todos los santos y una variedad de ollas, entre las cuales se encuentran los popochcometls y los chichapales, que sirven para acarrear agua [México desconocido, junio 2004, № 328, 31].

В грамматическом плане индихенизмы приобретают общеиспанские грамматические категории (сравним образование множественного числа *porochcometlS*, *chichapalES* посредством флексий -s/-es в предыдущем примере).

Ограниченную ассимиляцию индихенизмов испанской морфологией наглядно демонстрируют следующие текстовые примеры с индихенизмом *kayak* (общеамериканский аналог – *cauico* m ‘маленький плоскодонный индейский челнок без киля, сделанный из выдолбленного ствола дерева, управляемый длинным веслом’ [ИРСЛИА 2004, 181]) из описания экстремальных видов туризма и отдыха:

1) *Tardé un poco en decidir por dónde ingresar a la selva. <...>. Para comenzar la aventura nos subimos al kayak, no sin antes tomar las medidas necesarias de seguridad como son llevar chaleco salvavidas y tomar el remo correctamente* [México desconocido, junio 2004, № 328,22];

2) *Continuamos hasta la siguiente etapa y actividad, dejar los kayaks para hacer un poco de escalada <...>* [México desconocido, junio 2004, № 328, 23];

3) *Reconocidos kayaquistas de México y el extranjero han catalogado a este río como muy difícil y técnico.* [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 24].

Текстовые примеры показывают, что в единственном числе оканчивающийся на согласный звук индихенизм *kayak* принимает артикль мужского рода (пример 1), образует множественное число по общеиспанской модели, т.е. флексией -s (пример 2), и имя деятеля (спортсмена) посредством общеиспанского суффикса -ista (пример 3). Эти факты наглядно демонстрируют общеиспанскую грамматическую ассимиляцию индихенизмов.

Вполне естественно, что индихенизмы имеют различную степень распространенности. По оценкам Х.М. Лопе Бланча [Lope Blanch 1969], по критерию известности науатлизмы испанского языка Мексики образуют шесть групп:

1) единицы, известные 99-100 % говорящих (*aguacate* «авокадо», *chamaco* «ребенок», *tequila* «текила»);

2) единицы, известные 85-98 % говорящих (*chamagoso* «грязнуля», *mapache* «барсук»);

3) единицы, известные 50-85 % говорящих (*jicote* «оса», *tlaco* «тлако» – старинная монета);

4) малоизвестные науатлизмы (25-50% говорящих) *colote* «хранилище для кукурузы», *jilotear* «наливаться (о кукурузе)»;

5) крайне малоизвестные единицы (2-25%): *juil* «карп (разновидность)»

6) практически не известные единицы (0-1%): *yagual* «валик для переноса тяжестей на голове».

Наиболее известные индихенизмы являются неотъемлемой принадлежностью речи мексиканцев и играют важную роль в формировании и преемственности национальной ЯКМ. Это подтверждается, в частности, тем фактом, что индихенизмы, хранимые в коллективной культурно-языковой памяти, помещаются в пространство разного рода текстов, участвуют в процессах номинации и образуют словообразовательные и семантические дериваты. Яркие примеры дает науатлизм *tianguis* (из ацтекск. *Tianquiztli* – «рынок») – один из наиболее распространенных индихенизмов мексиканского национального варианта испанского языка, зафиксированный еще в американских хрониках:

Llaman tianquiztli al mercado. Cada barrio y parroquia tiene su plaza para contratar el mercado [Antología literaria de autores mexicanos, 50] ‘Рынок они называют **tianquiztli**. Каждый квартал и каждый приход имеет площадь для рыночной торговли’.

Вот современные примеры употребления этого науатлизма в текстах СМИ и рекламном дискурсе:

Si requiere de un teléfono celular o de un localizador a bajo costo, la mejor opción es comprarlo en Tepito o en tianguis Clave, en Gustavo A.Madero [«El Universal», 01.09.1997] ‘Если вам нужен недорогой сотовый или радиотелефон, лучше всего купить его в Тепито или на рынке «Клаве», на улице Густаво А. Мадеро’.

Los fines de semana, muchas familias disfrutan de tianguis o plazas públicas donde encuentran actividades de recreación, así como diversos productos artesanales. [«EL HERALDO de México en Puebla», 04.02.2002] ‘В выходные дни многие семьи наслаждаются рынками на открытых площадях, где можно отдохнуть и приобрести изделия народных промыслов’.

Quintana Roo reafirma en el Tianguis Turístico de Acapulco su Liderazgo Turístico [NEXOS, No. 318, junio 2004, 42] ‘Кинтана Роо вновь подтверждает на рынке туристических услуг Акапулько свой статус лидера’.

El Tianguis del Arte 2012, inaugurado ayer en el Museo del Centro Cultural Mexiquense Bicentenario (CCMB), exhibe 130 obras hasta mañana domingo [La Jornada, 08 de diciembre de 2012] ‘Ярмарка искусств 2012, открытая со вчерашнего дня по воскресенье в Музее культурного цен-

тра «Двухсотлетие независимости», насчитывает 130 произведений искусства».

Науатлизм *tianguis* запечатлен в мексиканских пословицах предпочтения с общеиспанским зачином *más vale* «лучше»:

Más vale Tianguistengo que tianguistuve [Pérez Martínez 1995, 111] «У меня есть рынок» лучше, чем «У меня был»), в рекомендации ценить настоящий момент.

Национально-специфично название сувенирного набора из маленьких бутылочек текилы – *tequitanguis* – результат сложения основ *tequila* «текила», усеченной по типу синкопы, и *tianguis* «рынок», что отражает использование существительного *tianguis* в современных процессах номинации.

Рассмотрим также существительное *chamaco* m «ребенок». По оценкам Х.М. Лопе Бланча, данное существительное вступает в синонимические отношения с науатлизмами *escuincle*, *coconete*, *chilpayate* и общеиспанскими существительными *niño*, *muchacho*, *hijo*, *chico*, *bebé*, *criatura* идентичного значения «ребенок» [Lope Blanch 1969, 47]. Вот примеры актуализации прямого значения:

Enc. – *Yo creo que les va muy bien, ¿no?*

Inf. – *Pues, apenas para vestir y... y costear a los chamacos* [El habla popular de la República mexicana 1995, 654];

– *¿Y entonces, esa luz? ...¡ Y ese chamaco?...* [Azuela, 6].

В следующем примере из газетного текста запечатлен мотивированный существительным *chamaco* переходный глагол *chamaquear*, получивший значение «обращаться, как с ребёнком»:

Estrategias: oposición chamaqueó a PRI [«Culiacán», 29.08.1997].

Мотивированное этим же существительным, существительное *chamacada*, помимо собирательного значения «группа детей», означает и «ребячество», «детская выходка».

2.1.4. Деривационные ресурсы индихенизмов

Деривационный потенциал индихенизмов в мексиканском национальном варианте испанского языка дает интереснейший материал для размышлений о сохранении, формировании и эволюции лексики в условиях языковых контактов и под влиянием типичной для мексиканцев категоризации окружающего мира.

Лексемы, в которых представлено несколько компонентов индихенизмов, регулярно обнаруживают мексиканские топонимы ин-

дейского происхождения. Так, топоним *Acapulco* получен соединением компонентов *acátl-pul-co* [Cabrera 2002, 24], что образует значение «место тростниковых зарослей».

Большое количество композитов дают названия трав с компонентом *xóchitl* «цветок»: *ahuahuasúchil*, *asúchil*, *azcasúchil*, *cacahuasúchil* и др., широко представленные в «Словаре ацтекизмов» Луиса Кабреры [Cabrera 2002].

Многочисленны случаи генетически гибридных словообразовательных дериватов индихенизмов. Так, науатлизм *cocol* (от *cocótic*) именуется и сохраняется как обозначение вида выпечки. Его суффиксальный дериват с общеиспанским увеличительным суффиксом *-azo*: *cocolazo* – означает «удар»; суффиксальные дериваты с суффиксом деятеля *-ero/ -era*: *cocolero* – «производитель коколей» и уничижительное обозначение продавца хлеба, и *cocolera* – «продавщица коколей». Историческая реалия – обозначение улицы, находившейся за храмом – *caballocalco* образовано из компонентов:

caballo ‘лошадь’ и науатлизмов *calli* ‘улица’ и *co* – формант значения «место».

В работе «Испанский язык в странах Латинской Америки» Г.В. Степанов специально останавливается на такой особенности мексиканского словообразования, как формирование гибридных слов – результата контактов испанского языка с языком науатль. Г.В. Степанов говорит о следующих основных моделях:

1) испанское существительное+ существительное из науатль: *tinacal* ‘погреб, где хранится пульке’;

2) существительное из науатль + испанское существительное: *tecorral* ‘каменный забор’;

3) испанский глагол + существительное из науатль: *cuentachiles* ‘считай перцы-чиле’ в значении «скопидом», «мелочный человек»;

4) существительное из науатль + испанские суффиксы: *tamalada* ‘хлебец из кукурузной муки’ [Степанов 1963, 36].

К этим моделям можно добавить префиксальное словообразование, в частности, посредством испанского префикса *a-*, придающего словообразовательным дериватам-индихенизмам значение приобретения признака, выраженного основой мотивировавшего индихенизма.

Сравним глагол *atocharse* ‘спрятаться (затаиться), как кролик’, где вычленяются префикс *a-*, морфологически преобразованный корень *tochli* ‘кролик’, глагольная флексия первого спряжения *-ar* и постфикс *-se*;

глагол *aguajolotarse*: от *guajolote* ‘индюк’ – зооморфный символ глупости, префикс *a-*, глагольная флексия первого спряжения *-ar* и постфикс *-se*.

Индихенизмы выступают как элементы номинаций-словосочетаний. Это отчетливо прослеживается в мексиканских топонимах. Например, название сельскохозяйственного и торгового центра штата Оахака *Ixtlán de Juárez* представляет топоним-гибрид из компонентов *Ixtlán* (из *ixtli* «равнина», на науатль [Cabrerá 2002, 84]), и генитивной конструкции мемориального значения *de Juárez* – топонимического свидетельства памяти о национальном герое Мексики, Президенте Бенито Хуаресе.

Фитонимы также образуют интересные образцы гибридных номинаций-словосочетаний с индихенизмом:

zapote blanco,

epazote de zorrillo,

ocote colorado,

palo cuate,

hierba de zopilote [Plantas medicinales, junio 2001].

На примере дериватов индихенизмов [см.: Cabrerá 2002] выведем важнейшие модели концептуализации действительности, в которых участвуют индихенизмы.

Описание природных явлений.

Axolatarse (от *xolate* ‘маленький кукурузный початок’) – погибнуть (об урожае).

Цветообозначения.

Acoyotado /цвета койота, т.е. серый;

achocolotado /цвета шоколада;

achayotado /цвета плода чайоте, т.е. зеленый.

Характеристики поведения.

Зооморфизм *acoyotado* (от *coyote* «луговой волк») выражает хищническую манеру поведения.

Префиксально-суффиксальные дериваты *acuilmado*, *acuilmarse* (от *cuiloni* «пассивный») – «лениться».

Характеристики внешнего облика.

Зооморфизм *azopilotarse* (от *zopilote* ‘гриф’) – «ходить, зорко и хищно смотря по сторонам»;

apozolarse (от *pozole* ‘густой суп’) – обрюзгнуть, потерять статью.

Характеристика событий психической жизни.

Зооморфизм *atecolotarse* (от *tecolote* ‘филин’) – «загрустить».

Генетически гибридные дериваты можно расценивать как одно из языковых отражений и проявлений синкретизма мексиканской культуры. При этом грамматические показатели оказываются принадлежностью более сильного потенциала испанской грамматики (грамматическое влияние индейского субстрата, как известно, незначительно);

лексическая же основа индихенизмов, обнаруживаемых в словообразовательных гибридах, оказывается свидетельством устойчивости индейского компонента в словесном отражении и концептуализации окружающего мира.

Индихенизмы становятся также устойчивыми эталонами оценки, сравнений, т.е. подвергаются семантической деривации. Из зооморфных образов это, например, *guajolote* 'индюк – символ глупости, *sacomixtle* 'кошачий енот' – «вор», *coyote* 'койот' – «хищник», «воротила», «маклер». В следующем примере культурная коннотация зооморфизма *coyote* дискурсивно раскрывается через постпозитивное придаточное определительное предложение:

El problema se complica por los llamados coyotes, personas que conocen o han trabajado en las delegaciones<...>[Mujeres mexicanas del siglo XX. Tomo II, 2001, 247] 'Ситуация осложняется так называемыми «койотами», людьми, которые хорошо знают муниципальное правительство или работали в нем'.

Майякизм *tucho* m (из *xuch* «обезьяна» [Santamaría 1992, 1092]) помимо обозначения обезьяны, бытует как образная характеристика некрасивого, нескладного человека с непропорциональной фигурой.

В результате исследования лексического поля «тело человека» в пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка А.В. Ахреновым установлены такие национально-окрашенные мексиканизмы-характеристики внешности, апеллирующие к индейскому компоненту, как, например, *cabeza de jilote* (*jilote* m 'початок кукурузы с не налившимися зернами') – для характеристики светлого цвета волос; *nariz maya* 'нос майя' – орлиный нос [Ахренов 2006, 18].

Семантическая деривация подобных единиц состоит в вытеснении предметно-логического значения и развитии прагматического потенциала. По отношению к этим языковым фактам уместно привести следующее замечание Н.Д. Арутюновой: «То, что для дескриптивного предиката составляет область семантики, для оценочных слов, значение которых не является функцией их референции, относится к сфере прагматики» [Арутюнова 1988, 61].

2.1.5. Индихенизмы в мексиканской фразеологии

Территориальное варьирование современного испанского языка обуславливает национально-специфичные черты его идиоматической насыщенности и культурной референции фразеологических единиц, тесно

связанной с проблемой вариативности. Как отмечает В.С. Виноградов, «обычно национальные фразеологические варианты образуются на базе пиренейских (или общеиспанских) фразеологизмов. В латиноамериканских оборотах один (иногда более) из компонентов является лексическим американизмом, часто индейского происхождения» [Виноградов 2003, 186]. По данным Н.М. Алесиной, в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка образование новых фразеологических единиц осуществляется по двум основным моделям: на базе свободных сочетаний и под влиянием языковых контактов, т.е. за счет заимствований из автохтонных языков [Alésina 1986, 134-135]. Концептуальный и лингвокультурологический статус ФЕ с компонентом-индихенизмом как единиц с эксплицитно выраженной национально-культурной спецификой представляется исключительно ценным для реконструкции языковой картины мира носителей различных вариантов испанского языка.

Реалии окружающего мира, зафиксированные индихенизмами мексиканского национального варианта испанского языка, имена мексиканской фауны и флоры задают эталоны фразеологизированных оценок, основания сравнений, фундамент развития предикатных значений, т.е. элемент того особого взгляда на действительность, который фиксирует фразеологическая модель мира как часть языковой картины мира.

Так, глагольный фразеологизм *correr como una tutupana* соответствует русск. «бежать быстрее лани», где *tutupana* f на науатль – птица «пастушок»;

parir chayotes – «выполнять трудную работу», где науатлизм *chayotes* именуется плоды дерева чайотера, которые покрыты острыми шипами. Поэтому носителю иной культуры становится понятна внутренняя форма и образность выражения «рождать чайотес» как эталона трудоемкости.

Науатлизм *tepalcate* m служит в Мексике и Центральной Америке обозначением посуды, цветочного горшка и осколка глиняной посуды. В мексиканской идиоматике мы встречаем следующие изречения житейской мудрости:

De tal jarro, tal tepalcate ‘Какова посуда, таков осколок’ – «Яблоко от яблони недалеко падает»;

El que nace tepalcate, ni a comal tizado llega ‘Кто родился куском глины, тот не станет даже закопченной сковородкой’ – «Кому что на роду написано, тот тем и становится».

Название болезни зерновых культур *chahuistle* m нашло идиоматизацию в глагольной ФЕ *caerle a uno el chahuistle* «напасть (о несчастьях)»:

Cuquillo.

¡Uh, qué la canción! Ya nos cayó el chahuistle! [Santander, 42].

Следующие три примера имеют опорным компонентом заимствование из языка кайта *bule m*, обозначающее особый вид тыквы и сосуд из неё [Mejía Prieto 1984, 26-27]:

no necesitar bules para nadar ‘не нуждаться в полых тыквах, чтобы плавать’ – «добиться всего самому»;

llenarse hasta los bules ‘наполниться до краев посудыны’ – «наестся до отвала»;

El que nace para bule, hasta jícara no para ‘Рожденный для простой глиняной посудыны не станет расписанным кувшином’ – (о невозможности изменить судьбу: «Кому что на роду написано, тот тем и становится»).

Науатлизм *tule m* (исходная форма *tollin* или *tullin* [Santamaría 1992, 1093] обозначает в Мексике камыш (паниспанизм *totorá*). В национальной мексиканской фразеологии мы встречаем следующее выражение народной мудрости с этим существительным:

Por el tule se conoce el petate ‘По камышу становится известна циновка’ – «По нитке до клубка дойдешь».

Фразеологический оборот *hacer hoyos donde hay tuzas* ‘делать лунки там, где живут гоферы’ с науатлизмом *tuza f* ‘гофер’ эквивалентен фразеологизированному выражению обесценивания «*изобретать велосипед*».

Индийский компонент в мексиканской фразеологии может быть представлен не только эксплицитно, но и на ассоциативном уровне. Мексиканский паремиолог Эрон Перес Мартинес в ряду ФЕ, относящихся к сфере одежды, приводит лингвокультурологически интересное речение *La que de amarillo se viste, a su hermosura se atiene o de sinvergüenza se pasa* ‘Женщина, одевающаяся в желтое, либо слишком красива, либо слишком бесстыдна’. Это речение отразило и сохранило в коллективной культурно-языковой памяти мексиканцев отрицательную коннотативную символику желтого цвета, что объясняется, по мнению мексиканского исследователя, тем фактом (прецедентным явлением, в принятой в монографии терминологии), что именно желтые цветы *zempoalxóchil* традиционно возлагались на могилы умерших [Pérez Martínez 1994, 139].

Лингвокультурологически примечательные данные содержатся в мексиканских фразеологизмах со словом *indio* «индеец». Фразеологизм с оксюморонам *indio güero* ‘светловолосый индеец’: *crear uno en indios güeros* ‘верить в светловолосых индейцев’ означает «быть излишне доверчивым, легковерным, наивным» [ИРФС 1985, 336].

Фразеологизм *hacer el indio* имеет значения: 1) быть простодушным; 2) валять дурака.

Фразеологическое речение-вопрос *¿somos indios?* подразумевает проверку коммуникативных намерений адресата («За кого ты меня принимаешь?»). Эрон Перес Мартинес приводит следующие поговорки со сходным зачином *pobre que*, где позицию имени занимает существительное *indio* «индеец» [Pérez Martínez 1995, 218]:

Indio que suspira no llega bien a su tierra ‘Вздыхающий индеец не вернется нормально на родину’;

Indio que va a la ciudad vuelve criolla su heredad ‘Индеец, идущий в город, станет креолом’;

Indio que quiere ser criollo al hoyo ‘Долой индейца, желающего стать креолом’;

Indio que mucho te ofrece indio que nada merece ‘Индеец, который тебе многое сулит, ничего не стоит’;

Indio que fuma puro ladrón seguro ‘Курящий сигару индеец наверняка вор’.

Данные фразеологизмы озвучивают восприятие индейца как человека, при общении с которым требуются бдительность и осторожность; при этом подчеркивается устойчивость индейской сущности (см. далее анализ фразеологизма *Lo Cortés no quita lo Cuauhtémoc*). Уникальность фразеологизмов с компонентом-этнонимом заключается в том, что выбор ассоциаций этнонимов характеризуется известной произвольностью, доходящей до «мотивации без мотивации»; ср. мексиканское фразеологизированное обозначение кудрявых волос как *pelo chino*, противоречащее реальной характеристике внешности китайцев, антропологически обладающих прямыми волосами. Идиоматизированный статус народа далеко не всегда совпадает с реальным отношением к нему со стороны языкового коллектива [Карасик 2004, 96-99], что, на наш взгляд, отчасти и демонстрируют приведенные мексиканские фразеологизмы с существительным *indio*.

Итак, индихенизмы автохтонного происхождения в мексиканском национальном варианте испанского языка – это изосемичная проекция на лексический состав мексиканского национального варианта испанского языка идеи сопричастности к индейскому компоненту в культуре Мексики.

Автохтонные индихенизмы играют важную роль в категоризации мексиканцами реального мира и чувственно-эмоциональной сферы. Через предметное содержание многих индихенизмов и присущие им

культурные коннотации мексиканцы интерпретируют понятия и воспринимают мир.

Развитие индихенизмами, именующими объекты ближайшего повседневного окружения и реалий мира природы, словообразовательных, семантических и символических дериватов и их актуализация в дискурсах различных типов свидетельствует о значимости индейского компонента в языковой картине мира мексиканцев и о репрезентации индихенизмами культурно значимой лексики мексиканского национального варианта испанского языка.

2.2. Семиотика терминов родства *padre, madre* как отражение оппозиции «мужское» – «женское»

Имена *padre* и *madre* ведут происхождение из латыни, что типично для большинства романских терминов родства, которые оказались, по образному выражению В.Г. Гака, «выкроены из готового – латинского – материала» [Гак 2003, 34].

Существительные *padre, madre* являются терминами родства *sensu stricto*. Они обозначают прямых родителей и обладают дифференциальными семантическими элементами «родитель мужского пола» / «родитель женского пола», соответственно, и дифференциальным семантическим элементом «кровный родитель» [см.: Ломтев 1976, 274]. Напомним, что, начиная с работ Л.Г.Моргана, обосновавших подход к номенклатуре родственных обозначений как к источнику изучения истории общества, историко-этнологическая и лингвистическая литература по терминам родства исключительно богата и разнообразна. Актуальной задачей представляется рассмотрение функционирования терминов родства в дискурсах разных типов, поскольку одновременная обращенность дискурса к ментальной и речевой деятельности [Красина 2004] значительно расширяет исследовательский ракурс в эмпирическом и теоретическом смыслах.

Являясь терминами родства *sensu stricto*, имена *padre, madre* выступают однозначными обозначениями родства в пределах терминологии родства и доминантами в парадигмах стилистических синонимов – наименований родства. Еще в 60-е годы прошлого века А. Вэллэс и Дж. Эткинс подметили, что последовательность английских слов *father, dad, daddy, pop, old man* не является «простым» обозначением отца [Wallace, Atkins 1960, 68], что нашло подтверждение исследованиями на материале различных языков. В частности, изучение русских

и испанских наименований родства в функции обращения [Чеснокова 1985; 1986] выявило их значительное структурное и коммуникативное многообразие.

Многозначность испанских лексем *padre*, *madre* и основанная на них общеиспанская символика и идиоматика нашли органичное применение в мексиканском национальном варианте испанского языка. Лексемы *padre* и *madre* связаны с эмоционально-образным восприятием родины. *Padres de la Patria* / «Отцы Родины» в менталитете мексиканцев – это национальные герои освободительной и революционной борьбы. *El Padre de la Patria* «Отец Родины» – это Мигель Идальго-и-Костиля (Miguel Hidalgo y Costilla; 1753-1811) – священник, национальный герой Мексики, руководитель борьбы мексиканского народа за независимость в 1810-1811 гг.

Илл. 9. Давид Альфаро Сикејрос. Идальго (1953)

Отметим, что *El Padre de la Patria* «Отец Родины» для колумбийцев, венесуэльцев, эквадорцев, панамцев, боливийцев, перуанцев – это Симón Боли́вар (Simón José Antonio de la Santísima Trinidad Bolívar de la Concepción y Ponte Palacios y Blanco; 1783 -1830), выдающийся руководитель войны за независимость испанских колоний в Америке, на-

циональный герой Колумбии, Венесуэлы, Эквадора, Панамы, Боливии, Перу.

Стилистически–возвышенные фрагменты художественных текстов органично встраивают лексемы *padre* и *madre* в целостный образ родины. Наглядный пример – следующий фрагмент из предисловия к сборнику «Мексиканская патриотическая поэзия»:

La pasión del hombre por la patria está formada por todas las demás pasiones nobles y desinteresadas de que Dios ha llenado el corazón humano: del amor de sí mismo y del derecho sagrado que gozamos al ocupar nuestro sitio sobre el globo; del amor de la familia, el cual no es más que la patria reducida y agrupada en el corazón de los hijos; el amor al padre, a la madre, a los abuelos <...>[Poesías Patrióticas Mexicanas 1998, 5] ‘Любовь к родине образуют другие проявления благородной и бескорыстной любви, которыми Господь наделил сердце человека: любовь к себе, к занимаемому нами на земле месту, любовь к семье, что есть не более чем родина в миниатюре, воплощенная в сердце детей. Это любовь к отцу, к матери, к деду и бабушке...’.

Поэтические тексты патриотической тематики также легко принимают предметно-логическое значение терминов родства *padre* и *madre* и развивают на нем метафорические и эмоциональные символы родины. Так, в стихотворении Фернандо Кальдерона «Возвращение изгнанника» (*La vuelta del desterrado*) перечислением терминов родства (в структуре отрицательного высказывания) передается острое чувство обездоленности лирического героя на родине:

*Nadie escucha mis plegarias:
¡Han muerto, descansan todos
En su tumba solitaria!
¡Hijos...esposa...no existen!
Ni padre, ni esposo...nada,
Nada hay sino un mendigo,
Un extranjero en mi patria* [Poesías Patrióticas Mexicanas 1998, 24].

А в стихотворении «Солдат!» Франсиско Медина Мены термин родства *madre* в сочетании с существительным *tierra* «земля» создает устойчивый поэтический образ «родная земля»:

*Mañana, cuando caigas
Al golpe del destino,
Y guarde tus despojos
La madre tierra ya,
Por héroe así más valgas
Y habrá quien tu camino,*

Do quedan los recuerdos

Vivientes de tu sino, con paso firme y recto

La senda cruzará [Poesías Patrióticas Mexicanas 1998, 150-151].

Существительное *madre* образует устойчивую синтагму со словом *naturaleza* «природа»: *madre naturaleza* ‘мать-природа’:

<...> *ya arriba la vista fue impresionante, pues desde ahí se podía apreciar Yu-Balcah desde otra perspectiva y admirar la belleza y las maravillas que la madre naturaleza ha desarrollado en la zona* [México desconocido, junio 2004, № 328, 24] ‘С высоты открывался прекрасный вид на Ю-Балках, что позволяло наслаждаться красотами, которыми **мать-природа** щедро одарила этот район’.

Что касается общеиспанской идиоматики с терминами родства *padre* и *madre*, то современные мексиканцы легко опознают такие фразеологические выражения, содержащиеся, например, в статьях «*padre*» и «*madre*» «Учебного иллюстрированного Словаря испанского языка», как *esa es, o no es, la madre del cordero* «являться (не являться) причиной чего-л.» [DMILE 1981, 953]; *hablar uno padre y madre* «разговаривать покровительственным тоном» [DMILE 1981, 1105]. Также узнаваемы фразеологические выражения *Mi padre es Dios* ‘За работу’;

no ahorrarse uno con nadie, ni con su padre «учитывать только свои интересы»;

Sin padre ni madre, ni perro que me ladre «один-одинешенек»; «в полной независимости»;

tener el padre alcalde «рассчитывать на поддержку» [DMILE 1981, 1105].

Эти факты подтверждают, что мексиканский национальный вариант испанского языка – неотъемлемая часть общеиспанского языкового и, в частности, фразеологического, пространства. Одновременно испанский язык Мексики – это часть и латиноамериканского языкового континуума. Языковой материал личностно-ориентированного дискурса в его бытовой (ориентированной на разговорно-обиходную речь и устный диалог) и бытийной (ориентированной на монолог) разновидностях [см.: Карасик 2004, 289-304], показывает, что характерные для бытового дискурса мексиканцев значения «великолепный», «прекрасный», «замечательный» (т.е. соответствующие лексическому прототипу «ХОРОШИЙ», в модели А. Вежицкой [Вежицкая 1999, 148]), которые обнаруживаются у транспозитивного термина родства *padre* – прилагательного *padre* (как мы покажем далее, ассоциативно связанного с термином родства) не ограничиваются пределами Мексики. «Испанско-русский словарь. Латинская Америка» сопровожда-

ет эти значения пометой «Ам.» – американизм [ИРСЛА 2004, 460]. «Словарь испаноамериканизмов, не вошедших в Словарь Испанской Королевской Академии», приводя для прилагательного *padre* значения *tremendo* «потрясающий», «невероятный», называет зонами его распространения Мексику, Перу, Аргентину, США и Кубу [ДН 2000, 370]. Хорхе Мехия Прието, указывая для прилагательного *padre* значения *estupendo* «изумительный», *grato* «приятный», *hermoso* «прекрасный», *magnífico* «великолепный», особо подчеркивает широкую употребительность этого прилагательного в Мексике, в том числе в суперлативной форме:

La acepción es usualísima en México, así como su aumentativo: padrisímo [Mejía Prieto 1984, 117].

В мексиканском национальном варианте испанского языка прилагательное *padre* сочетается с существительными лексических прототипов «ЛЮДИ» и «ВЕЩЬ», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999, 143], например:

una persona (muy) padre ‘прекрасный человек’,

una fiesta (muy) padre ‘замечательный праздник’ (примеры предложены информантами).

Это употребление характерно для устного диалога и для стилизованных под разговорную речь фрагментов художественного текста:

Ya sabía que la blusita me iba a quedar padrisima. Lástima de la falda [Loaeza, 20] ‘Я знала, что блузка подойдет мне идеально. С юбкой вышел прокол’;

Acapulco era padrisima hace veinte años <...> [Fuentes 1969, 309] ‘Акапулько был просто чудесный город двадцать лет назад’;

Luego te lo presento. Es de una onda muy padre [Pacheco 1972, 102] ‘Потом я тебя представлю ему. Он просто классный’.

Прилагательное *padre* появляется в жанре краткой рекламы, использующей ресурсы разговорно-обиходного стиля, как в следующих примерах:

El Día del padre. ¡Qué padre! ‘День (Праздник) отца. Как замечательно!’;

Para papá. Padrisimos ‘Отличная мужская обувь» (дословно – «Для папы. Великолепные»); реклама в отделе мужской обуви). Отметим, что стилистический эффект приведенных примеров усилен контактным расположением наименования родства в прямом значении и входящего к нему прилагательного *padre*.

В плане межвариантной синонимии, мексиканский узус прилагательного *padre, padrisimo* соотносится, например, с узусом лексем

estupendo, magnífico в Испании, с узусом лексем *bárbaro, estupendo, magnífico, joya* – в Аргентине [Molero 2008, 88].

По данным автора фундаментального словаря мексиканизмов, Франсиско Сантамарии, прилагательное *padre* может иметь количественное значение (“*muy grande, descomunal*”) [Santamaría 1992, 781], т.е. соответствовать лексическому прототипу «БОЛЬШОЙ», по А. Вежбицкой [1999, 148]. Прочитируем пример Ф.Сантамарии: *Me llevé un susto padre* [Santamaría 1992, 781] ‘Ну и страху я натерпелся’, дословно «Я испытал огромный страх».

Прилагательное *padre* может развивать адвербиальное значение наречного концепта «ТАК», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999, 150]:

bailar padre ‘красиво (хорошо) танцевать’ (Запись устной речи).

Таким образом, языковой материал свидетельствует об общей метаративной стилистической окраске транспозиций термина родства *padre*.

Судьба существительного *madre* в мексиканском национальном варианте испанского языка более сложная и противоречивая. Напомним высказывание К.Г. Юнга о том, что «как в своих положительных, так и в своих отрицательных аспектах отношение «анима»/ «анимус» всегда перегружено ожесточенностью; т.е. оно эмоционально и, следовательно, коллективно» [Юнг 1998, 177].

В бытовом диалоге существительное *madre* развило значения «чепуха», «ерунда», «ничего особенного», «пустяк», с отрицательной оценочностью:

Me pidieron bolillos, teleras, pan dulce y no sé qué madres [DEUM 1996, 578].

Отметим, что в чилийском национальном варианте испанского языка транспозитивное существительное *madre* получает значения *estupendo* «великолепный», *fabuloso* «прекрасный» [www.hispanicus.com/part.DRLE].

Мексиканскими словообразовательными производными существительного *madre* являются переходный глагол *madrear* ‘бить, избивать; лупцевать’ (толкование по: [ИРСЛИА 2004, 410]) и отглагольное существительное *madriza* ‘лупка’, ‘порка’ [ИРСЛИА 2004, 411].

Приведем примечательный пример контактного расположения в тексте синонимичных глаголов с доминантным значением «бить»: общеиспанского *golpear* и разговорно-обиходного мексиканизма *madrear* из романа Лауры Эскивель «Закон любви»:

Unos fuertes toquidos en la puerta hicieron que Azucena se levantara de la cama. Al abrir, se encontró con Cuquita, la abuelita de Cuquita, las

maletas de Cuquita y el perico de Cuquita. Cuquita y su abuelita venían todas madreadas. El perico, no. Azucena no supo qué decir, lo único que se le ocurrió fue invitarlas a pasar. Cuquita le confió sus problemas. Su esposo cada día la golpeaba más. Ya no lo soportaba. Pero ahora, el colmo era que había madreado a su abuelita, y eso sí que no lo iba a permitir [Esquivel 2004, 124] ‘Стук в дверь поднял Асусену с кровати. Перед ней предстали Кукита, бабушка Кукиты, чемоданы Кукиты и попугай Кукиты. Кукита и бабушка были напрочь избитыми. Попугай – нет. Асусена не нашлась, что сказать. В итоге она пригласила их в дом, и Кукита поведала ей обо всём. С каждым днем муж бил ее больше и больше. Выносить это стало невозможно. Терпение ее окончательно лопнуло, когда муж избил бабушку, а этого она допустить не могла’.

Помимо существительного *madriza*, на сайте регионализмов [www.hispanicus.com/part.DRLE] с пометой «Мексика» для существительного *madre* указаны суффиксальные дериваты *madritos* «тестиккулы быка» и *madrola* «вещь, название которой не известно или не оглашается» (*objeto cuyo nombre no se conoce, no se recuerda o no se quiere decir*).

Префиксальный дериват существительного *madre* – существительное-паниспанизм мужского рода *desmadre* m ‘беспорядок’, ‘бардак’ [DRAE, t.1, 719] часто встречается в неформальном общении мексиканцев. В следующем примере из художественного текста префикс *des-* усиливает общую отрицательную оценку переносного значения термина родства *madre* и привносит дополнительные коннотации неупорядоченности и деструкции:

Pareciera que a los Dioses como que les gusta el desmadre, pues al no haber creado un lugar específico para poner el odio, han provocado el caos eterno [Esquivel 2004, 31] ‘Поскольку богам нравится беспорядок, а специального места для ненависти не нашлось, вот они и решили создать всеобщий хаос’.

Важная характеристика термина родства *madre* в языковой картине мира мексиканцев – его полифразеологичность. Высокая идиоматическая активность существительного *madre* свойственна латиноамериканским вариантам испанского языка в целом. По данным «Испанско-русского словаря. Латинская Америка» [ИРСЛИА 2004, 410] и словаря Рено Ришара [ДН 2000, 310], фразеологические обороты с данным существительным имеются в испанском языке Кубы, Мексики, Пуэрто-Рико, Аргентины, Эквадора, Чили, Гватемалы, при этом диапазон передаваемых смыслов очень широк и разнообразен. Фразеологические единицы, кодифицируемые как мексиканизмы, это:

tener (no tener) madre «иметь (не иметь) совесть (стыд)»;

darle a alguien en la madre «ударить»;
ni madre(s) «ничего»;
valer algo madre (s) «гроша ломаного не стоить»;
caerle de madre a alguien «ругать кого-л.»;
a toda madre «отлично».

Имеются и междометийные восклицания – неотъемлемые элементы устного дискурса:

¡Qué poca madre!; *¡En la madre!* (выражения неудовольствия).

Приведем пример использования фразеологизма *mentar la madre* «обзывать», «оскорблять» из записи спонтанной речи:

*[un pasajero] no hablaba español, y estando preguntando, pues, los mexicanos... – como ve que se portan los muchachos – le estaban **mentando la madre**; pero como eran de origen yucateco muchos se la mentaban en maya, se la mentaban en español* [El habla popular de la República Mexicana 1995, 629] ‘<...>один пассажир не говорил по-испански, а когда он задавал вопросы, то мексиканцы (вы же знаете, как себя ведет простой народ) обзывали его; а так как они были с Юкатана, то обзывали его на майя или по-испански’.

Как видно из значений приведенных фразеологических единиц, в большинстве своем они осложнены пейоративной коннотацией. Однако, если в составе фразеологизированных междометийных восклицаний *¡Qué poca madre!* или *¡Qué poca madre tienes!* ядерный компонент *madre* аккумулирует отрицательную коннотацию, то в предикативной функции выражение *de poca madre* выявляет положительную коннотацию. Так, в следующем примере из записи устной речи оборот *de poca madre*, по оценкам информантов, эквивалентен положительной оценке «*muy buena*»:

Esta película está de poca madre ‘Фильм (был) **очень хороший**’ (сравним синонимичное высказывание *Esta película está muy padre*).

С семиотической точки зрения, интересна возможность сочетания с существительным *madre* количественного прилагательного рота «немного», «мало», нейтрализующего отрицательную оценочность семантической основы фразеологизма – переносного значения термина родства *madre*.

Положительную оценочность имеет выражение *a toda madre*. Оно означает «отлично», «великолепно», «здорово», как в следующей ответной реплике в ситуации приветствия из записи устной речи:

– *¿Cómo te está yendo?*

– *A toda madre* ‘Как твои дела?– Отлично’.

Помимо Мексики, подобное значение отмечается в речи гватемальцев [ECMLRD 2001, 4].

С точки зрения межвариантной национально-культурной специфики отдельного комментария заслуживают фразеологические выражения *valer (importar) madre(s)* ‘ничего не стоить (не значить)’.

Текстовый пример:

– *Me importan madre esa punta de apretados, – le dijo Laura a su hijo* [Fuentes 1999, 496] ‘«Мне наплевать на этих выскочек», – сказала Лаура сыну’.

Переходные глаголы *importar* ‘быть важным’, ‘иметь значение’ и *valer* ‘стоить’ образуют в испанском языке множество оценочных фразеологических оборотов [ИРФС 1985, 889-890; 1060; Фирсова 2000, 29; Ramos, Seradilla 2000, 291].

Мексиканские фразеологизмы *valer (importar) madre(s)* с эталоном оценки, восходящим к термину родства *madre*, вступают в отношения межвариантной синонимии с фразеологическими единицами, выражающими обесценивание ситуации.

Показателен фразеоматериал с существительным *madre* в структуре художественного текста. Так, в романе Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» отметим следующий контекст из монолога главного героя:

<...> ¿conocen mi albur? ¿lo entienden?: todo o nada, todo al negro o todo al rojo, con güevos ¿eh?, jugándose, rompiéndose la madre, exponiéndose a ser fusilado por los de arriba o por los de abajo; eso es ser hombre, como yo lo he sido <...> [Fuentes 1985, 120] ‘Знаете правила моей игры? Понимаете их? Всё или ничего, всё на черное или всё на красное, всё – с потрохами! Играть напропалую, идти напролом, без страха, что тебя расстреляют те, наверху, или те, внизу. Это и значит быть человеком, каким я был<...>’ [Фуэнтес 2001, 217].

Разнообразный фразеоматериал обнаруживается в уже упомянутом романе Лауры Эскивель «Закон любви». Стилю Лауры Эскивель в целом свойственно обращение к ресурсам мексиканской разговорно-обиходной речи. Приведем примеры использования фразеологии с существительным *madre* из текста романа «Закон любви».

Cuquita se puso furiosa, le habían dado en la madre a su sufrimiento [Esquivel 2004, 131] ‘Кукита разозлилась; она была задета за живое в своих страданиях’.

Agapito tomó entre sus brazos a Ex Azucena y lo sacó de la sala de juntas. Isabel se quedó mentando madres [Esquivel 2004, 182] ‘Агапито взял на руки Бывшего Асусену и вынес его из зала заседаний. Исабель была в бешенстве’.

El juicio de Isabel era una rompedera impresionante de la Ley del Amor. Anacreonte asesoraba a Azucena. Mammon a Isabel. Nergal, el jefe de la

policía secreta del Infierno, a la defensa. San Miguel Arcángel a la fiscalía. Los Demonios y Querubines se encargaban por igual de los jurados. Mammon rezaba. Anacreonte maldecía. Y todos trataban de romperse la madre a como diera lugar [Esquivel 2004, 259] ‘Сознание Исабель по существу нарушало Закон Любви. Анакреонте давал советы Асусене. Маммон – Исабель. Нергаль, шеф секретных служб Ада, – охране. Архангел Михаил – прокуратуре. Анакреонте проклинал всё и вся. И все при этом старались отстоять свои интересы’.

Исходя из того, что «слово в художественном тексте, наделенное особой эстетической функцией, часто неповторимо по своему употреблению, индивидуально» [Новиков 1988, 22], примечателен факт устойчивости переносного значения и идиоматизации существительного *madre* в ЯКМ мексиканцев и его роли амбивалентного эталона в постижении и отображении действительности в бытовом диалоге и в структуре художественного текста.

Возникает закономерный вопрос о причинах, повлиявших на поляризацию оценочных коннотаций у переносных значений терминов родства *padre* ‘отец’ и *madre* ‘мать’ (при известной амбивалентности последнего) в мексиканском национальном варианте испанского языка. Какие черты менталитета мексиканцев послужили ассоциативной основой уже рассмотренных процессов частеречной транспозиции, метафоризации и идиоматизации? Поиск ответа на этот вопрос приводит к размышлениям о складывании мексиканской нации, о формировании языкового сознания мексиканцев и о становлении латиноамериканского мира в целом. Считаю нужным привести следующее рассуждение Е.С. Кубряковой: «Сознание детерминируется «наличным бытием», экологией, условиями существования носителей языка, реальной практикой людей, релевантностью и значимостью определенных природных характеристик для их жизнедеятельности, способами взаимодействия человека с миром в данной среде и складывающейся здесь культурой. Не язык и не языковая картина мира как таковые предопределяют наше мировоззрение, а внеязыковая реальность» [Кубрякова 2003, 33].

«Характерная черта мексиканца», – полагает знаменитый мексиканский поэт, писатель и философ, лауреат Нобелевской премии по литературе Октавио Пас, – «резкое, саркастическое унижение матери и не менее резкое возвеличивание отца» (*Mas lo característico del mexicano reside, a mi juicio, en la violenta, sarcástica humillación de la Madre y en la no menos violenta afirmación del Padre*) [Paz 1999, 88]. Корни этого явления восходят к эпохе завоевания испанцами американского континента, а противопоставление мужских и женских образов захватывает

орбиту взаимоотношений Латинской Америки и Испании и образование латиноамериканского мира. Прочитируем эссе Карлоса Фуэнтеса «Потаенное зеркало»:

Varios traumas marcan la relación entre España y la América española. El primero, desde luego, fue la conquista del Nuevo mundo, origen de un conocimiento terrible, el que nace de estar presentes en el momento mismo de nuestra creación. Observadores de nuestra propia violación, pero también testigos de las crueldades y ternuras contradictorias que formaron parte de nuestra concepción. Los hispanoamericanos no podemos ser entendidos sin esta conciencia intensa del momento en que fuimos concebidos, hijos de una madre anónima, nosotros mismos desprovistos de nombre, pero totalmente conscientes del nombre de nuestros padres [Fuentes 1997, 23] ‘Ряд травм характеризует отношения Испании и Латинской Америки. Первая травма – завоевание Нового Света, исток ужасного знания о своем присутствии в момент зарождения. Мы стали свидетелями нашего собственного изнасилования, свидетелями противоречий жестокости и нежности, ставших частью нашего зачатия. Нельзя понять нас, латиноамериканцев, без осознания того момента, когда мы были зачаты. Мы, дети безвестной матери, сами лишенные имени, но полностью осознающие имя наших отцов’.

По мнению Октавио Паса, в сознании мексиканцев оказались поляризованными образы стойчески и мужественно сопротивлявшихся испанским конкистадорам индейцев-мужчин и уступивших натиску испанских конкистадоров индейских женщин. Символичная фигура покоренных испанцами индианок – Малинче (донья Марина; см. далее Главу 3). Донья Марина – обращенная в христианство индейская переводчица, сопровождавшая завоевателя Мексики, испанского конкистадора Эрнана Кортеса, в 1521 г. с невероятной жестокостью разрушившего государство ацтеков и их столицу Теночтитлан. Сын Эрнана Кортеса и Малинче символически считается первым метисом Мексики. Вновь обратимся к размышлениям О. Паса:

Doña Marina se ha convertido en una figura que representa a las indias, fascinadas, violadas o seducidas por los españoles. Y del mismo modo que el niño no perdona a su madre que lo abandone para ir en busca de su padre, el pueblo mexicano no perdona su traición a la Malinche. Ella encarna lo abierto, lo chingado, frente a nuestros indios, estoicos, impasibles y cerrados [Paz 1999, 94] ‘Донья Марина стала образом, символизирующим индианок, зачарованных, изнасилованных и соблазненных испанцами. И так же, как ребенок не может простить мать, бросающую его и отправляющуюся на поиски его отца, так и мексиканцы не мо-

гут простить предательство Малинче. Малинче воплощает «открытое» и попранное, в противовес стойким, бесстрастным и «закрытым» индейцам-мужчинам».

Противопоставление мужского и женского начал оказалось надежным в мексиканском и – шире – латиноамериканском менталитете сложными оценочными символами и нашло проявление в самых разных сферах лингвокреативной деятельности. Как показано в работе видного отечественного литературоведа и культуролога А.Ф. Кофмана [1997], воплощение в латиноамериканской литературе таких устойчивых мотивов, как мачизм и виоленсия, также связано с условиями возникновения латиноамериканского мира и его мужским началом. Особенности речевого поведения латиноамериканцев и, в частности, мексиканцев и семантическая основа целого ряда коммуникативных стратегий, от комплимента (см.: [Зверева 1996]) до инвективы, также во многом служат отражением «мужской» организации латиноамериканского мира.

Итак, словообразование и семантические дериваты терминов родства *padre* ‘отец’ и *madre* ‘мать’, а также их идиоматизация в мексиканском национальном варианте испанского языка подтверждают тезис, что когнитивная сущность менталитета и его языковое воплощение в развитии лексической системы находятся в отношениях изофункциональности и изосемичности.

2.3. Концепт «смерть» в языковой картине мира мексиканцев

В языковой картине мира любого народа представлен концепт «смерть», а одноименное лексико-семантическое поле образует ценный материал для исследования организации и развития лексической системы и функционирования лексических единиц в дискурсах различных типов.

«Жизнь» и «смерть»: ЖИТЬ, УМЕРЕТЬ, в модели А. Вежбицкой, – это кандидаты в основные универсальные элементарные смыслы [Вежбицкая 2001, 53]. Исследования на материале различных языков показывают, что глаголы и идиомы значения «перестать жить» служат репрезентативным материалом для рассмотрения стилистической [Степанов 1965, 227-233; Мечковская, 2004, с.114] и межъязыковой синонимии [Виноградов 2001, 74], процессов метонимии [Горды 2002, 120-121], развивают богатые и национально-маркированные парадиг-

мы эвфемизмов [Черданцева 2000, 11-12; 182; Родченко 2000], претерпевают семантическую эволюцию [Юминова 1999]. Концепт «смерть» в составе соответствующего совокупного ассоциативного поля входит в концептосферу повседневности [Чулкина 2004, 106-107] и представляет ценную область для сопоставительного изучения юмора [Карасик 2004, 196-197].

Велика значимость концепта «смерть» в художественно-образном постижении действительности. В мифологической модели мира, наряду с противопоставлениями света и тьмы, неба и преисподней, правды и лжи, жизнь и смерть образуют одну из фундаментальных оппозиций. Мифопоэтическая традиция многих народов показывает, что жизнь черпает свои силы в смерти, непосредственно с нею связана и смертью очищается. Рассматривая концепт как «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2004, 43], очевидно, что содержание концепта «смерть» в культуре и ЯКМ национально маркировано. Релевантность концепта «смерть» для культуры испаноязычных народов отражена в работах Х.М. Лопе Бланча [Lope Blanch 1963], Н.А. Ильиной [1996], А.Ф. Кофмана [1997, 287-298], А.В. Медведенко [2003]. Культура Мексики, национальный менталитет и ЯКМ мексиканцев дают богатейший материал для диахронного и синхронного изучения этой проблематики и служат репрезентативным материалом для проверки гипотезы об изофункциональности и изосемичности менталитета, языковой картины мира и национальной специфики лексики.

Логика исследования предполагает рассмотрение формирования смысла концепта «смерть» в ЯКМ мексиканцев; обсуждение влияния менталитета мексиканцев и культуры Мексики на формирование этого смысла; интерпретацию когнитивного и культурно-символического аспектов данного концепта и проверку гипотезы о том, что концепт «смерть» является одним из релевантных кодов менталитета мексиканцев, спроецированных на их ЯКМ и лексическое своеобразие мексиканского национального варианта испанского языка.

Обращаясь к диахронному аспекту поставленных вопросов, напомним, что культура Мексики – синтетическая по своему содержанию. Она впитала сокровища культуры индейцев и традиционные формы испанской культуры. Индейский же компонент образует одну из основ менталитета мексиканцев и своеобразия мексиканского национального варианта испанского языка. Древние индейские цивилизации Мексики обладали разветвлённой системой представлений о вселенной, пространстве и времени. Смерть занимает в этих представлениях одно из

ключевых мест. Так, главная магистраль древнего Теотиуакана, крупнейшего в первом тысячелетии н.э. культурного очага Мексики, погибшего еще до прихода ацтеков, называется Улица Мёртвых (*Calle de los Muertos*).

Ацтекский Миктлан (*Mixtlan* «область («земля») мертвых») и майякский Метналь (*Metnal*) означали холодное и темное подземное царство, где до своей окончательной гибели обитала душа покойного, умершего естественной смертью, и добраться куда ей помогали собаки (*itzcuintli*). Повествование о путешествии верховного ацтекского божества – Кетцалькоатля – в Миктлан считается одной из вершин эпоса науа [Культура Латинской Америки. Энциклопедия 2000, 21]. Божество подземного мира древних ацтеков – Миклантекутли (*Miclantecutli*, или *Tzontemoc*) – и майякские божества подземного мира, например, Ах-Пуч (*Ah Puch*) имели антропоморфный облик. Однако как древние ацтеки, так и древние майя лишали в своих верованиях властителей загробного мира живой человеческой плоти. Ах-Пуч представлялся с головой в виде черепа, а властитель ацтекского Миктлана – в виде скелета.

У древних тарасков сакральным местом вхождения в подземный мир считалось озеро Пацкуаро, и в наши дни поражающее красотой окружающей природы. В представлениях о смерти древних тарасков прослеживаются тотемические мотивы: даже их божество смерти носило имя «Крот» – *Uhcumo* [González Torres 1999, 122].

О традициях и ритуалах, связанных со смертью, древних индейских народов Мексики, в первую очередь, древних майя и ацтеков, написано достаточно много работ (см., напр.: [Ruz Lhuillier 1957; Coe 1973; Keen 1984, Soustell 1998]). Не всегда акцентируемым моментом является, однако, печально-созерцательное представление этих древних индейских народов о бренности земного существования. Вот что мы читаем в ацтекском эпосе:

Неужели правда, что мы живем на земле?

На земле мы не навсегда: лишь на время.

Даже яшма дробится,

Даже золото ломается,

Даже перья кетцалья рвутся,

На земле мы не навсегда: лишь на время. [Леон-Портилья 1961, 49].

Каково же отношение современных мексиканцев к смерти? Есть ли в этом отношении нечто примечательное, отличающее их от других народов? Насколько сохранилась в этом отношении культурная преемственность? Как отражено отношение к смерти в ЯКМ мексиканцев и в развитии лексической системы?

Октавио Пас так пишет в своей знаменитой книге «Лабиринт одиночества»:

Para el habitante de Nueva York, París o Londres, la muerte es la palabra que jamás se pronuncia porque quema los labios. El mexicano, en cambio, la frecuente, la burla, la acaricia, duerme con ella, la festeja, es uno de sus juguetes favoritos y su amor más permanente [Paz 1999, 63] ‘Для жителя Нью-Йорка, Парижа или Лондона «смерть» является словом, которое он никогда не произносит, потому что слово это обжигает ему губы. Мексиканец же, напротив, употребляет его часто. Он смеется над смертью, лелеет ее, засыпает с ней, устраивает в честь нее праздники. Смерть – одна из его любимых игрушек, и его любовь к ней постоянна’.

С этими рассуждениями созвучны мысли Карлоса Фуэнтеса:

El llamado gusto mexicano por la muerte es un doble recurso de la vida: la mitad que completa la vida, pero la muerte sólo se salva en la vida, sólo es parte de la vida, si se convierte en hecho consciente, en compañera permanente, en objeto de celebración y resistencia trágica [Fuentes 1997a, 13] ‘Широко известная любовь мексиканцев к смерти является своеобразным двусторонним ресурсом жизни: смерть – это половина, делающая жизнь полной; но смерть спасается только жизнью, она только часть жизни, **если воспринимать ее осознанно, если она становится постоянной спутницей жизни, объектом празднования и трагического противостояния**’.

На особое отношение мексиканцев к смерти, выделяющее их среди других народов, указывает Хорхе Каррион:

Pocos pueblos como el mexicano conducen tan ligadas dos formas de vivir: muerte y vida [Carrión 1970, 89] ‘Немногие народы так соединяют две формы жизни – **смерть и жизнь – как это свойственно мексиканцам**’.

Карнавализация смерти воплотилась у мексиканцев в национальном празднике Дня мёртвых (*Día de los Muertos*) – 1 и 2 ноября, в котором причудливо переплелись древние индейские традиции и элементы христианского чествования Всех Святых. Помимо символа естественной и неизбежной печали по умершим, смерть в эти дни выступает в роли карнавального страшилища, которого не боятся, над которым смеются и даже издеваются. По-видимому, подобное отношение к смерти восходит к представлению о жизни и смерти как о замкнутом круге в верованиях индейцев, что в свое время столь сильно поразило испанских конкистадоров. В День мёртвых символика смерти становится декорирующим элементом сладостей. На при-

лавках магазинов появляются сахарные черепа с именами, и одна из традиций состоит в том, что друзья и родственники дарят друг другу сахарные черепа с именем адресата, который, в свою очередь, символически съедает свою смерть. В уличных карнавальных шествиях многочисленны костюмы в виде скелетов. Кладбища в этот день иностранцы сравнивают с парками народных гуляний. Нередко на могилы умерших родственников приглашаются ансамбли марьячи, исполняющие песни, которые любил умерший. В большинстве домов в честь умерших устраивают алтари, на которые помещают цветы, еду и свечи. Эта традиция восходит к доколумбовым представлениям о том, что в День мертвых усопшие приходят навещать живых. Национальный колорит и многозвучность Дня мёртвых неоднократно подчёркивались исследователями [Силюнас 1986, 19; Кутейщикова 2000, 304-305]. Сущность этого праздника очень хорошо сформулировал В.Ю. Силюнас: «Важно не только обилие проявлений древних индейских традиций, но и то, что всему празднику в целом свойственно перемешивать в языческом духе печаль и буйное веселье, что и превращает его в своеобразный карнавал смерти» [Силюнас 1986, 19]. Стихия Дня мёртвых поразила в свое время Сергея Эйзенштейна (1898-1948) и явилась для него одним из источников вдохновения при создании фильма «Да здравствует Мексика!» (1931-1932). Неудивительно поэтому, что мексиканский День мёртвых входит в каноническую сферу знакомства изучающих испанский язык как иностранный с национальным своеобразием культуры испаноязычного мира [см., например, учебник: Moreno, Tuts 1991, 219-220].

Дискурсивное сближение концептов «смерть» и «жизнь» регулярно подтверждается произведениями мексиканского словесного творчества, в первую очередь, произведениями фольклорной окрашенности. Здесь уместно привести следующее рассуждение Умберто Эко: «Признавать наличие смерти это не значит разрабатывать некую культуру смерти, но значит выработать соответствующие техники бросания ей вызова» [Эко 1998, 364]. В мексиканских коплах (coplas) – наиболее распространенном жанре испанской и латиноамериканской народно-песенной поэзии из четырех стихов – имеется целая серия произведений, посвященных Дню мертвых, где также прослеживается карнавальная составляющая, сближающая казалось бы противоположные концепты «смерть» и «жизнь»:

*Antes que se acerque el día
De Todos Santos y Muertos,
Y antes que nos veamos yertos*

*Por la Parca cruel e impía,
Imploro de tu hidalguía,
Una ofrenda pequeñita,
Para comprar mi tumbita,
Mi entierro y mi calavera,
Unas velitas de cera*

Y una preciosa animita ‘До того, как настанет/ День Всех Святых и День Мертвых/ И до того, как нас унесет беспощадная Смерть/ прошу твоего благородства/ и малюсенького пожертвования/ чтоб заплатил я себе за могилку, / за погребение, за мою смерть./ Это лишь восковые свечи/ и прекрасная душа’ [Cancionero folklórico de México, tomo 3, 332].

*Al pasar por un panteón
Me salió una calavera
Y me dijo: “Tú tocas el tambor,*

Y yo tuevo la cadera” ‘Проходя по кладбищу./ Увидел я скелет./ Сказал он мне: «Ты барабань./ Я ж бёдрами подвигаю»’ [Cancionero folklórico de México, tomo 3, 355].

О семиотическом сближении концептов «праздник», и шире – «жизнь» – и «смерть» в менталитете мексиканцев свидетельствует воплощение мотива смерти в коплах, посвященных праздникам в целом:

*Hoy es día de gustar
Los venemos a felicitar;
Para el año venidero*

Sabe Dios quién vivirá ‘В сегодняшний прекрасный день/ Пришли поздравить вас/ Ведь в следующем году/ Неизвестно, кто останется в живых’ [Cancionero folklórico de México, tomo 3, 336];

*Por aquí pasó la muerte
Con su aguja y su dedal,
Remendando sus nagüitas*

Para el día del carnaval ‘Смерть проследовала здесь/ Со своей иглой и наперстком/ Чинила она свои юбки/ К грядущему дню Карнавала’ [Cancionero folklórico de México, tomo 3, 336].

Мотив смерти регулярно реализуется в коплах-пиропо, по коммуникативной интенции представляющих комплименты в адрес незнакомой женщины. Рассмотрим, например, комплимент-пиропо из книги Х.А. Мичела «Мексиканские юмористические стихи»:

*De luto vienes, morena,
Y yo te lo digo al punto,
En serio y no me da pena:*

¡Qué buena...! ¡Qué retbuena!

¡Me la ha dejado el difunto! ‘В трауре ты, смуглянка,/ А я говорю тебе прямо,/Всерьёз, не скрывая ни слова,/ «Как ты красива!Как ты хороша»!/ Покойник оставил тебя мне’ [Michel 1997, 48]. Траур не смущает автора этого пиропо, не мешает ему восхищаться красотой незнакомки и вызывает у него не смиренное сострадание, а настойчивое желание занять место ушедшего в мир иной.

В коплах любовного содержания, собранных в издании *Coplas del amor feliz* [1980], многочисленны образцы, показывающие, что воспевание женской красоты в коплах-пиропо регулярно сопоставляется с мотивом смерти. При этом мотив смерти (лишения жизни) эстетически оттеняет и подчеркивает красоту женщины и жажду жизни адресанта (автора). К примеру, коплы с зачином *No me mates* ‘Не убивай меня’, где автором выступает мужчина, строятся на логически не сопоставляемой альтернативе убийства оружием и убийства женской красотой. Автор подобных копл просит не лишать его жизни традиционным оружием убийства (кинжалом, револьвером, стальным клинком и т.п.) и призывает убить его женской красотой (глазами, губами, грудью):

*No me mates con acero,
porque el acero es resgoso,
mátame con un suspiro*

debajo de tu reboso ‘Не убивай меня клинком/ Ведь сталь страшна/ Убей меня одним лишь вздохом/ Под твоей шалью’ [Cancionero folklórico de México, tomo I, 185];

*No me mates con cuchillo,
Que tiene el acero fuerte,
Mátame con un suspiro,*

у te perdono la muerte ‘Не закалывай меня ножом/ Ведь сталь его сильна/ Убей меня одним вздохом/ И смерть тебе я прощу’ [Cancionero folklórico de México, tomo I, 185];

*No me mates con pistola,
Ni me mates con puñal,
Mátame con tus ojitos*

Y tus labios de coral ‘Не стреляй в меня из револьвера/ Не убивай меня клинком/ Убей меня твоими глазами/ И кораллами твоих губ’ [Cancionero folklórico de México, tomo I, 185].

Как показано А.Ф. Кофманом, завораживание смертью составляет универсальный художественный код латиноамериканской литературы [Кофман 1997, 292]. Это отчетливо подтверждается произведениями мексиканского словесно-художественного творчества, причем не толь-

ко фольклорной направленности. Вот, например, как изображена смерть Фриды Кáло в романе Карлоса Фуэнтеса «Годы с Лаурой Диас»:

Así la fotografió Laura Díaz, creyendo que retrataba un cuerpo inerte, sin darse cuenta de que Frida Kahlo había emprendido ya el viaje a Mictlan, el averno indígena a donde sólo se llega guiada por trescientos perros ixcuincles, los perros pelones que Frida coleccionaba y que ahora aullaban desconsolados en los patios, las azoteas y las cocinas de la casa fúnebre, huérfanos de madre [Fuentes 1999, 505-506].

Примечательность этого фрагмента видится в том, что он иллюстрирует, как доколумбовы пласты и коллизии (перемещение в загробное царство Миктлан при помощи собак-искуинклес) продолжают свое существование в современном словесно-художественном постижении действительности. В следующем же примере автор семантически конденсирует национально-специфичные синонимы слова muerte «смерть», не употребляя его самого:

Renació para irse con sus perros al otro barrio, a la patria de la pelona, la mera dientona, la tostada, la catrina, la tía de las muchachas [Fuentes 1999, 507].

В поэтической реконструкции легенды о Кетцалькоатле, перерастающей в размышления о предназначении человека, в повести Хосе Лопеса Портильо (р. 1920) «Пирамида Кецалькоатля» также обнаруживаются многочисленные параллели с представлениями древних индейцев о мироздании и ролью смерти в организации бытия:

«Когда бы я от родов умерла, мне говорили мудрецы, я попаду в прекрасный сад» [Лопес Портильо 2003, 89]; – Нет, – молвил Уэмак, – они Тольтеки, как и мы, а мы навек отвергли жертвоприношение – таков был первый уговор народа нашего с Кецалькоатлем» [Лопес Портильо 2003, 97].

Илл. 10. Хосе Гуадалупе Посада. Калавера Катрина (1913)

Мексиканское изобразительное искусство также обнаруживает значимость мотива смерти. Черепа и скелеты являются основной символикой жанра народного мексиканского изобразительного искусства калаверас (*calaveras*). Этот жанр нашёл блестящее выражение в творчестве мексиканского графика Хосе Гуадалупе Посады (1851-1913), прежде всего в его серии «калаверас», по гротескному звучанию перекликающейся с офортами Гойи. Размышляя о творчестве Х.Г.Посады, К.Фуэнтес отмечает:

La vida sólo es vivible si no se olvida de la conciencia trágica, incluyendo, como lo hace Posada, la visión de la muerte 'Можно жить только в том случае, если мы осознаем трагическую сторону жизни, включая, как это делает Посада, видение смерти' [Fuentes 1997, 439]. Созданный Посадой образ калаверы Катрины, олицетворяющей прогневивший порфиристский режим, продолжил жизнь в фреске знаменитого мексиканского муралиста Диего Риверы (1886-1957) *Sueño de una tarde dominical en la Alameda central* «Воскресный сон в Аламеде» (1947). Копию фрески, установленную в центре мексиканской столицы, ежедневно видят тысячи мексиканцев. Фреска насчитывает 75 фигур, символизирующих ключевые персонажи истории и культуры Мексики. Разряженный скелет, расположенный в самом центре фрески рядом с портретом Диего-ребёнка, которого обнимает Фрида Кало, – это калавера Катрина, фигурой которой Ривера чествует смерть.

Илл. 11. Диего Ривера. «Воскресный сон в Аламеде» (1948)

С символикой смерти сопряжена и знаковая для мексиканской живописи фигура Фриды Кало (1907-1954), наполненная физическим и духовным преодолением. Таков, например, один из знаменитых сюрреалистических автопортретов художницы – *Autorretrato Pensando en la Muerte* 'Автопортрет с думами о смерти' (1943), с помещенным на лбу черепом.

Илл. 12. Фрида Кало. Автопортрет с думами о смерти (1943)

А теперь обратимся к лексико-семантическому полю «смерть». Под лексико-семантическим полем будем понимать совокупность слов, составляющих тематический ряд, т.е. слова языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений [Ахманова 1969, 334]. Данное поле имеет ядерной лексемой (доминантой) существительное *muerte* «смерть» и включает, в первую очередь такие единицы, как прилагательное и существительное *muerto* «мертвый», «мертвец», прилагательное и существительное *difunto* «усопший», «покойник», глагол *morir* «умереть», существительные *cadáver* «труп», *panteón* в панаме-риканском значении «кладбище», *calavera* «череп», *esqueleto* «скелет». Семантические и дискурсивные особенности данного лексико-семантического поля в мексиканском национальном варианте испанского языка сводятся к следующему.

1. Развитая парадигма синонимов (в большинстве своем – метафорических и основанных на языковой игре) доминанты поля – существительного *muerte* «смерть».

По поводу экспрессивности обозначений смерти авторитетнейший мексиканский лингвист Х.М. Лопе Бланч отмечает, что большинство из них является номинациями игрового характера [Lope Blanch 1963]. Действительно, почти все переносные обозначения смерти обладают карнавальными, юмористическими и даже комическими коннотациями, за большинством которых стоит представление о смерти как о скелете: *dientona* «зубастая», *la sin dientes* «беззубая», *cabezona* «голова-

стая», *flaca* «худая», *tembeleque* «дрожащая». Существительное *calaca* является мексиканским эквивалентом паниспанизмов *calavera* «череп» и *esqueleto* «скелет» (см., напр., словарную дефиницию в разделе «Мексиканизмы» в словаре [DEMT 1996, 358]). Выступая синонимом слова *muerte*, существительное *calaca* также восходит к скелету как традиционной символике смерти. Ассоциативно связанными со скелетом оказываются и такие мексиканские названия смерти, как *calavera* «череп», *pelona* и *calva* «лысая».

Фольклорные образы смерти запечатлены в мексиканских коплах:

La muerte calaca,

Ni gorda, ni flaca;

La muerte casera,

pegada con cera ‘Ах, лысая смерть,/ Ни толстая, ни худая/ смерть ручная,/ восковая’.[Cancionero folklórico de México, tomo 3, 333];

La muerte siriqusiaca,

jalando su carretón,

parece una sombra flaca

bailando en el malecón ‘Смерть такая-никакая, / Тянет свою телегу/ Она, словно бледная тень/ Танцующая на набережной’.[Cancionero folklórico de México, tomo 3, 333].

Выразительный образ создаёт запечатленная в мексиканских коплах синтагма *media muerte*, где препозитивное относительное прилагательное *media* «половинная» развивает предикатно-характеризующее значение «слабая», «немощная». Так рождается образ олицетворяемой, но, тем не менее, более слабой, чем человек, смерти:

Que dice la media muerte

Que la dejen descansar,

Que ya llegó la Cuaresma,

Y se quiere confesar ‘Просит немощная смерть/ Чтобы дали отдохнуть ей/ В наступивший пост великий/ Исповедоваться хочет’ [Cancionero folklórico de México, tomo 3, 336];

Estaba la Media Muerte

Sentada en su taburete;

Los muchachos, de traviesos,

Le picaron el rodete ‘Немощная Смерть сидела/ На любимой табуретке/ Озорные ребяташки/ Косы дергали соседке’ [Cancionero folklórico de México, tomo 3, 355];

Estaba la Media Muerte

Sentada en un tecomate,

Diciéndole a los muchachos:

“*Vengan, beban chocolate* ‘Немощная Смерть сидела/ На посудине из глины/ Говорила молодёжи/ «Что ж не пьете шоколада?»» [Cancionero folklórico de México, tomo 3, 355].

2. Уменьшительность прилагательного (в том числе, субстантивированного) *muerto* «мертвый», «мертвец» «покойник», дающая словоформу *muertito*. Диаметрално противоположные коннотации этого прилагательного в испанском языке Мексики и итальянском языке подмечает Р. Хименес Катаньо [Jiménez Cataño 1993]. Диминутивная форма *muertito* свойственна просторечию. Следующий пример показывает, как за счет этой формы происходит стилизация просторечия (в передаче речи индианки из поселка Чилилико в штате Идалго о праздновании Дня мертвых) в научно-познавательном дискурсе:

– *Es una fiesta grande, a cada muertito le ofrendan como dos de éstos y el copalero es el principal* ‘Это очень важный праздник, и каждому покойничку преподносят по два керамических сосуда, но главный – это копалеро’ [«México desconocido», junio 2004, № 328, 28].

3. Особенности вторичных смыслов единиц лексико-семантического поля «смерть».

Исключительно иллюстративно в этом плане существительное *calavera*. Помимо общеиспанского значения «череп», это существительное имеет в мексиканском национальном варианте испанского языка следующие значения.

- Смерть: *Cuando venga la calavera a buscarme no voy a achicopalarme* ‘Когда за мной придет смерть, я не струшу’.
- Вид сладостей, изготавливаемых ко Дню мёртвых (обычно в виде черепа): *No debe dar terror ni antipatía, como no nos los dan las calaveras de azúcar* ‘Сахарные черепа не должны вызывать ни страха, ни неприязни’.
- Стихи, сочиняемые ко Дню мёртвых.
- Деньги или подарки, которые дети просят и ожидают в День мёртвых.
- Прожигатель жизни, любитель поволочиться за женщинами.
- Задний фонарь, стоп-сигнал у автомобиля.

Общеиспанское предикатно-характеризующее значение существительного *calavera* как носителя пороков [Moliner 1986, t.1, 460], в Мексике конкретизировано до значения «любитель поволочиться за женщинами», «кутила», «гуляка». При этом существительное претерпевает изменение грамматического значения рода с женского на мужской:

Antes de casarse Pedro era un calavera muy conocido como tal ‘До женитьбы Педро был известный любитель женщин’ [пример из: DEUM 1996, 200-201].

На базе этого значения возник дериват *calaverada* ‘дерзкая выходка’, ‘роман на стороне’, ‘супружеская измена’.

В следующих примерах из романа современного мексиканского писателя Альваро Урибе «Мастерская времени» это существительное появляется в рассуждениях от лица жены главного героя и от лица его сына, размышляющего об изменах отца:

En esa época yo tenía poco más de cuarenta años y daba por sentado que a un hombre todavía vigoroso como Miguel lo atraían las jovencitas. A otras señoras las ultrajaba encontrarse en una situación. A mí, no por sabía sino por comodina, me parecía natural o por lo menos tolerable. Con una condición que, por supuesto, no le exigí explícitamente a mi esposo: que sus calaveradas fueran aventuras sin consecuencias [Uribe 2004, 29]

‘В те годы мне было чуть больше сорока лет и я считала само собой разумеющимся, что такой полный жизни мужчина, как Мигель, увлекался молоденькими девушками. Других женщин подобная ситуация наверняка бы оскорбила. Мне же, не из-за моей мудрости, а из-за лени, эта ситуация казалась терпимой. С единственным условием, которое я напрямую выложила мужу: что его интрижки не должны иметь последствий’.

<...> me pareció incluso admirable que fuera capaz de tales calaveradas a su edad [Uribe 2004, 58] ‘Мне даже показалось достойным восхищения, что в таком возрасте он был способен на подобные **выходки**’.

Лингвокультурологически обусловленным значением формы множественного числа рассматриваемого существительного – *calaveras* – обладает именование жанра народного мексиканского искусства (гравюра, лубок), транслитерируемое на русский язык как «калаверас».

Отдельно остановимся на обозначении существительным *calavera* (как правило, в форме множественного числа *calaveras*) стихов, сочиняемых ко Дню мертвых. По мнению научно-популярного журнала «Неизвестная Мексика», калаверас представляют традицию «смелой литературы» (“*literatura valiente*”) но, к сожалению, уходящей [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 14]. Вышедшим из употребления синонимом существительного *calavera* в данном значении служит форма множественного числа также входящего в лексико-семантическое поле «смерть» существительного *panteón* ‘кладбище’: *panteones*.

Классические калаверас являются разновидностью коплы и обычно состоят из четырех стихов. В качестве примера рассмотрим текст кала-

веры на Диего Риверу, приводимый в научно-познавательном дискурсе (в статье о праздновании Дня мертвых):

Este pintor eminente

Cultivador del feísmo

Se murió instantáneamente

Cuando se pintó a sí mismo ‘Знаменитейший художник, / Восхваляющий уродство, / Умер через две секунды, / Как нарисовал себя’ [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 16]. Юмористический заряд данного текста проясняется для носителя иной культуры тем обстоятельством, что выдающийся мастер мексиканской станковой живописи Диего Ривера был, с обыденной точки зрения, явно некрасив, что, впрочем, нисколько не мешало ему пользоваться успехом у женщин и не умаляло, а напротив, оттеняло его мужскую харизму. Хейден Эррера, автор яркой и увлекательной биографии Фриды Кало «Фрида Кало. ¡Viva la vida!» называет главу об отношениях своей героини с Диего Риверой «Диего: принц-лягушка» и пишет такие строки: «Ему ничего не стоило покорить женщину. Хотя он и был внешне безобразен, но легко влюблял в себя женщин с естественностью магнита, притягивающего железо. На самом деле частично его привлекательность заключалась в его чудовищном облике – некрасивость Диего была прекрасным фоном для женщин, любящих поиграть в союз красавицы и чудовища, но самым привлекательным была его личность. Он был принц-лягушка, поразительный человек, полный блестящего юмора, живости и очарования» [Эррера 2005, 102].

Илл. 13. Диего Ривера и Фрида Кало

4. Обилие фразеологических единиц, упоминающих смерть и апеллирующих к смерти, как эксплицитно (при непосредственном употреблении единиц соответствующего семантического поля, как в призыве выполнять обещанное *cáite cadáver* ‘стань трупом’), так и имплицитно (типа *estirar la pata* ‘протянуть ноги’), большинство из которых является эвфемизмами.

Мексиканская фразеология является красноречивым языковым отражением рефлексий обиходного (прежде всего, фольклорного) сознания над ролью смерти в организации бытия и, как это ни парадоксально, над ролью смерти в жизни человека. Словари мексиканизмов, специальные издания по мексиканской фразеологии, фольклору и юмору избилуют фразеологическими единицами, упоминающими единицы лексико-семантического поля «смерть». Глаголы значения «перестать жить» универсально эвфемизируются и жаргонизируются, что обуславливает развитие богатой парадигмы синонимов. В качестве иллюстративного материала воспользуемся сплошной выборкой единиц значения «перестать жить» из словаря мексиканской разговорно-обиходной лексики Армандо Хименеса [Jiménez 1999]. Большинство из этих единиц – глагольные фразеологизмы с категориальным значением действия:

acompañar a la flaca «(со)проводить худую» (flaca «худая» – разговорно-обиходный синоним слова *muchacha* «девушка», форма обращения к девушке, независимо от ее комплекции и эвфемистическое обозначение смерти);

afiliarse a la mortal cofradía «присоединиться к смертельному братству»;

anclar los tenis «повесить на гвоздь кроссовки»;

anclar en el panteón «бросить якорь (обосноваться) на кладбище»;

bajar a abonar el pasto «пойти вниз удобрять пастбище».

Ряд фразеологических единиц образован переходным глаголом *entregar* «вручить», «отдать» и парадоксальным дополнением:

entregar la zalea «вручить овчину»;

entregar la zalea al Divino Curtidor «вручить овчину Божественному Кожевнику»;

entregar el equipo «отдать обмундирование»;

entregar la tarjeta de circulación «отдать водительские права».

Переходный глагол *estirar* «вытягивать», «протягивать» в фразеологизмах рассматриваемого значения принимает дополнение со смыслом «ноги»:

la pata (сниженно-разговорное «нога»),

las de galopar «то, на чем скачут»;

las de batir lodo «то, чем месят грязь».

В эвфемистических и игровых выражениях смысла «умереть» упоминается американизм *petate* «циновка из пальмовых листьев»:

liar (doblar) el petate «свернуть циновку»;

возвратный глагол *petatearse*, стилистически соотносимый с русским ненормативным выражением «откинуть копыта» [ИРСЛЯ 2004, 484]. Ассоциацию с внешней силой, уносящей человека, отражают фразеологизмы с пассивным залогом глагола *llevar* «унести». Актантом, действующим как внешняя сила, в этих фразеологизмах выступает:

- Бог: *llevársele Dios pa' su rancho*;
- западня: *llevárselo la trampa*;
- грусть: *levárselo la tristeza*;
- эвфемистически названная как «тетка девушек» смерть: *llevárselo la tía de las muchachas*;
- мексиканская инвектива «чингада»: *levárselo la chingada*.

Имяются выражения, передающие значение «перестать жить» как изменение физического состояния:

enfriarse «похолодеть».

Возвратный глагол *quedarse* «оставаться в каком-то положении, состоянии» оформляет глагольные фразеологизмы со смыслом изменения состояния:

quedarse firmes «затвердеть»,

quedarse quieto «затихнуть»,

quedarse jetón «надуться»,

quedarse como un pajarito «стать, как птичка»,

quedarse con la vista cuata «остаться с остекленевшими глазами».

На материале изданий Э.Переса Мартинеса [Pérez Martínez 1994] и А.Яньеса [Yáñez 1977] рассмотрим фразеологические единицы, упоминающие смерть эксплицитно, и проанализируем их культуро-специфические коннотации.

Универсальная этическая позиция отношения к мёртвым (ср. латинское *De mortuis aut bene aut nihil*) содержится в фразеологизмах *Sobre el muerto, las coronas* / «Мертвому – венец» и *A los vivos pan, y a los muertos, paz* / «Живым – хлеб, а мертвым – покой».

Неизбежность смерти констатируется в фразеологизме *A mal de muerte, no hay médico que le acierte* «Смерть не излечит даже доктор», а тот факт, что никто заранее не знает, где его настигнет смерть – в предложении *El que ha de morir «a oscuras» aunque muera en velería* «Рожденный умереть в темноте умрет даже в свечной лавке».

Предельный характер ситуации смерти мотивирует следующие фразеологические речения, объединенные сходством синтаксической и понятийной структуры. Смерть (субъекта) выступает семантикой условия, а обесценивание ситуации – семантикой следствия:

Muerto el ahijado, se acabó el compadrazgo ‘Крестник умер – кумовство закончилось’;

Muerto el perico, para qué quiero la jaula ‘Попугай умер – зачем мне клетка?’;

Muerta Jacinta, se acabaron los dolientes ‘Хасинта умерла – нет больше страдальцев’;

Muerto el perro, se acabó la rabia ‘Пёс умер – бешенства больше нет.

Именно экстремальностью и предельностью смерти в организации бытия объясняется, вероятно, тот факт, что аллюзией со смертью мексиканская фразеология образно озвучивает восприятие объектов как предельных по интенсивности признака:

Hay muertos que no hacen ruido y son mayores sus penas / ‘Есть мертвецы, которые молчат, но горе их гораздо больше’ (о вреде поверхностных суждений);

cansado de velar cadáveres y no pinches muertos con cabezas de cerillas ‘Я устал бдеть у гроба с трупами, а не с паршивыми мертвецами с крошечными головами’ (предостережение, что говорящий разбирается в истинной ценности явлений);

Estoy en el panteón del olvido ‘Я на кладбище забвения’ (жалоба на незаслуженное забвение и невнимание);

¿De qué mueren los quemados?... de ardores ‘От чего умирают обожженные? От пламени’ (констатация-предостережение, что бессердечные люди захлебываются от собственной злобы).

Мексиканская идиоматика богата примерами из самых обыденных бытовых ситуаций, когда упоминание смерти может расцениваться как своеобразное средство карнавализации речевого поведения:

Huyes de la mortaja y te abrazas al difunto ‘Спасаясь от савана, а в итоге обнимаешь покойника’ (укор в адрес тех, кто замечает лишь чужие недостатки);

Como ya me he muerto sé que es la eternidad ‘Я мёртв и знаю, что такое вечность’ (довод «На ошибках учатся»);

Ser uno como la muerte de Apango, que ni chupa ni bebe ni va al fandango ‘Как смерть Апанго: ни пьёт, ни ест, ни танцует фанданго’ (о человеке, привередливом в еде и питье);

andar como el diablo, de cabrón entre muertos ‘как чёрт, словно пройдоха среди мертвецов’ («слоняться без дела», переключаящееся по жизненно-бытовой отнесённости с русским фразеологизмом «(только) за смертью посылать» – о том, кто очень медленно ходит по какому-л. делу, поручению) [Словарь русского языка 1984, т. 4, 152];

¿De qué murió? ‘От чего (он) умер?’ (вопрос, задаваемый в момент неожиданной паузы в разговоре);

cáite cadáver ‘стань трупом’ / «хоть умри» (призыв выполнять обещания);

de un jalón hasta un panteón ‘одним махом на кладбище’ (адвербиальное значение «окончательно и бесповоротно»).

Целый ряд фразеологизмов отражает пренебрежительно-насмешливое, подчас издевательское отношение к смерти. Насмешка над смертью может основываться на принижении силы олицетворяемой смерти:

Al cabo la muerte es flaca y no ha de poder conmigo ‘Смерть слаба, и меня ей не одолеть’ или конструировании алогичных ситуаций:

No vas a morir de parto ni de cornada de burro ‘Ты не умрешь ни от родов, ни от удара рогом осла’, адресованное мужчине;

Vámonos muriendo ahorita que están enterrando gratis ‘Умрем сейчас, так как хоронят бесплатно’.

Если предыдущие примеры отражают насмешливое отношение к страху смерти, то выражение *asustarse con el petate del muerto* ‘испугаться циновки мертвеца’ символизирует насмешку над страхом вообще. Систематизацию рассмотренных фразеологических единиц возможно описать в терминах когнитивной структуры фреймов, представленных в виде «структуры узлов и отношений» [Демьянков 1996; Макаров 2003, 153-157]. Конкретные фразеологические единицы, эксплицитно упоминающие смерть, можно представить как слоты, а концепт «смерть» как величину, соответствующую вершинам, «всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации» [Демьянков 1996, 189].

Таким образом, в культуре Мексики и мексиканском национальном варианте испанского языка мы находим амбивалентное восприятие жизни и смерти, окрашенное буйными карнавальными красками и глубоким философским осмыслением. Индейские корни, преемственность, карнавал, неизбежная данность бытия и неразрывная связь с концептом «жизнь» представляются главными составляющими концепта «смерть» в менталитете и языковой картине мира мексиканцев.

2.4. Мексиканская кухня и гастрономическая символика в речи мексиканцев

2.4.1. Мексиканская кухня: традиции и современность

Национальная кухня и гастрономическая символика играют важную роль в постижении и интерпретации культуры как системы, в которой сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, ведущие непрерывный диалог. В межкультурном аспекте этот диалог включает и заимствование разных видов продуктов и национальных блюд одним народом у другого. Общеизвестно, например, что технологии изготовления хлеба пришли в Европу из стран Передней Азии, а после открытия Америки европейская кухня узнала и заимствовала у древних индейских народов Америки кукурузу, картофель, помидоры, индейку и какао.

Мексиканская кухня – неотъемлемая часть истории и культуры Мексики. Индейские элементы традиционно играли и продолжают играть важную роль в своеобразии кулинарии страны. Основой питания мексиканцев издавна служила кукуруза (маис). Кукуруза возделывается в Мексике повсеместно. «Твоя поверхность – Золотой Маис», – пишет о родине в стихотворении «Нежная отчизна» знаменитый мексиканский поэт-лирик Рамон Лопес Веларде [Поэты Мексики 1975, 134].

Мексика – родина маиса. Маис как культура значительно эволюционировала на протяжении тысячелетий [Bernal 1994, 18]. Вероятным предком современной кукурузы считается теосинте мексиканская (*Euchlaena mexicana*) [Биологический энциклопедический словарь 1989, 302].

Мифы ацтеков повествуют, что первое зерно маиса было открыто Кетцалькоатлем (*Quetzalcoatl*), богом-творцом мира. С маисом в ацтекском пантеоне связан целый ряд божеств: Чикомекоатль (*Chicomecoatl*) – богиня маиса, Шипе Тотек (*Xipe Totec*) – бог посевов маиса, Шилонен (*Xilonen*) – богиня початков маиса [González Torres 1999]. О сотворении богами людей из маиса, после неудачных попыток создания человека из глины и из дерева, рассказывается в мифологической части эпоса гватемальских майя-киче «Пополь-Вух», с чем перекликается роман выдающегося гватемальского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Мигеля Анхеля Астуриаса (1899-1974) с символическим названием «Маисовые люди» (1949). Историки полагают, что наряду с фасолью и тыквой, маис был известен в Мексике уже в IV тысячелетии до н.э. [Гуляев 1980, 12]. Считается, что в настоящее время сорок один

из двухсот пятидесяти известных сортов маиса произрастает именно в Мексике [México desconocido, julio 2004, № 329, 32].

В число базовых ингредиентов мексиканской кухни, наряду с маисом, входят многочисленные острые сорта перца-чили (*chile*), помидоры, тыквенные, бобовые и рис. Широко и разнообразно используются местные тропические фрукты.

До прихода испанцев в индейской кулинарии в качестве источника животных белков использовалось мясо таких животных, как собака, кролик, заяц, нутрия, муравьед, из птиц – индейка, голубь, куропатка. Кроме того, в пищу употреблялись черепахи и игуаны. Испанцы привнесли в мексиканскую кухню не только пшеницу, но и традиционные сорта мяса: свинину, говядину, баранину, нашедшие органичное применение в мексиканской кулинарии.

Для технологии приготовления мексиканских блюд типично размалывание используемых ингредиентов (изначально для этого служила зернотерка *metate* «метате»). Сейчас практически в каждой семье есть *licuadora* – блендер, при помощи которого достигается однородность массы готовящегося блюда.

Итак, маис – пожалуй, наиболее распространенный ингредиент различных блюд традиционной мексиканской кухни. Используются его зерна, початки, листья; из зерен изготавливается мука.

Из кукурузных зерен готовят питательную кашу «атоле» (*atole*). Традиционная технология приготовления атоле предусматривает предварительное замачивание кукурузных зерен в воде с примесью извести или золы. Затем разбухшие зерна размалывают и заливают водой. Кукурузные зерна также идут на приготовление густого супа «посоле» (*pozole*), для которого используется свиной бульон. Традиционно в пищу идут также вареные или жареные кукурузные початки; они называются в Мексике «элоте» (*elote*).

Обязательный компонент еды мексиканца – это тортилья (*tortilla*) – пресная лепешка из кукурузного теста, поджариваемая на углях или на жаровне. К столу тортильи подают обычно в горячем виде. Тортильи служат основой для приготовления другого знаменитого блюда повседневной мексиканской кухни – «тако» (*taco*). Тако – это просто свёрнутая трубочкой или обжаренная в масле тортилья с остро приправленной мясной начинкой. Начинка часто содержит перец-чили и сыр. У тако есть разновидности: «энчилада» (*enchilada*) и «кесадилья» (*quesadilla*). Энчилада – свернутая кукурузная лепешка с очень острой приправой, где главным компонентом является протертый перец-чили. Кесадилья (от исп. *queso*

«сыр») изначально обозначала свернутую тортилью (часто в форме полукруга) с начинкой из сыра. В настоящее время название «кеса-дилья» употребляется и для обозначения свернутой тортильи с другой начинкой, например, из картофеля или грибов. Кукурузная мука идет на выпечку «тамалья» (*tamal*) – кусков кукурузного теста, обернутых в кукурузный или банановый лист и приготовляемых на пару. В Мексике огромное количество рецептов и видов тамалья. В штате Мичоакан, например, местные разновидности тамалья называются *corundas* «корунда» и *uchepo* «учено». В доиспанскую эпоху тамали обычно фаршировались мясом птицы, прежде всего индейки. В настоящее время начинка тамалей самая разнообразная. К примеру, тамаль с фасолью называется «чучулуко» (*chuchuluco*). Еще один типично мексиканский вид изделий из кукурузного теста – «сопес» (*sopes*) – пирожки типа беляшей с начинкой из мяса и острых приправ, в первую очередь, из чиле.

Маис используется и во многих мексиканских сладостях, таких, например, как «эските» (*esquite*) – из кукурузных зерен, «такуарин» (*tacuarín*) – пирожное из кукурузной муки.

Весьма специфичны в современной мексиканской традиции мясные и рыбные блюда. Из испанской кулинарии мексиканская кухня заимствовала блюда типа «косидо» (*cocido*), или «пучеро» (*puchero*) – «варево». Классической комбинацией черт индейской и испанской кулинарии считается блюдо, называемое «пучеро мекхикано» (*puchero mexicano*). Из мясных компонентов на его приготовление обычно идет свиная лопатка. Специфика этого блюда заключается в весьма своеобразном наборе овощных и, что самое интересное, фруктовых компонентов: помимо моркови, лука, перца, петрушки используются бананы, груши и другие фрукты.

Штаты Пуэбла и Оахака знамениты блюдами типа жаркого, называемого здесь «моле» (*mole*; от *molli* – «соус» на науатль). Самое знаменитое моле – «моле поблано» (*mole poblano*) – от названия города Пуэбла (Puebla) – родины этого блюда. На приготовление моле поблано идет мясо индейки, а также набор перцев, специй (корица, гвоздика и др.), шоколад, чеснок, молотая тортилья. При подаче на стол в классическое моле поблано добавляется жареный кунжут.

В штатах Чьяпас, Оахаке и Герреро популярна «чанфайна» (*chanfaina*) – кушанье из свиных потрохов. Штат Синалоа знаменит различными блюдами на основе копченой рыбы. В Дуранго примечательно так называемое «менудо» (*menudo*) – жаркое из говядины. В штате Сакатекас блюдо «косидо боррачо» (*cocido borracho*) – «пьяное коси-

до» – готовится с добавлением пульке. В кухне Акапулько много блюд из ракообразных.

Очень специфична кухня Юкатана. Наряду с огромным разнообразием острых сортов перца (один из наиболее жгучих – *chile habanero*) здесь очень активно используются специи, такие, например, как шафран, мята, гвоздика, тмин. Знаменитое блюдо в кухне Юкатана – «кочинита пибиль» (*cochinita pibil*) – томленный под слоем теплой земли молочный поросенок, приправленный апельсиновым соком.

В мексиканской кухне широко используются соусы. Один из известнейших мексиканских соусов – гуакамоле (*guacamole*, от *ahucamulli* ‘соус из авокадо’, на науатль). Гуакамоле готовится из протертого авокадо, острого перца-чили, лука, зеленых помидоров и кориандра.

Что касается мексиканских напитков, то одним из старейших из них является шоколад. Шоколад был известен древним ацтекам и древним майя. Считается, что шоколад был любимым напитком девятого императора ацтеков – Монтесумы. Известно также, что древние ацтеки изготавливали напиток – предок современного жидкого шоколада – из маиса и обжаренных зерен какао. Древние майя использовали зёрна какао как денежную единицу [González Torres 1999, 24], а также изготавливали из них не только шоколад, но и масло. Вкус и аромат горячего шоколада поразили испанских конкистадоров. Хронист Торибิโอ де Бенаvente, рассказывая о крещении индейцев, замечает:

«Покупали для торжества охапки роз и сосуды с благовониями и с какао – это у них очень вкусный напиток, – а также фрукты» [Хроники открытия Америки, 382; выделено нами – О.Ч.].

В сегодняшней Мексике шоколад как напиток тоже очень популярен.

Многие другие современные напитки готовятся на основе маиса. Например, пиноль/пиноле (*pinol(e)*) – это напиток из жареной кукурузной муки, сахара и корицы.

Естественно, что существенное влияние на традиционно изготавливаемые в стране напитки оказал мексиканский растительный мир. В Мексике произрастает огромное количество видов агав, кактусов, юкк, являющихся представителями полупустынной и пустынной флоры. Помимо того, что эти растения издавна находили широкое применение в хозяйстве (получение волокон, строительство изгородей, приготовление средств народной медицины и т.д.), многие их виды идут на изготовление алкогольных напитков. Практически все они имеют индейские названия и издревле установившуюся технологию изготовления. Известнейшие из таких напитков – «пульке» (*pulque*), «мескаль»

(*mezcal*) и «текила» (*tequila*). У древних ацтеков существовал целый культ пультке, обобщенный в божестве Ометочтли (*Ometochtli*).

Пультке и мескаль готовятся из сахаристого сока агавы, собранного перед началом цветения и подвергнутого брожению. Слегка забродивший сок называется «агуамбель» (*aguamiel*). При дальнейшем брожении агуамбеля и получается пультке. В Мексике существует много разновидностей пультке в зависимости от степени брожения. К примеру, «клячике» (*clachique*) или «тлячике» (*tlachique*) – это пультке с низким содержанием алкоголя. При дальнейшей перегонке пультке изготавливается «чарапе» (*charape*). Всемирно известная мексиканская водка текила (*tequila*) также получается путем дальнейшей перегонки пультке. В текиле, в соответствии с законом 1977 г., должно содержаться не менее 51 % сока голубой агавы. Напиток выдерживают в дубовых емкостях и разливают в бутылки только по достижении им необходимых крепости и аромата. Название «текила» происходит от названия города Текила (*Tequila, Jal.*) в штате Халиско (*Jalisco*), где издавна произрастает голубая агава (*Agave tequilana*) и традиционно процветает производство алкогольного напитка, снискавшего Мексике всемирную славу. На этикетках бутылок можно увидеть такие надписи, как *tequila blanco*, что значит «белая без выдержки», *reposado* – «выдержанная не менее двух месяцев», *añejo* – «выдержанная не менее года». Мексиканская традиция предписывает употреблять текилу с лимоном и солью. Текила широко используется для приготовления коктейлей, самым известным из которых, пожалуй, является «маргарита» (*margarita*).

Из голубой агавы изготавливаются и многочисленные местные алкогольные напитки, например, «баканора» (*bacanora*) – в штате Сонора, «сотол» (*sotol*) – в штате Чиуауа.

Разнообразны в Мексике местные прохладительные напитки. На Юкатане из шоколада и льда готовят «чорреадо» (*chorreado*); в Табаско из маиса, какао и сахара – «чороте» (*chorote*); в штате Веракрус изготавливается «чампола» (*champola*), на приготовление которой идут сочные плоды анноны и молоко с добавлением сахара и льда. Юкатанская чампола – это молоко с фруктовым мороженым.

Завершая экскурс в особенности мексиканской кухни, подчеркнем, что национальная кухня – это отдельная знаковая система внутри культуры, проекция которой на знаки языка является фрагментом национальной языковой картины мира. Национальные кухни испаноязычных стран, их метаязык, коммуникативная значимость и языковая символика образуют целостный фрагмент картины мира испаноговорящих народов и важные составляющие лингвокультурологической компетен-

ции при изучении и преподавании испанского языка; см., напр., [Чеснокова 2006, 109-134; 2010; 2011; 2012; Ахренов 2007, 91-121; 2009; Писанова 2009; Iákovleva 2010].

2.4.2. Гастрономическая символика в речи мексиканцев

Исследование когнитивной и коммуникативной значимости гастрономической терминологии обогащает представления о менталитете, языковой картине мира и о развитии лексической системы.

«Национальная еда – это та часть внешнего Космоса, что переходит к нам внутрь и становится частью микрокосмоса. Еда – это посредник между внутренним и окружающим мирами» [Гачев 1995, 49].

В эссе “Кухня и культура: Литературная история гастрономических вкусов от Античности до наших дней” Ж.-Ф. Ревель отмечает, что «эволюция словаря часто является прямым и явным указателем на пищевые пристрастия общества» [Ревель 2004, 95]. На тесную связь пищи, жизни общества и лексики языка, на котором оно говорит, указывает А. Вежбицкая [Вежбицкая 2001, 14]. В семиологической модели Умберто Эко отдельно представлены «вкусовые коды», которые, наряду с зоосемиотикой, сигналами обоняния и тактильной коммуникацией, относятся к «естественным» кодам [Эко 1998, 391-392].

Изначально связанная с домом и очагом, гастрономическая лексика онтологически сопряжена скорее с «женскими», чем с «мужскими» языками: «Мужские и женские языки различались прежде всего словарем. Охотничью или строительную лексику лучше знали мужчины, а лексику домоводства – женщины» [Мечковская 2004, 296].

Семантическая и прагматическая эволюция гастрономической лексики уравнивает лингвокреативную деятельность женщин и мужчин. Так, известное выражение мексиканцев, что их повседневный рацион – это «сплошной витамин Т» (*pura vitamina T*), апеллирующее к факту, что многие названия их любимых блюд из маиса начинаются с буквы *t* (*tortilla, tostada, taco, tamal*), вряд ли с достоверностью можно отнести к языковому творчеству именно мужчин или женщин, что, впрочем, составляет тему отдельного исследования.

Мотив еды является понятийной константой и во фразеологии, т.к. фразеологизмы, в которых упоминается еда, имеются в любом языке.

Имя общее ядро, гастрономическая лексика испанского языка характеризуется национальной спецификой как в плане состава, так и ре-

зультатов метафоризации и идиоматизации – ценных сведений для реконструкции и понимания ЯКМ носителей различных национальных вариантов испанского языка.

Так, для фразеологических единиц с гастрономическим компонентом пиренейского национального варианта испанского языка характерен высокий фразеологический потенциал компонентов *vino* ‘вино’, *aceituna* ‘оливка’, ‘маслина’, *aceite de oliva* ‘оливковое масло’. Данные компоненты и соответствующие мотивы оказываются «пустыми» для фразеологии многих латиноамериканских вариантов испанского языка. В частности, тонкий знаток мексиканской и общеиспанской паремиологии Эрон Перес Мартинес, констатируя значительное количество ФЕ, упоминающих потребление вина, в пиренейской фразеологии, подчеркивает нетипичность этого явления для фразеологии Мексики [Pérez Martínez 1994, 134].

Богатый репертуар фразеологизмов с компонентом *vino* ‘вино’ в пиренейском национальном варианте испанского языка неудивителен. Виноградарство и виноделие – непреходящие составляющие материальной культуры Испании, чему объективно способствуют средиземноморский климат с обилием солнечных дней в году и плодородные, хорошо дренируемые и удерживающие влагу почвы. Лексические единицы лексико-семантического поля «вино» (обозначения цвета, качества, вкуса, послевкусия вина и др.), их символы и ассоциации образуют важный фрагмент ЯКМ испанцев. А в Перу – родине картофеля – насчитывается, по данным М.М. Чавес Уаман, около 300 обозначений этой культуры, в отличие от ходовых обозначений *papa blanca* «белый картофель», *papa amarilla* «желтый картофель» – в пиренейском национальном варианте испанского языка [Чавес Уаман 2006, 17].

Мексиканцы вкладывают разный смысл в названия-науатлизмы *tomate* и *jitomate*. *Tomate* – это «зеленый помидор», а *jitomate* – «красный помидор». Симптоматичен пример контактного расположения в тексте обоих терминов и объяснительная ремарка авторов словаря:

Chilaquiles s m pl. Guiso que se hace con pedazos de tortilla de maíz fritos y luego cocidos en salsa de chile y jitomate o tomate verde [DEUM 1996, 314] ‘Чилакилес. Блюдо из обжаренной крошенной тортильи в соусе из острого перца-чили и красного или зеленого помидора’.

В южно-американских вариантах испанского языка развита идиоматика с кечуизмом *mate* – названием настоя парагвайского чая «мате» и сосуда для его питья [см.: ИРФС 1985, 398; ИРСЛА 2004, 425-426; ДЕА 2000, 393]. В этом смысле примечательно варьирование опорного компонента – названия сосуда: *mate* – «сосуд для потребления мате»; *bule* – заимствование из кайта «сосуд из тыквы», которые демонстри-

руют перуанский и мексиканский глагольные фразеологизмы «не нуждаться в полых сосудах для плавания» идентичного значения «быть самостоятельным», «добиться всего самому»:

no necesitar (de) mates para nadar (перуанизм);

no necesitar bules para nadar (мексиканизм).

Перейдем непосредственно к мексиканскому лексическому материалу. Названия продуктов, используемых в повседневной мексиканской кулинарии, наименования идущих в пищу овощей и фруктов, а также названия традиционных блюд национальной кухни составляют неотъемлемую часть лексического состава мексиканского национального варианта испанского языка и одну из понятийных основ национально-специфичной метафоризации и идиоматизации. Мексиканский фразеоматериал с гастрономическим компонентом, по совершенно справедливому замечанию Э.Переса Мартинеса, чрезвычайно полезен историкам [Pérez Martínez 1994, 134]. По нашим оценкам, этот материал содержит также ценные сведения для межкультурного исследования национального менталитета и особенностей ЯКМ [Чеснокова 1997; Tchesnokova 1998a; Чеснокова 2006, 2010, 2012].

Использование мексиканских национальных гастрономических символов в дискурсе и необходимость их лингвокультурологического комментирования проиллюстрируем несколькими, на наш взгляд, яркими примерами. Так, один из разделов в статье *Gente de maíz, maíz de gente* «Маисовые люди – маис людей» в научно-популярном журнале «Неизвестная Мексика» озаглавлен *La tortilla nuestra de cada día* ‘Тортилья наша насущная’ [México desconocido, julio 2004, No. 329, 35]. В этом заголовке прочитывается аллюзия прецедентного феномена-библейзмом *el pan nuestro de cada día* (Mateo 6: 11) / «Хлеб наш насущный» (Матф. 6:11), а замещение слова *pan* на слово *tortilla* имеет культурной коннотацией значимость тортильи в повседневном рационе мексиканцев. То же основание метафоризации представлено во фрагменте из эссеистической книги Карлоса Фуэнтеса «Потаенное зеркало», где граница между Мексикой и США образно называется «Занавесом из тортильи»:

La frontera de 2 500 millas entre México y los Estados Unidos es la única frontera visible entre los mundos desarrollado y en desarrollo. También es la frontera entre Angloamérica y Latinoamérica, que empieza aquí. Y también es una frontera inacabada como las barreras, zanjas, muros – la llamada Cortina de la Tortilla – rápidamente levantados para detener al inmigrante hispánico y enseguida abandonados, inacabados [Fuentes 1997, 513].

В другом отрывке автор говорит о примирении энчилады и гамбургера как символов Мексики и США, соответственно, что также иллюстрирует функционирование в дискурсе гастрономических символов:

Ello no nos asusta en Latinoamérica, porque sentimos que nuestra propia cultura posee la fuerza suficiente y que, en efecto, la enchilada puede coexistir con la hamburguesa, aunque aquélla, para nosotros, sea definitivamente superior [Fuentes 1997, 522-523].

Иллюстративен и пример из книги Лауры Эскивель «Интимные вкусы: философский трактат о кухне», который также апеллирует к противоречиям между Мексикой и США через национальные гастрономические символы и прецедентные феномены:

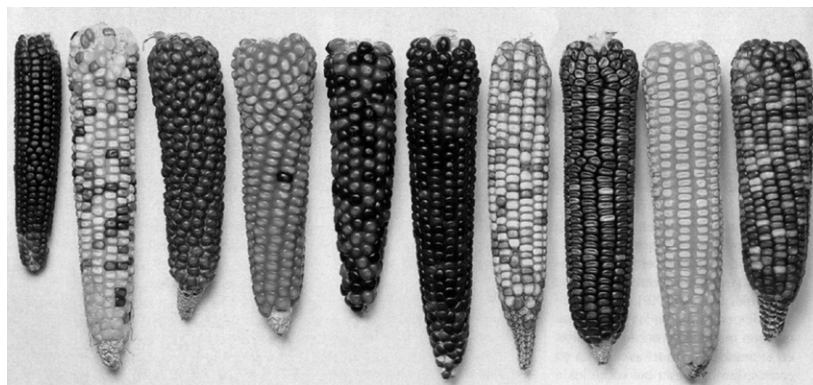
Pues si a esas vamos y los mexicanos somos hijos del maíz, los estadounidenses ya han comido las suficientes palomitas de maíz como para emparentarse con nosotros [Esquivel 1998, 57] ‘Ну, если так рассуждать, и мы, мексиканцы – дети маиса, то в США съели столько поп-корна, что мы теперь породнились’.

Эволюцию гастрономической лексики в мексиканском национальном варианте испанского языка целесообразно рассматривать через процессы словообразования, тропеические механизмы языка и идиоматизацию. Это позволяет говорить о роли отдельных продуктов и блюд как в повседневной жизни мексиканцев, так и об их концептуализации в их ЯКМ.

Весьма разнообразна в испанском языке Мексики лексика и фразеология с именами, связанными с маисом (*maíz*): *maíz, tortilla, tlacoyo, tostada, taco, tamal, atole, pinole* и др.

В качестве литературоведческой параллели процитируем замечание А.Ф. Кофмана о том, что маис – «единственное растение, которое отражено в латиноамериканской литературе в качестве устойчивого символического образа со своим набором смысловых констант и постоянных мотивов» [Кофман 1997, 165].

Илл. 14. Мексика – родина маиса

Лексические единицы, связанные с маисом, относятся в мексиканском национальном варианте испанского языка к индихенизмам, общеспанским лексемам (в прямом и семантически модифицированном значении), а также к гибридной лексике – результатам аффиксального, в первую очередь, словообразования по общеиспанским моделям. Так, суффиксальные дериваты индихенизма *atole*: *atolero* / *atolera* – «продавец/продавщица атоле», *atolería* – «пункт продажи атоле» – иллюстрируют суффиксальное словообразование посредством суффикса деятеля -*ero* и суффикса места производства или продажи продукта – *-ería*, соответственно.

Мексиканская лексика, связанная с маисом, отражает самые разнообразные признаки и характеристики этой культуры, действия по ее возделыванию, названия блюд, где используется кукуруза, а также обозначения других проявлений роли маиса в жизни мексиканцев. В качестве подтверждения воспользуемся примерами из «Словаря ацтекизмов» Луиса Кабреры [Cabrera 2002]:

cacahuacente / обозначение маиса с крупными и мягкими зёрнами;
samahuá / название кукурузы с зеленым початком;
cuítlacoché / поврежденный початок маиса;
chical / вареный молодой кукурузный початок;
cececle / вчерашняя тортилья;
elotada / полдник молодыми кукурузными початками;
itacate / пышная тортилья; запас еды в дорогу;
molquite / сухой початок;
pixque / тамаль, сохраняющий вкусовые качества в течение нескольких дней;
puscua / маис, сваренный с добавлением извести;
totomochtle / сухой кукурузный лист.

Глаголы представляют в основном аффиксальные дериваты от основ-индихенизмов:

amolcatarse ‘давать (о кукурузном поле) лишь сухие початки – от науатлизма *molquite* «сухой початок»;

apañar ‘мять кукурузу перед размалыванием’ – от науатлизма *pañana* ‘ломать’;

apozarse ‘употреблять кукурузу или пищу вязкой консистенции; ‘потерять (о человеке) стать, обрюзгнуть’ – от названия блюда мексиканской кухни *pozole*;

axolatarse «вырождаться» (о кукурузном поле) – от науатлизма *xolate* ‘маленький кукурузный початок’.

Показательный пример актуализации в тексте лексики, связанной с маисом, дает следующий отрывок из научно-популярного дискурса:

Los hombres del campo están vinculados al ciclo agrícola anual, las mujeres también marcan su día a base del maíz: desgrane, nixtamalización, molienda y preparación de tortillas o el pozol [México desconocido, julio 2004, № 329, 35-36] ‘Жизнь мужчин в сельской местности подчиняется годовому сельскохозяйственному циклу. Женщины тоже строят каждый свой день на основе маиса: вылушивание зерен, варка, помол и изготовление тортилий либо посоле’.

Примечательна в приведенном фрагменте лексема *desgranE* – словообразовательный дублет общеиспанского сельскохозяйственного термина *desgranO* «очистка от зерен» [Зайченко 1993, 73].

Метафоризация и идиоматизация названий, связанных с маисом, – следующее явление, требующее специального рассмотрения. Языковой материал свидетельствует о метафоризации и полифразеологичности (термин В.С.Виноградова [Виноградов 2003, 183]), в первую очередь, следующих имён.

Maíz m. Происходящее из языка таино, данное существительное стало неотъемлемым компонентом общеиспанского лексического фонда. Науатлизм *tlaoli* как обозначение маиса функционирует в современном мексиканском национальном варианте испанского языка скорее как историко-этнологическая реалья, но не как элемент дискурса, где ему предпочитается общеиспанская лексема *maíz*. Вот характерные контексты из лексикографических изданий:

Tlatlaoyo. m. Gordita de maíz, de forma ovalada, rellena de frijol, haba, garbanzo o arvejón. También se llama clacoyo, clacloyo o tlacoyo [DEMT 1996, 392];

Nixtamal s.m. Maíz cocido en agua de cal o con ceniza para que suelte el hollejo, con el que se prepara la masa para hacer tortillas, pozol, etc: un molino de nixtamal [DEUM 1996, 635].

Лексема *maíz* характеризуется полифразеологичностью и запечатлена в фразеологии Кубы, Пуэрто-Рико, Колумбии, Центральной Америки, Доминиканской Республики, Венесуэлы, Мексики, при этом ФЕ с этим существительным как опорным компонентом обнаруживают широкий диапазон смыслов и коннотаций [ИРФС 1985, 372]. Мексиканский фразеологический материал самобытен и своеобразен. Ситуацию нахождения человека в плохом настроении мексиканская фразеологии озвучивает как *no está el maíz para esquite* ‘маис не годится для эските’; ‘эските’ – лакомство из кукурузной муки.

Идиома *El que sembró su maíz, que se coma su pinole* ‘Кто посеял маис, пусть и пьет пиноле’ эквивалентна сентенции «Что посеешь, то

пожнешь» (*pinol (e)*) – это название напитка из жареной кукурузной муки, сахара и корицы).

Мысль, что подчас для урегулирования ситуации достаточно элементарной уступки, нашла отражение в поговорке *Silencio, pollos pelones, ya les voy a echar su maíz* (дословно ‘Тихо, неоперившиеся цыплята, сейчас я дам вам ваш маис’).

Упоминание маиса фигурирует в мексиканских географических названиях с флористическим компонентом [Поспелова 2006, 54]:

Yautepec ‘Йаутепек’ – в штате Морелос – «холм, где растет кукуруза»;

Jilotan ‘Хилотан’ – на юге штата Халиско – «место початков кукурузы»; на языке науатль *xilotl* – незрелый початок кукурузы;

Miahuatlán ‘Миауатлан’ – в штате Пуэбла и на юге штата Оахака – «кочерыжка кукурузы».

Преемственность художественно-образной символизации маиса демонстрирует повесть современного мексиканского писателя Х. Лопеса Портильо* «Пирамида Кецалькоатля». Вот характерный фрагмент:

Вскоре родилось первое дитя: мальчишка светленький, как солнце. Старуха первая весь дом оповестила:

– *Дочь наша солнце родила! Второе солнце здесь взошло! Он светел, как зерно, а волосы желты, как у маиса!*

Благая весть вырвалась на волю, народ, который все еще любил Кецалькоатля, доволен был. Не радовался – гневался Топильцин, а Уэмак пел, ликовал и веселился. Кецалькоатль видел, как появился мальчик, маленький маисовый початок, и тайну разгадал пупка – исконной связи всех людей [Лопес Портильо 2003, 99].

Atole m. Название происходит от основ *atl* ‘вода’ и *tlaoli* ‘молотый маис’, на науатль [Cabrerá 2002, 36].

Фразеологические выражения многочисленны:

después de atole ‘после атоле’ – слишком поздно;

ser un pan con atole ‘как хлеб с атоле’ – быть простым;

echar el moco en el atole ‘напустить в атоле сопли’ – делать бесполезное, ненужное дело, делать глупости;

dar atole con el dedo ‘давать атоле на пальце’ – обманывать, лукавить;

tener (llevar) atole en las venas; correrle a alguien atole por las venas ‘иметь в венах атоле’;

* Хосе Лопес Портильо (р.1920) с 1976 г. по 1982 г. был Президентом Мексики.

tener sangre de atole ‘иметь кровь из атоле’ – быть слабохарактерным, вялым, флегматичным.

Пословицы, где упоминается атоле, содержат наставления и советы – проявления здравого смысла и житейской мудрости.

Совет жениться на хозяйственной, а не на красивой – «Женись на той, что понимает в атоле и метате» – закреплён в пословице *Con la que entienden de atole y metate, con esa cástate*, а наставление «От добра добра не ищут» – в речении *Si con atole vamos sanando, atolito vámosle dando*. Следующая пословица предпочтения, оптимистически констатирующая «С милым рай и в шалаше», содержит три обозначения, связанные с маисом: *milpa* – кукурузное поле, *champurrado* – чампуррадо, напиток из маиса и шоколада, и рассматриваемый науатлизм *atole*:

Contigo la milpa es rancho, y el atole, champurrado ‘Кукурузное поле с тобой – это ранчо, а атоле – чампуррадо’. В этой пословице «худшее» приобретает статус «лучшего» при условии жизни с избранником, откуда логическое ударение на первом компоненте речения – *contigo* ‘с тобой’, являющемся условием этого перехода.

Еще одна пословица предпочтения *Más vale atole con risas que chocolate con lágrimas* ‘Лучше атоле с улыбками, чем шоколад со слезами’ противопоставляет атоле (символ простой еды) шоколаду (символ более дорогой еды). Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «в ситуации альтернативы человек должен положить на одну чашу весов «облегченное» добро, а на другую – компенсированное худо» [Арутюнова 1988, 283].

Tortilla f. В Мексике тортилья (*tortilla*) – это лепешка из пресного кукурузного теста. Именно это название дали мексиканским маисовым лепешкам испанцы [Ревель 2004, 91]. Существительное *tortilla* иллюстрирует «межвариантную омонимию» (термин акад. Н.М. Фирсовой) гастрономической терминологии: в современном пиренейском варианте испанского языка лексема *tortilla* обозначает омлет (как правило, с луком и картошкой, приготавливаемый на оливковом масле), в отличие от большинства латиноамериканских вариантов испанского языка, где эта лексема означает лепешку. Примечательно, что в разговорнике Берлица, ориентированном на Испанию, название *tortilla* фигурирует в разделе «Омлеты» – *Omelettes Tortillas* [BERLITZ Spanish Phrase Book & Dictionary 1995, 44], а путешественнику, желающему заказать омлет в Мексике, аналогичный разговорник с ориентацией на Латинскую Америку рекомендует обязательно говорить *tortilla de huevos* «тортилья из яиц», чтобы не получить вместо омлета кукурузную лепешку [BERLITZ Latin-American Spanish Phrase Book & Dictionary 1995, 49].

В испанском языке Аргентины, Кубы и Чили для существительного *tortilla* регистрируется также значение «хлеб, жареный на углях» [ИРСЛА 2004, 575]. Результатами дальнейшего семантического развития под влиянием жаргонизации стали значения «лесбиянство» (Аргентина, Куба, Уругвай) и «деньги» (Чили) [ИРСЛА 2004, 575]. В мексиканской фразеологии обнаруживаются следующие фразеологические единицы. О лицемерном человеке мексиканцы говорят *tortilla de dos caras* ‘тортилья с двумя сторонами’. Аналогом русской идиомы «У кого щи пустые, у кого жемчуг мелкий» в Мексике является *Si eso dice, pan de huevo, qué dirá tortilla dura* (~ ‘Если это говорит сдоба, что скажет сухая тортилья’). Лесбийскую ориентацию отразили фразеологизмы *echar tortillas* и *gustarle a alguien las tortillas*.

Tostada f. Данный гастрономический термин также наглядно иллюстрирует межвариантную омонимию гастрономической лексики. В Испании так называется гренок, ломтик поджаренного хлеба [БИРС 2005, 751], чему в Мексике будет соответствовать словосочетание *pan tostado*. Субстантивированное причастие женского рода *tostada*, мотивированное глаголом *tostar* в общеиспанском значении «поджаривать», обозначает в Мексике сильно поджаренную тортилью. М.А. Мориниго предельно краток в соответствующей словарной статье:

TOSTADA. f. Méx. La tortilla tostada [Morínigo 1966, 637].

«Словарь испанского языка Мексики» сообщает сведения о гастрономических привычках мексиканцев относительно потребления тостады, указывая, что тостаду едят «без всего» или намазывают массой из фасоли, мяса, томата, сыра, авокадо и перца-чили [DEUM 1996, 879].

Фразеологизм *llevarse a alguien la tostada* ‘быть унесенным тостадой’ – «рассердить кого-л.» восходит к универсальной ассоциативной связи эмоций с огнем и тепловой обработкой продуктов.

Taco m. Этимология спорна. Хорхе Мехия Прието полагает, что данное существительное происходит от науатлизма *itacate* в значении «толстая тортилья» и обобщенного значения «еда» [Mejía Prieto 1984, 129].

По данным «Испанско-русского словаря. Латинская Америка» [ИРСЛА 2004, 554], *taco* в Мексике – это, в первую очередь, свернутая трубочкой кукурузная лепешка, в Мексике и Чили – «засор», «помеха», в Аргентине, Мексике и Чили – «коротышка», «толстяк», Центральной Америке и Пуэрто-Рико – «страх», «боязнь». Для Южной Америки и Пуэрто-Рико зафиксировано значение «каблук». Наконец, на Кубе и в Пуэрто-Рико *taco* как прилагательное означает «модный», «франтоватый», «развязный», «бесшабашный», а как существительное – 1) «мод-

ник», «франт»; 2) «сорвиголова». Это же существительное обладает высокой идиоматической активностью. Тем не менее, очевидно, что фразеологические сочетания и идиомы с опорным компонентом *taco* имеют весьма далеко отстоящие друг от друга и территориально маркированные значения (по данным [ИРСЛА 2004, 554]):

darse uno taco Ам. *lucir uno el taco* Куба важничать, зазнаваться;

no valer un taco Кол. гроша ломаного не стоить;

tenerse un taco К.-Р. беспокоиться, волноваться.

В мексиканской фразеологии зарегистрированы следующие единицы:

meter los tacos запугивать (также для Центральной Америки);

echarse un taco перекусить;

A todo lo llaman cena aunque sea un taco sin sal 1) «много шума из ничего»; 2) «голод не тетка».

Tamal м. Науатлизм *tamal* относится к тем науатлизмам-названиям блюд, которые получили распространение в большинстве латиноамериканских вариантов испанского языка. По оценкам немецкого романиста В. Дитриха, науатлизм *tamal* распространен вплоть до западной Аргентины [Дитрих 2002, 69], что говорит об известном единстве латиноамериканского гастрономического тезауруса и о взаимном обогащении национальных вариантов испанского языка заимствованиями-индихенизмами.

Вот пример использования гастрономического термина *tamal* в художественном дискурсе знаменитого колумбийского писателя Томаса Карраскильи, который широко в своих произведениях прибегал к отражению бытовых реалий:

Varios sábados, por la noche, después de algún aquelarre de tamales y aguardiente, llevábalo el galán a que cantase en las ventanas de la amada [Carrasquilla 1996, 1996] ‘Несколько суббот подряд, по вечерам, после кутежей с тамалами и спиртным, воздыхатель подходил петь к окнам своей возлюбленной’.

Тамаль – это куски кукурузного теста с начинкой, завернутые в банановый или кукурузный лист (для кукурузного листа, используемого для тамалья, существует специальное название-науатлизм: *totomoxtle*). Тамаль – это вкусная и питательная выпечка, приготавливаемая на пару. Но на пару выпечка зачастую разваливается и теряет форму. В следующем контексте сравнение с «одетым тамалем» выражает отрицательную оценку бесформенности одежды:

– *Pues te ves como tamal vestido. Te queda pésimo* [Esquivel 2004, 87].

В мексиканской фразеологии тамаль упоминается в выражении распространенного мнения, что одна удача притягивает другую (ср.

«Счастливицу манна небесная сыплется»), существующего в нескольких вариантах со сходным зачином:

Al que nació para tamal (El que para tamal nace), del cielo le caen las hojas;

Al que nació para tamal (El que para tamal nace), vive ajeno de congojas;

Al que nació para tamal (El que para tamal nace), le dan la manteca fiada ‘Кто родился для тамала, тому с неба падают листья/ тот не знает бед/ тому дают масло в долг’.

Другие результаты мексиканской фразеологизации имени tamal – глагольные фразеологизмы:

hacer de chivo los tamales ‘делать тамали из козленка’ (намек на их плохое, в представлении мексиканцев, качество) в значении «обманывать»:

Se divorció porque le hacían de chivo los tamales [DEUM 1996, 851];

estar una cosa hecha un tamal ‘быть плохо завернутым’;

hacer un tamal ‘плести интриги’;

ya se acabaron los indios que tiraban con tamales ‘в незапамятные времена’.

Жаргонные семантические и словообразовательные дериваты – это *tamal* в значении ‘женский половой орган’, *tamalear* ‘хватать, тискать (женщину)’, *tamales* «закрутка с кокаином», *tamaluda* ‘женщина с пышными формами’ [по данным: Jiménez 1999, 228].

Pinole m. Также науатлизм, происходящий, по мнению Л. Кабреры, от науатлизма *pinolli* «кукурузная мука» [Cabrera 2002, 110]. Два примера паремий:

El que tiene más saliva traga más pinole ‘У кого больше слюны, тот и поглощает больше пиноле’ – «Побеждает сильнейший»;

No se puede chiflar y comer pinole ‘Невозможно свистеть и пить пиноле’ – «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь».

Chile m – это название острого перца *Capsicum annuum*, имеющего в Мексике множество разновидностей. Их далеко не полный перечень, обычно называемый мексиканцами, включает такие обозначения, как *chile serrano*, *chile catarina*, *chile güero*, *chile mulato*, *chile piquín*, *chile trompillo*, *chile habanero*, *chile valenciano*, *chile dulce*. В английском и русском языках науатлизм *chile* адаптирован с конечным «i»/«и»: *chilli* «чили»; мы будем использовать более точный вариант транслитерации с конечным «е»: «чиле».

Образным и достоверным свидетельством роли науатлизма *chile* в ЯКМ мексиканцев может служить следующий фрагмент из прозы Л. Эскивель:

Siendo el chile un alimento fundamental, también ha invadido otras órbitas de nuestra experiencia. Se ha vuelto parte del habla coloquial y ha dado un color peculiar a la expresión del español que se habla en México. Su uso en el hablar es tan diverso como sus formas y colores. Contiene significaciones que van desde la fórmula clara y contundente hasta la implicación más ambigua y pícaro. [Esquivel 1998, 119] Будучи главным ингредиентом нашей еды, перец-чиле завладел и другими сферами нашей жизни. Он стал частью разговорной речи и придает особый колорит мексиканскому испанскому. В разговорной речи чиле так же разнообразен, как форма и цвет самого перца. Значение его в речи простирается от вполне прозрачного до двусмысленного и юмористического. Далее Л. Эскивель упоминает некоторые фразеологические выражения, связанные с этим именем:

estar enchilado «быть рассерженным»,
ser cuenta chiles «скопидом», «скряга»,
hablar al chile «говорить открыто, прямо»,
no son enchilame otra «это – не просто» [Esquivel 1998, 119].

Этим, однако, не исчерпывается проявление полифразеологичности существительного *chile* в мексиканском национальном варианте испанского языка и в концептуализации мексиканцами действительности.

Негативная оценка скопления народа – «Вавилонское столпотворение» – имеет вид *de chile y de dulce / de chile, de dulce y de manteca* ‘из перца и сладкого’ / ‘из перца, сладкого и сливочного масла’;

a medios chiles ‘в подпитии’;

parecer uno chile relleno ‘ходить в лохмотьях’;

peor es chile y agua lejos ‘бывает хуже!’;

hecho un chile ‘в бешенстве’, ‘в ярости’;

no tenerle miedo al chile, aunque se vea colorado ‘не так страшен черт, как его малюют’;

hablarle a alguien al chile ‘говорить прямо’.

Роль существительного *chile* в концептуализации мексиканцами окружающего мира подтверждается и топонимикой. Это, например, исконный компонент-науатлизм *Chilpancingo* Чилпансинго «маленький Чилпанго», от *Chilpango* «место, где растет перец-чиле», в полном названии столицы штата Герреро *Chilpancingo de los Bravo*.

Chilchota Чилчота – астионим в штате Мичоакан – «место, где растет перец-чиле»;

Chilapa Чилапа – гидроним в штате Герреро – «река перца-чиле».

На примере существительного *chile* рассмотрим словообразовательные и семантические процессы в сфере гастрономической лексики.

Словообразовательные и семантические производные наутатлизма *chile* многочисленны и самобытны. В морфологическом плане они охватывают, прежде всего, следующие структурные модели.

Сложные слова от двух основ-индихенизмов: *chilatole* / *chileatole* (*chilli* + *atolli*) – атоле с добавлением перца-чили, сахара и ароматической травы эпасоте;

chiltomate (*chilli* + *tómatl*) – соус из перца-чили и помидоров.

Гибридные сложные слова (индихенизм *chile* + общеиспанское корневое слово):

chileajo (*chile* «чили» + *ajo* «чеснок») – жаркое, где главными компонентами являются перец-чили и чеснок;

chiliagua (*chile* «чили» + *agua* «вода») – вода, настоянная на перце-чили.

Аффиксальные дериваты по общеиспанским словообразовательным моделям:

chilar ‘посевы перца-чили’;

chilear ‘рассказывать пикантные анекдоты’; от, в свою очередь, семантического деривата *chile* в значении ‘пикантный» (скабресный) анекдот’.

Обратим внимание на фразеологизмы, где упоминаются и противопоставляются два названия блюд с перцем-чили:

chilaquiles (блюдо из крошеной тортильи, поджаренной с густым соусом из зеленого перца-чили, лука и сыра) и *enchilada* (тако, фаршированный сыром). Фразеологизм *chilaquiles aquí, y enchiladas allá* ‘здесь – чилакилес, а там – энчиладас’ озвучивает факт супружеской неверности мужчины, живущего на два дома или имеющего связь на стороне (нередко – в речевых актах похвальбы в прагматике мачизма). Императивная конструкция *No confundas las enchiladas con los chilaquiles* ‘Не путай энчилады с чилакилес’ призывает проявлять бдительность и не выдать двойной жизни.

Наконец, в жаргоне, универсально имеющем развитую парадигму обозначений частей тела, *chile* означает мужской половой орган, что позволяет носителю другой культуры «декодировать» табуированный моралью скрытый смысл следующего текста, цитируемого Х.А. Мичелом в книге «Мексиканские юмористические стихи»:

*¿Por qué le dicen, Javier,
“El Mole”, al pobre de Aquiles
– A mi modo de entender,
quizá porque puede ser*

producto de varios chiles. [Michel 1997, 184] ‘Отчего же, Хавьер, зовется «Моле» наш бедный Акилес?! Да что-то сдаётся мне, что плод он нескольких чилес’.

Aguacate m. Мексика – родина авокадо, а науатлизм *aguacate* вошел в общеиспанский словарный фонд и через испанский язык – в словарный фонд других языков. Широко распространенным во всей Латинской Америке стал и науатлизм *guacamole* – название соуса из протертого авокадо, с добавлением перца-чили, зеленого помидора, лука и кориандра – результат фонетической адаптации сложения лексем-науатлизмов *ahuácatl* ‘авокадо’ и *molli* ‘соус’.

В латиноамериканских вариантах испанского языка много семантических дериватов лексемы *aguacate*: от значения «яичко», «тестикул» (именно это значение имеет в науатль лексема *ahuácatl*, от которой и происходит существительное *aguacate*) до предикатно-характеризующих значений с отрицательной оценочностью «глупец», «дуралей» (Колумбия), «ничтожество», «придурок» (Куба), «мямля» (Гватемала, Венесуэла, Колумбия, Эквадор) [ИРСЛА 2004, 21; ДН 2000, 31].

В мексиканском национальном варианте испанского языка имеются следующие национально-специфичные фразеологизмы с компонентом *aguacate*:

адвербиальный фразеологизм *con la suavidad del aguacate* ‘с мягкостью авокадо’, апеллирующий к мягкости фрукта и означающий «легко», «непринужденно»;

глагольный фразеологизм *tener sus aguacates* ‘иметь зазнобу’, ‘крутить роман’;

пословичное сравнение *está muy redondo para huevo y muy delgado para aguacate* ‘слишком кругл для яйца и слишком тонок для авокадо’, выражающее оценку «ложь».

Mole m. Науатлизм *mole*, именующий соус из перца-чили, зеленых помидоров и многочисленных специй и добавок (в том числе шоколада), а также блюдо типа жаркого из курицы, индейки или свинины, с добавлением этого соуса, также приобрел своеобразное звучание в мексиканской фразеологии.

Испанско-русский фразеологический словарь [ИРФС 1985, 416] дает следующие мексиканские фразеологизмы с этим словом:

en su mole / 1) в его вкусе, в его духе; его конёк; 2) в своей стихии;
hacer uno el mole совершить предательство, предать, изменить;
a darle, que es mole de olla ну-ка живей!, за дело!, пошевеливайся!

Словарь испанского языка Мексики [DEUM 1996, 615] приводит фразеологизмы *darle a alguien en su (mero) mole* ‘разговаривать с со-

беседником на его любимые темы' и *Ser algo el (mero) mole de alguien* 'быть коньком'.

Житейское наблюдение, что, выполняя вместе какие-то дела, можно только навредить результату, воплотилось в речении *Entre dos cocineras sale aguado el mole* 'У двух поварих моле получается жидким'.

Frijoles m pl. Для обозначения фасоли испанский язык располагает лексемами *frijol* m 'фасоль', *judía* f 'фасоль', 'боб', *alubia* f 'белая фасоль'. В современном испанском языке лексема *frijol* является американизмом [ИРСЛА 2004, 332; БИРС 2005, 379], в свою очередь, заимствованием из леонского диалекта [Moreno de Alba 2001, 57], и обнаруживает территориальные фонетические варианты, например:

frijol (Колумбия);

frejoles (Эквадор);

frijol (Мексика) [www.hispanicus.com/part/DRLE].

Как отмечает панамский исследователь Хиль Блас Техейра, ни один панамец не употребит для обозначения фасоли слово *judía* и отдаст предпочтение словам *frijol* и *frisol* [Blas Tejeira 1964, 61]. В строго терминологическом смысле лексемы *frijol* m и *judía* f означают разные виды растения, имеющие, в свою очередь, многочисленные подвиды [Зайченко 1993, 105; 129; Santamaría 1992, 536-537]. Устойчивую межвариантную синонимическую пару образуют названия *judías verdes* (пиренейский вариант) и науатлизм *ejotes* (мексиканский вариант) как обозначения зеленой фасоли.

В сравнительном словаре лексики Антонио Молеро лексема *frijol* фигурирует как мексиканизм, соответствующий лексемам *judía*, *alubia*, *habichuela*, *pocha*, *judión* пиренейского испанского узуса, *poroto* – аргентинского, чилийского и уругвайского узуса и *caraota* – венесуэльского [Molero 2010, 30-31].

В мексиканском национальном варианте испанского языка форма единственного числа (*frijol* m) обозначает фасоль как сельскохозяйственную культуру, а форма множественного числа (*frijoles* m pl) – фасоль как пищу. Фасоль так же, как блюда из кукурузы, составляет неотъемлемую часть рациона большинства мексиканцев. Этот факт упоминается в словарной статье *frijol* «Словаря испанского языка Мексики»:

es parte fundamental de la dieta de los mexicanos [DEUM 1996, 446] 'фасоль – основа рациона мексиканцев'. Неудивительно поэтому, что, желая подчеркнуть истинно национальные черты предмета, явления либо человека, мексиканцы говорят *más mexicano que/ tan mexicano como los frijoles* 'более мексиканский'/ 'такой мексиканский, как фасоль' – аллюзия повсеместности употребления в пищу фасоли.

Отметим для сравнения, что в пиренейском национальном варианте испанского языка имеется фразеологизм сходной структуры и сходного намерения подчеркнуть национальные (испанские, в данном случае) черты явления или человека, где эталоном идентичности выступает компонент *aceitunas* ‘оливки’:

más español que / tan español como las aceitunas ‘более испанский/ такой испанский, как оливки’.

В колумбийском национальном варианте испанского языка эталоном идентичности жителей столицы страны – города Боготы, выступает название супа-ахиако: (см. подробнее: [Чеснокова 2012, 68]:

Ese Ernesto es más rolo que un ajiaco ([http:// bogowiki.org/rolo](http://bogowiki.org/rolo)) ‘Да Эрнесто более боготинский, чем ахиако.’

Фразеологизм дефиниции «зарабатывать на жизнь» включает повседневные продукты питания (ср. русск. «зарабатывать на хлеб», общеиспанск. *ganarse el pan*). В мексиканском национальном варианте испанского языка эта дефиниция имеет вид *ganarse los frijoles* ‘зарабатывать на фасоль’, что составляет элемент панамериканского фразеологического пространства. Сравним с пиренейским фразеологизмом *ganarse los garbanzos*, где *garbanzos* – турецкий горох’, ‘нут’ (напомним, что одно из устойчивых перифрастических названий Испании – это *la tierra de garbanzos* ‘земля гороха’). В Венесуэле, по данным А.В. Ахренова, в значении «зарабатывать на жизнь» бытуют ФЕ *bregar la arepa*, *buscar la arepa*, *ganarse la arepa*, *ganarse las caraotas* [Ахренов 2009, 61], где *arepa* – типичная для кухни Венесуэлы и Колумбии кукурузная лепешка, а *caraotas* – венесуэлизм «фасоль».

Мексиканскими словообразовательными и семантическими дериватами лексем *frijol/ frijoles* являются:

frijoles ‘похвальба’; ‘ругань’ – пример речевой энантиосемии;

echar frijoles ‘рассыпать фасоль’ – «хвалиться»;

frijolear ‘ругать’;

enfrijolarse ‘запутаться’.

Сравнение с фасолью в конструкции с глаголом *ser* символизирует трусость: *ser como los frijoles, que al primer hervor se arrugan* ‘словно фасоль, что при начале кипения сморщивается’; зафиксировано также в Перу [ИРСЛА 2004, 332].

Мигель Веласко Вальдес приводит следующий пример «мужского» комплимента-пиропо, где упоминается фасоль:

Con esa carne ni frijoles pido ‘К такому мясу я не хочу даже фасоль’ [Velasco Valdés 1998, 42]. Упоминание фасоли образует «материаль-

ный» фон и задает условия для языковой игры, основанной на значениях лексемы *carne*: «мясо» и «плоть» («тело»). Внешние «гастрономические» форма и содержание комплимента-пиропо озвучивают восхваление красоты женской фигуры. Вот как М. Веласко Вальдес – автор-мужчина – объясняет сущность этого пиропо: “*Piripo a una bella mujer cuyos atractivos superan a todo lo deseable*” [Velasco Valdés 1998, 42] ‘Комплимент женщине, чья внешность превосходит все мыслимые ожидания’.

Chocolate m. Шоколад для мексиканца – не только твердая, но и, прежде всего, жидкая субстанция – один из любимых безалкогольных напитков. Признавая противоречивость мнений о языке происхождения индихенизма *chocolate*, любопытно, что Луис Кабрера приводит его первым значением «напиток», и только вторым – «какао-порошок для приготовления жидкого шоколада» [Cabrera 2002, 76]. Шоколад как твердая субстанция (*chocolates* ‘шоколадные конфеты’, *tabla de chocolate* ‘плитка шоколада’) – уже более позднее семантическое развитие этого слова.

Сильную степень раздражения или накала чувств коллективный языковой опыт мексиканцев сравнивает с водой, используемой для растворения шоколада (по кулинарной технологии вода должна быть кипящей), откуда и происходит фразеологизм *estar como agua para chocolate* ‘как вода для шоколада’.

Синонимическая пара *enojarse / estar como agua para chocolate* подтверждает тезис о том, что «в силу своей экспрессивной маркированности легко вступают в синонимические отношения и фразеологические единицы» [Апресян 1995, 226].

Однако испанский фразеоматериал уникален еще и межвариантными синонимами. Рассматриваемый мексиканский фразеологизм *estar como agua para chocolate*, зарегистрированный также в Гватемале [ECMLRD 2001, 66], наглядно иллюстрирует межвариантную синонимию фразеологических единиц, выражающих состояние раздражения и аффекта в конструкции с глаголом *estar*:

estar a rabiar;

estar que arde,

estar que se sube por las paredes,

estar que trina [примеры из: Ramos, Serradilla 2000, 127].

Глагольный фразеологизм *darle a alguien/ tomar una sopa de su propio chocolate* ‘напоить кого-л. его же шоколадом’ / ‘испить собственный шоколад’ означает «отплатить той же монетой» / «получить заслуженное наказание»:

Cuquita aplaudió, gritó y lloró de gusto. ¡Si aquello no era justicia divina, no sabía qué podía ser! Hasta que alguien le había dado una sopa de su propio chocolate! [Esquivel 2004, 155].

Гуадалупе Аппендини указывает, что данный фразеологизм с глаголом *tomar* дополняет речение *Machetazo, al caballo de espadas* [Appendini 1997, 24].

Вновь подогретый шоколад считается в Мексике потерявшим вкус. Следующая идиома основана на сравнении вновь подогретого шоколада и возобновленной любви, которые помещаются житейским здравым смыслом в разряд не одобряемых, откуда их отрицание:

Ni amor reanudado, ni chocolate recalentado ‘Ни возобновленная любовь, ни вновь подогретый шоколад’.

Такое качество хорошего, в представлении мексиканцев, шоколада, как густота, послужило понятийной основой следующих сентенций – ориентиров в море житейских проблем:

Chocolate que no tiñe, claro está ‘Негустой шоколад прозрачен’ – о бесполезности некоторых человеческих контактов;

Las cuentas claras, y el chocolate espeso ‘Долги оплачены, а шоколад густ’ – о своевременности выполнения обязательств, в том числе, финансовых, а также призыв говорить начистоту.

Наконец, важная особенность семантической эволюции существительного *chocolate* – панамериканское значение «кровь» и жаргонный мексиканизм «пиво» [ИРСЛА 2004, 260; БИРСЛА 2011, 338].

Алкогольные напитки.

Mezcal m. Рифмованная сентенция-гипербола *Para todo mal, mezcal, y para todo bien, también* ‘На любую беду – мескаль, и на любую радость – тоже’ отражает народное представление о распространенности мескаля.

Pulque m. Фразеологизмы, где упоминается пульке, главным образом озвучивают губительное действие алкоголя на человека, который в результате теряет над собой контроль:

A quien te hable en pulquería, saludos a la familia ‘Если разговоришься в пулькерии, говори «прощай» семье’.

El que una vez toma pulque, su casa es tinacal ‘Тот, кто хоть раз попробовал пульке, считает своим домом тинакаль’; тинакаль (*tinacal*) – это цех для изготовления пульке и своего рода бар для его распития.

No tiene la culpa el pulque sino el briago que lo bebe ‘Виноват не пульке, а тот, кто его пьет’; *briago* – мексиканизм «пьяный», «пьяница» [БИРСЛА 2011, 136].

Устойчивое сравнение *más mexicano que el pulque* ‘более мексиканский, чем пультке’ апеллирует к распространенности пультке среди простых мексиканцев.

Tequila m f. Происхождение названия tequila от одноименного астионима в штате Халиско отражает такой универсальный механизм деонимизации, как «опредмечивание названия места – переход топонима в название реалии» [Нерознак, Ханичев 2002, 181]. В мексиканском национальном варианте испанского языка лексема *tequila* функционирует как существительное мужского рода. Этот факт отражен в словарях мексиканизмов [Mejía Prieto 1984, 133; DEUM 1996, 863; DEMT 1996, 317], в ряде словарей американизмов [Santamaría 1942, 161; Neves 1973, 542; ИРСЛА 2004, 564] и в реальной синтактике лексемы:

tequila blancO / reposadO / añejO;

CHATO. Maguey del cual se hace el tequila [Jiménez 1999, 66];

<...> *Casa Cuervo creó Mundo Cuervo, un recorrido mediante el cual estimula el reconocimiento del tequila, en la población de la que tomó su nombre, en Jalisco.* [México desconocido, julio 2004, № 329, 8].

Словарь американизмов М.А. Мориниго кодифицирует родовую амбивалентность имени *tequila* [Morínigo 1966, 620], а Большой испанско-русский словарь сопровождают его пометой женского рода [БИРС 2005, 735]. Вероятно, чем дальше от исконного ареала бытования этого напитка, тем более его обозначение адаптируется под общеиспанскую модель категории женского рода по окончанию -а.

Из мексиканских паремий с компонентом *tequila* приведем следующие:

Quien con tequila cena, con agua desayuna ‘Кто ужинает с текилой, завтракает водой’ – о вреде злоупотребления крепким алкоголем;

Digamos no a cocaína, que no nos falta la tequila ‘Скажем «нет» кокаину, у нас достаточно текилы’ – о меньшем вреде текилы по сравнению с наркотическими средствами.

Атрибутика и реалии изготовления алкогольных напитков из агавы магей нашли отражение в следующих сентенциях-советах прислушиваться к мнению опытных людей:

A acocote nuevo, tlachiquero viejo;

A acocote nuevo, jimador viejo ‘Новому акокоте – опытному тлачикеро /опытного химадора’. Эти часто воспроизводимые паремии содержат имена-реалии производства пультке. «Акокоте» – это вытянутый сосуд, куда работник-химадор (*jimador*) собирает сок голубой агавы. Работник-тлачикеро (*tlachiquero*) обязан следить за ферментацией

агуамьеля – забродившего сока голубой агавы. В обоих вариантах паремии присутствуют антонимичные прилагательные *nuevo – viejo* – универсальная закономерность контактного расположения антонимов в тексте и в текстах паремий, в том числе. Формально-семантическое противопоставление старого и нового уравнивается прагматическим отношением «нового» к материальному объекту, а «старого» – к опыту «деятеля».

Другие названия продуктов, блюд и имен, обусловленных способом их приготовления.

Констатацией ложности является фразеологизм *Esas son papas* – (papas – «картофель»). *Darle a alguien calabazas* (calabaza ‘тыква’) означает отказать жениху.

Универсальная мудрость «Что прошло, то больём поросло», а также значение «дело сделано» имеет в мексиканском национальном варианте испанского языка вид *Este arroz ya se coció* ‘Этот рис уже сварен’. Использование данного фразеологизма как подписи к фотографии [Caras, abril 2003, 11] в жанре светской хроники воспринимается носителями языка как знак близких отношений. Сравнение с магеем в конструкции с глаголом *ser*, по данным опроса носителей языка, устойчиво выражает глупость (*Es un maguey*). Сравнение с манго (*Es (eres) un mango*) символизирует похвалу внешней привлекательности как женщины, так и мужчины (это подтверждается данными: [Lore Blanch 1978, 54; Ахренов 2006, 20]).

Обозначение карего цвета глаз, по оценкам А.В. Ахренова, тяготеет в Мексике к выражению *ojos cafés* ‘цвета кофе’, в отличие от пиренейского стереотипа *ojos castaños* ‘цвета каштана’ [Ахренов 2006, 15].

В Мексике имеется огромное количество видов выпечки и сладостей, что также отражено в фразеологическом постижении действительности: выражении оценок, суждений, событий. Так, фразеологизм *estar a dos fuegos, como la jiricaya* ‘(находиться) между двумя огнями, как хирикайя’ означает «находиться в трудной ситуации» и ассоциативно связан с фактом, что знаменитая мексиканская сладость *jiricaya / jericaya* «хирикайя» из молока, яиц и корицы, как раз готовится между углями.

Коколь (*cocol*) – это булочка в виде ромба, а фразеологизм *quedar del cocol* означает «остаться ни с чем».

Чимисклан (*chimisclán*) – также выпечка, но качеством ниже, чем коколь. На этом знании и основана следующая идиома, предписывающая не задаваться и не гордиться достигнутым:

Ya no te acuerdas cocol cuando eras chimisclán ‘Ты уже не помнишь, коколь, о том времени, когда ты был лишь чимисклан?’

Названия овощей, фруктов и блюд национальной кухни относятся к тому пласту лексики, который универсально включается в процессы жаргонизации значений. Ограничимся двумя примерами эвфемизированных инвектив. Ритмическое и вокалическое созвучие трехсложных существительных с ударением на втором слоге *guayaaba* «гуайява» (фрукт) и *tostada* «тостада, поджаренная тортилья» с емкой мексиканской инвективой *chingada* сделало возможным замещение исходной инвективы *hijo de la chingada* на *hijo de la guayaba/hijo de la tostada*.

Однако в мексиканской фразеологии запечатлены не только названия идущих в пищу овощей, фруктов, продуктов и названия блюд национальной кухни. Символика, восходящая к общим особенностям национальной кухни, также отражена в мексиканской фразеологической модели мира. Как уже было сказано, особенностью повседневной мексиканской кулинарии является измельчение (размалывание) ингредиентов. Именно аллюзию с этим фактом обнаруживают три следующих фразеологизма [Pérez Martínez 1994, 118] с идентичной синтаксической структурой и коммуникативной интенцией: призывом прощать ошибки и промахи. Вариативным лексическим компонентом в этих паремиях является название ингредиента, который оказывается не измельченным:

A la mejor cocinera, se le va un tomate entero;

A la mejor cocinera se le va un garbanzo entero;

A la mejor cocinera, se le va una papa entera ‘Даже самая лучшая повара пропускает целый помидор /целую горошину/ целую картофелину’; ср. русск. «И на старуху бывает проруха».

Наконец, примечательны паремиологические обобщения о возможности судить о характере человека и о его достатке по поведению во время еды и по отношению к пище (примеры из [Pérez Martínez 1994, 123]):

En el modo de cortar el queso, se conoce el que es tendero ‘По тому, как человек режет сыр, видно, кто хозяин магазина’.

En el modo de partir el pan, se conoce el que es tragón ‘По тому, как человек режет хлеб, сразу догадаешься, кто обжора’.

En el modo de partir el pan, se conoce el que es hambriento ‘По тому, как человек режет хлеб, видно, кто голодает’.

En el modo de agarrar el taco, se conoce al que es tragón ‘По тому, как человек берет тако, сразу узнаешь, кто обжора’.

Морализующая и назидательная роль мотива еды также прослеживается в мексиканской паремиологии. Вот, например, наставление желающему стать настоящим чарро, в структуре с зачином *El que* 'Тот, кто' – универсального ресурса паремий-назиданий [Pérez Martínez 1995, 215]:

El que quiera ser buen charro, poco plato y menos jarro 'Тот, кто хочет стать хорошим чарро, должен мало есть, и еще меньше выпивать'. Чарро (*charro*) – дословно «всадник» – один из устойчивых фольклорных образов мексиканского мужчины, умелого, стойкого и выносливого наездника. Содержание паремии «Тот, кто хочет стать хорошим чарро, должен мало есть, и еще меньше выпивать» предписывает воспитывать в себе стойкость.

Как показывает анализ языкового материала, гастрономическая лексика в мексиканском национальном варианте языка отличается богатством и разнообразием единиц, а также многообразием их словообразовательных и семантических производных. Фразеологизмы с мотивом еды обладают отточенностью словесной формы и широким диапазоном смыслов и коннотаций. В рассмотренном материале было много пословиц. Несмотря на справедливое утверждение В.И. Карасика о том, что «пословица как жанр словесного творчества свойственна прежде всего крестьянскому сословию и поэтому в современной культуре отражает ценностные установки не всего населения» [Карасик 2004, 26], нельзя недооценивать роль паремий и фразеологических выражений с мотивом еды в реконструкции языковой личности мексиканца и латиноамериканца. О значимости фольклорной гастрономической составляющей в ЯКМ мексиканцев в межкультурном аспекте свидетельствует, в частности, триумф романа современной мексиканской писательницы Лауры Эскивель [Esquivel 1989], в название которого – *Como agua para chocolate* – вынесен фразеологизм с гастрономическим компонентом.

Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что имена *maíz* 'маис', *chile* 'перец-чиле', *chocolate* 'шоколад', *mole* 'моле', *frijoles* 'фасоль', *aguacate* 'авокадо' обладают наибольшим количеством дериватов (видовых названий, словообразовательных и семантических производных) в лексике мексиканского национального варианта испанского языка и наибольшим количеством ассоциаций и символов в ЯКМ мексиканцев. Думается, что наличие в этом ряду названий растительной пищи вполне закономерно в свете общего контекста художественного своеобразия латиноамериканского мира, где, как убедительно показано А.Ф. Кофманом, символизация мотива еды происходит прежде всего при упоминании растительной пищи, что «метафорически соотносится

с сакральным корневым пространством» [Кофман 1997, 199-200]. Исходя из принятого рабочего определения концепта, что он – это «как бы сгусток культуры в сознании человека; тó, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2004, 43], можно признать, что в сфере лексико-семантического поля «пища» мексиканского национального варианта испанского языка имена *maíz* ‘маис’, *chile* ‘перец-чили’, *chocolate* ‘шоколад’, *mole* ‘моле’, *frijoles* ‘фасоль’, *aguacate* ‘авокадо’ являются ведущими и связанными между собой концептами языковой картины мира мексиканцев.

2.5. Выводы

Выбор для интегрального описания лексики таких подсистем, как индихенизмы, термины родства, лексико-семантические поля «смерть» и «пища» позволяет реконструировать по данным языка важнейшие составляющие бытия человека: отношения полов и поколений, жизненный цикл, окружающий мир и мир повседневности.

Как показывает анализ субстратного влияния автохтонного языкового материала на лексику мексиканского национального варианта испанского языка, индихенизмы являются изосемичной проекцией на лексический состав мексиканского национального варианта испанского языка идеи сопричастности к индейскому компоненту в национальной культуре, ею же обусловленными, и играют важную роль в категоризации мексиканцами реального мира и чувственно-эмоциональной сферы. Через предметное содержание многих индихенизмов и присущие им культурные коннотации мексиканцы интерпретируют понятия и воспринимают мир. Развитие индихенизмами, именуемыми объекты ближайшего повседневного окружения и реалий мира природы, словообразовательных, семантических и символических дериватов и их функционирование в дискурсе свидетельствует о значимости индейского компонента в ЯКМ мексиканцев. Индейский компонент в фразеологической модели мира мексиканцев охватывает как ассоциативную сферу на уровне прецедентных феноменов, так и имеет эксплицитное выражение в виде фразеологизмов с компонентом-индихенизмом.

Когнитивный и дискурсивный анализ лексем *padre, madre*, демонстрирует сложную систему ассоциаций и символов, сопровождающих словообразование и семантическую деривацию соответствующих лексем.

Реконструкция и интерпретация концепта «смерть» в культуре Мексики и мексиканском национальном варианте испанского языка пока-

зывает амбивалентное восприятие жизни и смерти, окрашенное карнавальными красками и глубоким философским осмыслением. Индейские корни, преемственность, карнавал, неизбежная данность бытия и неразрывная связь с концептом «жизнь» представляются главными составляющими концепта «смерть» в менталитете и языковой картине мира мексиканцев.

Анализ через призму мексиканской культуры лексико-семантического поля «пища» удостоверяет значимость гипотетически обозначенных устойчивых кодов менталитета и языковой картины мира мексиканцев для понимания процессов словообразовательной и семантической деривации единиц данного поля, действия в нем тропеических механизмов языка и идиоматизации. Имена *maíz* 'маис', *chile* 'перец-чили', *chocolate* 'шоколад', *mole* 'моле', *frijoles* 'фасоль', *aguacate* 'авокадо' являются ведущими и связанными между собой концептами языковой картины мира мексиканцев.

Проведенный интегральный анализ лексики мексиканского национального варианта испанского языка и культуры страны через призму языковой картины мира и менталитета мексиканцев удостоверяет, что лексический состав мексиканского национального варианта испанского языка представляет самобытный синтез общеиспанских, панамериканских, зональных и национальных единиц. Национальный менталитет, особенности национального мировидения и языковой картины мира мексиканцев, а также естественное развитие языка как средства коммуникации обуславливают как органичную ассимиляцию, так и национально-специфичную эволюцию общеиспанских языковых средств, а также своеобразие престационарных процессов. Это находит воплощение в словообразовании, семантической деривации, тропеических механизмах языка и идиоматизации, достоверно выявляемых в дискурсах различных типов. Значимость индейского компонента в словесном отражении и концептуализации окружающего мира и синтетический характер культуры Мексики представляются важнейшими кодами, организующими семиотику рассмотренного в данной главе языкового материала, который образует релевантный фрагмент языковой картины мира мексиканцев.

Глава III

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЕКСИКАНЦЕВ

3.1. Мексиканская антропонимика и языковая картина мира мексиканцев

3.1.1. Семиотика мексиканского антропонимикона

В ономастике универсально разграничиваются реалионимы (имена существовавших или существующих объектов) и мифонимы (имена вымышленных объектов) [ЛЭС 1990, 347]. Антропонимикон – совокупность бытующих в этносе обозначений лиц именами собственными. Испанские имена личные существуют в общелитературных и диалектных, а также официальных и неофициальных (гипокористических, диминутивных) формах. В настоящее время отечественная испанистика выявляет многообразие ракурсов рассмотрения ономастической проблематики [Рылов 1997; 2006; Фирсова 2000; Чичина 1995; Соловьева 1998; Виноградов 2003, 43-46; Оболенская 2007; Чеснокова 2008; Моисеенко 2009].

Антропонимикон мексиканцев мы рассматриваем в рамках их языковой картины мира как особого семиотического кода культуры Мексики, что позволяет вывести важнейшие модели восприятия и отражения мексиканцами пространства и времени через универсальные системные свойства имени собственного и модели образования на их основе мотивировки именовании и эстетических кодов.

Синтетический характер культуры Мексики, индейский компонент менталитета и изосемичной ему языковой картины мира мексиканцев, значимость исторических и патриотических ценностей обуславливают как развитие лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка в целом [Чеснокова 2006а], так и семиотику мексиканского антропонимикона как ее органичной части.

Как и в других странах испанского языка, в Мексике юридическая идентификация по имени собственному осуществляется по наиболее распространенной формуле из четырех компонентов: двух имен и двух фамилий (первая отцовская фамилия: *apellido paterno* и первая материнская фамилия: *apellido materno*), в чем отражается равноправие

родителей в передаче детям фамилии. Так, фамилии мексиканского гражданина *Enrique Ernesto Arriola Woog* (благодарим г-на Энрике Арриола за разрешение использовать его личные данные в этом разделе) соединяют первую фамилию отца (*Arriola Adame*) и первую фамилию матери (*Woog Sauza*). Фамилии неиспанского происхождения фонетически адаптируются в соответствии с национальными произносительными нормами: *Woog* в полном идентификационном варианте фамилии *Arriola Woog* произносится как [uog].

Характерный пример испанской фонетической адаптации дает вторая фамилия авторитетнейшего мексиканского лингвиста Хуана Мигеля Лопе Бланча (*J.M. Lope Blanch*): *Blanch*. Фамилия *Blanch* имеет каталонское происхождение, но в Мексике произносится не с аутентичным каталонским конечным [k] (Бланк), а с конечным [ch]: Бланч.

Выходя замуж, мексиканка оставляет собственные фамилии, или после предлога родительного падежа *de* добавляет к своей первой фамилии (первой отцовской фамилии) первую фамилию мужа. Известная фигура истории Мексики, жена адвоката и коррехидора Керетаро Хосе Мигеля Домингеса – Хосефа Ортис де Домингес вошла в историю именно в данной модели возможной ономастической юридической идентификации женщины в Мексике: *Josefa Ortiz de Domínguez*.

Большинство личных имен, которые носят современные мексиканцы, – это личные имена общеиспанского католического именника, что свидетельствует о доминантной роли общеиспанской традиции наречения именем. В плане проявления индейского компонента в менталитете мексиканцев примечательно, что новорожденным в Мексике нередко дают индейские имена. Наречение именем неразрывно связано с культурой языковой общности. Помимо веяний моды, семейных традиций и других субъективных факторов, наречение именем реализует общепринятые ценности и символы культуры, ею же обусловленные. По словам М.М. Бахтина, имя собственное «по сущности своей глубоко положительно, это – сама положительность, само утверждение (назвать – утвердить на веки вечные, закрепить в бытии навсегда, ему присуща тенденция к нестираемости, оно хочет быть врезанным как можно глубже, в возможно более твердый и прочный материал и т.п.), в нем нет ни грана отрицания, уничтожения, оговорки (особая сторона имени – это «я» в чужих устах, «я» для другого в положительном аспекте)» [Бахтин 2000, 255]. Подобные глубоко положительные (возвышенные и поэтические) коннотации прослеживаются и в мексиканских именах личных индейского происхождения, которые могут комбинироваться с традиционными испанскими именами:

José Tonatiuh (Tonatiuh – ацтекский бог Солнца),
Janic Teresa (janic – «маленький дождь», на пурепеча),
Hitzuri Victoria (hitzuri – «семя воды», на пурепеча),
Tonantzin Guadalupe (Tonantzin – «мать бога Солнца»),
Victoria Citlalli (Citlalli – «звезда» на науатль).

Одно из популярнейших в Мексике мужских имен индейского происхождения – это Куаутемок (*Cuauhtémoc*; «нисходящий орел»), которое ассоциируется у мексиканцев с личным мужеством и героизмом. Автор «Этимологического словаря имён собственных» Гутьерре Тибон указывает, что имя Куаутемок в Мексике обладает такой же символикой, как Лаутаро (*Lautaro*) – в Чили и Анакаона (*Anacaona*) – в Доминиканской Республике [Tibón 1986, 69]. Другими наиболее популярными мексиканскими именами индейского происхождения, по оценкам Гутьерре Тибона, считаются *Moctezuma* – имя девятого императора ацтеков, *Nezahualcoyotl* – имя ацтекского императора и поэта пятнадцатого века, *Tizoc* – имя седьмого императора ацтеков, *Tonatiuh* – «солнце» [Tibón 1986, 171, 230, 231].

3.1.2. Персоналии

Семиотика национального антропонимикона достоверно выявляется через персоналии – имена лиц, получивших известность в рамках определенной лингвокультуры. Формально являясь именами собственными, персоналии имеют в качестве плана содержания набор культурно значимых сведений, коннотаций и символов, ассоциирующихся у носителей языка с именами хорошо известных им лиц, что позволяет расценивать их как прецедентные феномены и важную составляющую лингвокультурологического пространства этноса.

Составленный нами краткий словарь мексиканских персоналий (в порядке хронологии дат рождения) может служить ориентиром в понимании истории и культуры Мексики. Транслитерация средствами русского языка осуществлена по принципу следования звуковому облику исходных имен.

Кетцалькоатль (*Quetzalcoatl*) – глава ацтекского пантеона, пернатый змей (serpiente emplumada), «бог-творец мира, создатель человека и культуры, владыка стихий, бог утренней звезды, близнецов, покровитель жречества и науки» [Большой Энциклопедический словарь. Мифология 1998, 286].

Карлос Фуэнтес отмечает, что в доколумбовой культуре Мексики Кетцалькоатль занимал такое же место, как Прометей или Улисс (Одис-

сей) в культуре Средиземноморья, а Моисей – в иудаизме и христианстве [Fuentes 1997, 150]. По преданию, Кетцалькоатль, умирая, обещал вернуться, и именно за него индейцы приняли испанского конкистадора, завоевателя Мексики Эрнана Кортеса. Майякский аналог Кетцалькоатля – Кукулькан (*Kukulcán*).

Нецауалкойотл (*Nezahualcoyotl*; 1402–1472) – государственный деятель, философ, поэт.

Монтесума (*Moctezuma (Montezuma) Xocoyotl* (II); 1480?–1520) – девятый император ацтеков. Монтесума расширил территорию ацтекского государства и возглавил союз индейских племен с центром в городе Теночтитлан (*Tenochtitlan*).

Приведем описание К. Керамом представшего перед Э. Кортесом Монтесумы: «Паланкин опустили на землю, и из него вышел высокий худощавый мужчина лет сорока. Цвет кожи у него был чуть светлее, чем у его соплеменников, лицо обрамляли гладкие, не очень длинные волосы и реденькая бородка. На нем был расшитый жемчугом и драгоценными камнями плащ, завязанный у шеи шнурами, на ногах – золотые сандалии; украшенные золотом ремни обхватывали щиколотки» [Керам 1963, 299–300].

Эрнан Кортес (*Hernán Cortés*; 1485–1547) – испанский конкистадор, завоеватель Мексики. В 1521 г. с невероятной жестокостью разрушил государство ацтеков и их столицу Теночтитлан.

Куаутемок (*Cuauhtémoc*; 1495–1525) – одиннадцатый (последний) император ацтеков. Куаутемок отказался открыть конкистадорам место хранения сокровищ и был подвергнут страшным пыткам, а затем казнен. По легенде, уже находясь на костре, Куаутемок стойчески воскликнул: «Не на ложе ли из роз я нахожусь?». Историческое полотно мексиканского художника Леандро Исагирре (1867–1941) «Муки Куаутемока» “*El tormento de Cuauhtémoc*” посвящено этому героическому сюжету.

А вот как образно рисует последние мгновения жизни Куаутемока мексиканский поэт Амадо Нерво (*Amado Nervo*, 1870–1919):

*Y otro espectro me dijo:- «En nuestros cielos
las águilas y yo fuimos gemelos:
¡Soy Cuauhtémoc! Luchando sin desmayo
caí... ¡porque Dios quiso que cayera!
Más caí como el águila altanera:
viendo el sol, y apedreada por el rayo.
«El español martirizó mi planta
sin lograr arrancar de mi garganta*

*ni un grito, y cuando el rey mi compañero
temblaba entre las llamas del brasero:
– ¿Estoy yo, por ventura, en un deleite?,
le dije, y continué sañudo y fiero,
mirando hervir mis pies en el aceite...»* [Poesías Patrióticas mexicanas
1998, 72-73].

Илл. 15. Леандро Исасигирре. «Муки Куаутемока»

Донья Марина (Малинче) – *Doña Marina (Malinal-Xóchitl; Malinali: Marina-la-Lengua; Marina la de Cortés; La Malinche)*, 1498(?)– 1527(?) – обращенная в христианство индейская переводчица, возможно, индейская принцесса. Говорившая, как минимум, на трех языках (науатль, майя и испанском), Малинче была переводчицей Эрнана Кортеса и повсюду сопровождала его. Сын Малинче и Эрнана Кортеса – Мартин – символизирует первого метиса Мексики.

Хуана Инес де ла Крус (*Sor Juana Inés de la Cruz; 1651–1695*) – поэтесса и драматург, блестящая представительница литературы барокко, еще при жизни названная современниками «десятой музой» (*La Décima Musa*).

Мигель Идальго-и-Костиля (*Miguel Hidalgo y Costilla*; 1753–1811) – священник, национальный герой Мексики, руководитель борьбы мексиканского народа за независимость в 1810–1811 гг.

Илл. 16. Хосе Клементе Ороско. Идальго (1936-1939)

Хосе Мария Морелос-и-Павон (*José María Morelos y Pavón*; 1765–1815) – священник, ученик и последователь Мигеля Идальго, один из руководителей борьбы за независимость, национальный герой Мексики.

Илл. 17. Хосе Мария Морелос-и-Павон

Хосе Хоакин Фернандес де Лисарди (*José Joaquín Fernández de Lizardi*; 1776–1827) – писатель, публицист. Роман «Жизнь и деяния Перикильо Сарньенто, описанные им самим в назидание своим детям» является первым латиноамериканским романом.

Агустин де Итурбиде (*Agustín de Iturbide*; 1783–1824) – государственный и военный деятель. В 1821 г. установил диктатуру, в 1822 г. провозгласил себя императором под именем Агустина I. В 1824 г. арестован и расстрелян.

Бенито Хуарес (*Benito Juárez*; 1806–1872) – государственный и политический деятель, национальный герой Мексики. Президент в 1861–1872 гг., организатор борьбы против англо-франко-испанской интервенции. Первый Президент Мексики индейского происхождения.

Илл. 18. Хорхе Гонсалес Камарена. Портрет Бенито Хуареса (1970)

Порфирио Диас Мори (*Porfirio Díaz Mory*; 1830–1915) – генерал, государственный, политический и военный деятель, установивший жесткую диктатуру. Президент в 1877–1880 гг. и 1884–1911 гг. Свергнут в 1911 г.

Хосе Гуадалупе Посада (*José Guadalupe Posada*; 1851–1913) – художник-график, основоположник мексиканской гравюры. В политическом рисунке и газетной карикатуре использовал жанр народного мексиканского искусства «калаверас».

Венустиано Карранса (*Venustiano Carranza*; 1859–1920) – один из руководителей либерального течения в Мексиканской революции 1910–1917 гг. Президент с 1 мая 1917 г. по 21 мая 1920, когда он был убит. С именем В. Каррансы связано провозглашение 5 февраля 1917 г. Конституции страны.

Амадо Нерво (*Amado Nervo*; 1870–1919) – поэт, крупнейший представитель мексиканского модернизма.

Франсиско Мадеро (*Francisco Madero*; 1873–1913) – государственный и политический деятель, сыгравший важную роль в подготовке Мексиканской революции 1910–1917 гг. Президент с 1911 по 1913 г.

Мариано Асуэла (*Mariano Azuela*; 1873–1952) – писатель, очевидец и участник Мексиканской революции 1910–1917 гг. (был военным врачом). Роман *Los de abajo* /«Те, кто внизу» (1915) заложил основы «романа мексиканской революции».

Эмилиано Сапата (*Emiliano Zapata*; 1879–1919) – национальный герой Мексики, один из вождей Мексиканской революции 1910–1917 гг.

Илл. 19. Диего Ривера. Эмилиано Сапата (1926–1928)

Франсиско (Панчо) Вилья (*Pancho Villa*; 1878–1923; настоящее имя Доротео Аранго – **Doroteo Arango**) – **крестьянский вождь периода Мексиканской революции 1910–1917 гг.**, национальный герой Мексики.

Антонио Касо (*Antonio Caso*; 1883–1946) – философ, дипломат.

Мартин Луис Гусман (*Martín Luis Guzmán*; 1887–1976) – писатель, журналист, публицист, участник Мексиканской революции 1910–1917 гг.

Рамон Лопес Веларде (*Ramon López Velarde*; 1888–1921) – выдающийся поэт-лирик.

Альфонсо Рейес (*Alfonso Reyes*; 1889–1959) – поэт, прозаик, критик, автор многочисленных трудов по истории мексиканской литературы.

Сильвестре Ревуэльтас Санчес (*Silvestre Revueltas Sánchez*, 1899–1940) – композитор, скрипач, дирижер.

Карлос Чавес (*Carlos Chávez*, 1899–1978) – композитор, дирижер, пианист и педагог.

Ласаро Карденас дель Рио (*Lázaro Cárdenas del Río*; 1875–1970) – Президент с 1 сентября 1940 по 30 ноября 1946 г. Национализировал нефтяную промышленность и железные дороги. Основал Национальный политехнический Институт (*Instituto Politécnico Nacional*).

Хосе Васконселос (*José Vasconcelos*; 1881–1959) – философ, историк, педагог и государственный деятель, один из создателей философии «ибериоамериканского», названный современниками «Апостолом расы», «Пророком континента», «американским Гегелем» (подробнее см.: [Петякшева 2000, 34]).

Хосе Клементе Ороско (*José Clemente Orozco*; 1883–1949) – один из основоположников мексиканской монументальной живописи, мастер фресковой живописи. Знаменитая серия фресок во Дворце Правительства в Гвадалахаре посвящена Мексиканской Революции.

Диего Ривера (*Diego Rivera*; 1886–1957) – один из основоположников и ярких представителей мексиканской монументальной живописи. Созданный им цикл настенной живописи на исторические темы украшает Национальный дворец в г. Мехико.

Хосе Давид Альфаро Сикейрос (*José David Alfaro Siqueiros*; 1896–1974) – один из основателей мексиканской монументальной живописи. Работы характеризуются насыщенностью красок, элементами фантазии, динамикой форм.

Руфино Тамайо (*Rufino Tamayo*; 1899–1991) – живописец и типограф, в работах которого прослеживается влияние европейского модернизма и местного искусства доколумбовой эпохи. Автор небольших по размеру картин с элементами кубизма, экспрессионизма и сюрреализма.

Агустин Лара (*Agustín Lara*; 1901–1970) – композитор и актер.

Фрида Кало (*Frida Kahlo*; 1907–1954) – художница, жена Диего Риверы. Черпала вдохновение в народном искусстве Латинской Америки, классике и модерне. Среди работ – знаменитые сюрреалистические автопортреты.

Агустин Яньес (*Agustín Yáñez*; 1904–1980) – прозаик, эссеист, общественный и политический деятель.

Марио Морено (*Mario Moreno*; 1911–1993) – популярный комический актер мексиканского кино, создатель образа Кантифласа.

Октавио Пас (*Octavio Paz*; 1914–1998) – поэт, писатель, дипломат, лауреат Нобелевской премии в области литературы 1990 г.

Мария Феликс (*María Félix*; 1914–2002) – киноактриса, создавшая тонкие психологические женские образы.

Хуан Мигель Лопе Бланч (*Juan Miguel Lope Blanch*; 1927–2002) – лингвист, специалист по фонетике, грамматике, лексикологии, диалектологии современного испанского языка; автор многочисленных работ по испанскому языку Мексики.

Карлос Фуэнтес (*Carlos Fuentes*; 1928–2012) – писатель, очеркист, киносценарист, драматург. Первый роман *La región más transparente* /«Край безоблачной ясности» (1958) охватывает историю Мексики от ацтеков до современности. Лауреат Премии Сервантеса 1987 г., Премии Принца Астурийского в области литературы 1994 г., Премии Латинидад (Premio de Latinidad) 1999 г. Роман *Los años con Laura Díaz* / «Годы с Лаурой Диас», (1999) через судьбу главной героини – Лауры Диас – прослеживает перипетии истории и культуры Мексики XX века.

3.1.3. Имена личные в тексте и дискурсе

Персоналии как таковые, а также возникшие на их основе символы и ассоциации образуют прецедентные феномены. Имя личное может концептуализироваться, т.е. начать функционировать как «метка», символ закрепившихся за ним ассоциаций внешности, манеры поведения, идеалов, приоритетов его носителя. Деонимизация имени личного как «перевод имени лица в концепт лица» получила название деперсонализация [Нерознак, Ханичев 2002, 181] и образует языковую универсалию, выявляемую в различных лингвокультурах. Примеры многочисленны:

Дон Кихот – символ благородства, бескорыстия и непрактичности;

Манилов – символ пустой мечтательности;

Робеспьер – символ преданности идеалам революции и благородства.

Концептуализация имени личного обуславливает его словообразовательную и семантическую деривацию, идиоматизацию, а также роль в дискурсе и трансонимизацию. Рассмотрим конкретные образцы из мексиканской лингвокультуры.

Производное от имени Богоматери Гуадалупе / *Guadalupe* существительное *guadalupanos* имеет значение «почитатели Девы Гуадалупской», «относящийся к культуре Девы Гуадалупской»:

El 12 de diciembre llegan antes que nadie a la Villa; fieles y devotos guadalupanos, ofrecen gustosos sus cantos a la patrona. [México desconocido, № 289, marzo 2001, 58] ‘12 декабря они (уличные продавцы газет) раньше всех прибывают на место; верные и преданные почитатели Девы Гуадалупской восхваляют свою покровительницу’.

Reporta SSPDF sin incidentes los festejos Guadalupanos [La Jornada, 12/12/12] ‘Секретариат Общественного Порядка Федерального Округа сообщает, что празднование Дня Девы Гуадалупской прошло без инцидентов’.

Фразеологизм *la venganza de Moctezuma* ‘месть Монтесумы’ означает желудочно-кишечное расстройство, от которого нередко страдают иностранцы, приезжающие в Мексику и отведавающие непривычную для них острую мексиканскую кухню.

Яркие примеры культурно значимых коннотаций дают преобразования общеиспанского фразеологизма *lo cortés no quita lo valiente* «учтивость не исключает храбрости» [ИРФС 1985, 183] под влиянием прецедентных имен *Cuauhtémoc* / Куаутемок (ацтекский герой, стоически принявший мученическую смерть на костре) и *Cortés* / Кортес (испанский конкистадор, завоеватель Мексики). Фразеологических трансформаций несколько.

В выражении *lo cortés no quita lo Cuauhtémoc* (дословно «учтивость не исключает Куаутемока») имя *Cuauhtémoc* становится символом храбрости и окказиональным синонимом прилагательного *valiente* «храбрый». Дальнейшая эволюция фразеологизма произошла под влиянием ассоциации прецедентного имени *Cuauhtémoc* с огнем, в свою очередь, – устойчивого символа эмоций и влечения (ср. фразеологизированное сравнение накала чувств и эмоций *como agua para chocolate* «как вода для шоколада», апеллирующее к реальному факту, что, по кулинарной технологии, вода для растворения шоколада должна быть кипящей). Фразеологизм *Lo cortés no quita lo Cuauhtémoc/ lo caliente*, при известной десакрализации важного и значимого для мексиканской

истории сюжета смерти Куаутемока на костре, означает «учитивость не исключает влечения», что иллюстрирует лингвокреативную деятельность и языковую личность «альбуреро» (*alburero*) – любителя языковой игры с эротизированным подтекстом. Показательна проверка данного фразеологизма на речевом опыте носителей других вариантов испанского языка. Так, информант из Колумбии (мужчина с высшим образованием, житель Боготы) следующим образом объяснил ассоциации, которые у него вызвало выражение *Lo cortés no quita lo Cuauhtémoc*:

Aquí utilizamos «lo cortés no quita lo valiente».....para el colombiano común sería un poco difícil entender la expresión; sin embargo, es posible que por asociación con la segunda parte se pueda concluir que Cuauhtémoc era valiente, pero no los demás atributos que se le asignen a este personaje ‘В Колумбии мы говорим *lo cortés no quita lo valiente*. Рядовому колумбийцу несколько трудно понять выражение *Lo cortés no quita lo Cuauhtémoc*. По ассоциации со второй частью выражения, скорее всего можно заключить, что Куаутемок был смелым. Других ассоциаций этот персонаж не вызывает».

Форма и содержание рассматриваемого фразеологизма настолько диффузны, что допускают и другие прочтения: констатацию непримиримости индейского и испанского начал, в частности, когда актуализированы оба прецедентных имени:

Lo Cortés no quita lo Cuauhtémoc ‘Кортес не уберет Куатемока’.

Примечателен следующий комментарий этого фразеологизма носителями языка: *no por comportarte como europeo dejas de ser un indio* ‘из-за того, что ты ведешь себя как европеец, ты не перестанешь быть индейцем’.

Происходящее от имени личного *Porfirio* (полная юридическая идентификация – *Porfirio Díaz Mory*) существительное *porfiriano* – это эпоха правления диктатора Порфирио Диаса:

La actual fisonomía que presenta Tlacotalpán proviene del porfiriano [México desconocido, №. 286, diciembre 2000, 12] ‘Нынешний облик Тлакотальпана зародился в эпоху Порфирио Диаса’.

Гравюра Хесуса Эскобедо, размещенная на обложке романа Мариано Асуэлы *Los de abajo* /«Те, кто внизу» [Azuela 1996], называется *Los campesinos explotados en el porfiriano* / «Крестьяне под гнетом режима Порфирио Диаса»

Словообразовательный дериват имени индейской переводчицы Малинче (*Malinche*) с суффиксом *-ismo* абстрактного значения качества (ср. *egoísmo*) и приверженности политической доктрине (ср. *comunismo*) – существительное *malinchismo* означает увлечение всем иностранным.

Это подтверждается словарной дефиницией слова *malinchismo* из “Словаря испанского языка Мексики”:

Tendencia de algunos mexicanos a preferir lo extranjero o al extranjero –en particular si es blanco, güero o germánico– sobre sus propios compatriotas, sus propios productos o sus propios valores y tradiciones [DEUM 1996, 581] ‘Склонность некоторых мексиканцев предпочитать все иностранное и иностранцев, в особенности, то, что связано с белой расой и с Европой, в ущерб своим соотечественникам, национальным товарам, ценностям и традициям’.

Словарь Рено Ришара подчеркивает такой оттенок значения слова *malinchismo*, как особое увлечение тем, что связано с США:

admiración exagerada hacia lo extranjero y muy especialmente lo norteamericano – que suele ir acompañada de desprecio por lo nacional [ДН 2000, 313] ‘увлечение иностранным и особенно североамериканским, сопровождающееся презрением к отечественному’.

Суффиксальный дериват с общеиспанским суффиксом *-ista*, служащим для словообразования имен деятеля по профессии (*periodista*) и приверженца политического течения (*comunista*) – *malinchista*, как и все существительные с суффиксом *-ista*, имеет категорию общего рода и обладает предикатно-характеризующим значением сторонника всего иностранного. Приведем примеры синтагм из DEUM:

ser malinchista,
economistas malinchistas,
actitud malinchista [DEUM 1996, 581].

Квалификацию *concientemente malinchista* «намеренно малинчистский» заслуживает, по оценкам информатов, уже рассмотренный фразеологизм *Lo Cortés no quita lo Cuauhtémoc* ‘Кортес не уберет Куате-мока’.

Вербализацию и адъективацию претерпело в мексиканском национальном варианте испанского языка имя личное *Cantiflas* – имя персонажа популярного комического артиста мексиканского кино Марио Морено (1911-1993). Личность Марио Морено и созданный им образ Кантифласа слились воедино в сознании мексиканцев. Показательна в этом смысле словарная статья из Словаря для школьников Trillas:

Moreno, Mario (Cantiflas). Actor cómico del cine mexicano, n. en el D.F. en 1911. Es conocido internacionalmente por su mote <...> [ДЕМТ 1996, 621] / ‘Морено, Марио (Кантифлас). Комический актер мексиканского кино. Родился в Федеральном Округе в 1911 г. Всемирно известен под своим прозвищем <...>’.

Кантифлас – значимое для менталитета и ЯКМ мексиканцев прецедентное имя. Вместе с другими прецедентными феноменами – символами национальной идентичности, Кантифлас упоминается в следующем отрывке из монолога главного героя романа Карлоса Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* / «Смерть Артемио Круса»:

<...> *imágenes con todas las justificaciones que yo les evité, imágenes teniendo que gritar como México no hay dos para sentirse vivos, imágenes teniendo que sentirse orgullosos de los sarapes y Cantiflas y la música de mariachi y el mole poblano para sentirse vivos, ah-jay, imágenes teniendo que confiar realmente en la manda, la peregrinación a los santuarios, la eficacia de la oración para mantenerse vivos,*<...> [Fuentes 1985, 86] ‘Только подумайте, от каких пошлостей жизни я вас избавил: вам пришлось бы кричать повсюду, что нет другой такой чудесной страны на свете, как Мексика, пришлось бы кичиться сарапе и Кантифласом, музыкой марьячей и «моле поблано», пришлось бы и впрямь верить в чудеса святых мест, исцеления и молитвы, чтобы быть счастливыми’ [Фуэнтес 2001, 188].

Использование прецедентного имени *Cantiflas* (нейтрализованного в тексте принимающей русскоязычной культуры) находим в эссе Лайры Эскивель *El libro de las emociones* / «Книга о чувствах»:

La herencia de Cantiflas se respira en los discursos de los políticos. Hablan sin hablar. Dicen sin decir. [Esquivel 2005, 107] ‘Политики словоно пустомели. Они говорят, ничего не сообщая по существу’ [Эскивель 2005, 111].

Кантифлас воплощает и символизирует персонажи, речь которых представляет обилие пустых слов и выражений, лишенных реального

смысла и логики, но, тем не менее, находящих отклик у собеседника. От ассоциативной основы данного прецедентного имени и происходят глагольный дериват *cantiflear* ‘заниматься пустой болтовней’, ‘лить из пустого в порожнее’ и качественное прилагательное *cantiflesco* ‘бесмысленный’, ‘пустой (о речи)’. Примеры из записи носителей языка:

No estés cantifleando ‘Не болтай чепухи’.

Los políticos se la pasan cantifleando ‘Политики занимаются только разговорами’.

Es una frase cantiflesca ‘Это просто бессмысленная фраза’.

Прецедентные имена активно вовлекаются в действие тропеических механизмов языка, сравнения и метафоры, в первую очередь.

«Десятая Муза» (*La Décima Musa*) в ЯКМ мексиканцев – это Сор Хуана Инес де ла Крус.

«Отец Родины» (*El Padre de la Patria*) – Мигель Идальго-и-Костилья. Другой национальный герой Мексики – Хосе Мария Морелос-и-Павон сам называл себя «Слуга Родины» (*Siervo de la Nación*).

«Семь мексиканских мудрецов» (*Siete Sabios de México*) – это поколение интеллектуалов 1915 г.:

Antonio Castro Leal /Антонио Кастро Леаль,

Manuel Gómez Morín /Мануэль Гомес Морин,

Alfonso Caso /Альфонсо Касо,

Vicente Lombardo Toledano/Висенте Ломбардо Толедано,

Jesús Moreno Baca /Хесус Морено Бака,

Teofilo Olea y Leyva /Теофило Олеа и Лейва,

Alberto Vázquez del Mercado /Альберто Васкес дель Меркадо.

Подобные устойчивые метафорические обозначения известных и значимых для культуры Мексики лиц передаются из поколения в поколение и выполняют воспитательную функцию, о чем свидетельствует, например, их включение в Словарь для школьников Trillas [DEMT 1996].

Сравнительная конструкция *viajar como María Félix* «путешествовать как Мария Феликс» подразумевает брать в дорогу неумеренное количество вещей (*llevar muchas maletas*).

В речевом поведении испаноговорящих основой метафорических переносов часто оказываются особенности телосложения. Вот пример подобного метафорического именованя знаменитого мексиканского композитора Агустина Лара:

La capilla de La Candelaria se localiza hacia el noreste, junto a la plazuela dedicada al “Flaco de Oro”, Agustín Lara, y a un costado del Parque Hidalgo [México desconocido, №. 286, diciembre 2000, 17] ‘Ча-

совня Канделарии расположена на северо-востоке, рядом с площадью имени «Золотого Худого» (дословный перевод), Агустина Лара, неподалеку от Парка имени Идальго’.

Дискурсивная актуализация прецедентных имен зачастую локально маркирована. К примеру, в современном городском жаргоне жителей Сан-Луис-Потоси глагол *carrancear* означает «гулять по проспекту имени Каррансы» (*pasear por la avenida Carranza*), при общемексиканском значении «воровать».

Очень интересное, на наш взгляд, дискурсивное использование универсальных прецедентных феноменов общечеловеческого достояния и их наполнения культуроспецифическими мексиканскими значениями, демонстрирует следующий текст из научно-популярного журнала «Неизвестная Мексика». Приведем этот небольшой текст целиком.

Las diez musas mexicanas.

Texto: Carlos Romero Giordano

Todos sabemos que son nueve las musas que nos legó la mitología griega, así como que cada una de ellas presidía una de las artes y las ciencias.

Debido a la época en la que le tocó vivir y a la indiscutible calidad de su obra literaria, Juana Inés Azbaje Ramírez de Cantillana, nacida el 12 de noviembre de 1651 y quien mejor se conoce como sor Juana Inés de la Cruz, es considerada como la décima musa.

Pero, ¿quiénes son para los mexicanos las otras nueve? Antes de llegar a este punto, es conveniente recordar los nombres y actividades de los personajes míticos.

Clio – HISTORIA

Euterpe – MÚSICA

Talia – COMEDIA

Melpómene – TRAGEDIA

Terpsícore – DANZA

Erato – ELEGÍA

Polimnia – POESÍA LÍRICA

Caliope – ELOCUCIÓN

Urania – ASTRONOMÍA

Pasemos a ver de qué manera se ha distribuido semejante trabajo entre personajes que han dejado una huella importante en la historia moderna de nuestro país.

Josefa Ortiz de Domínguez – HISTORIA

Consuelo Velázquez – MÚSICA

María Conesa – COMEDIA

Guadalupe Amor – TRAGEDIA

Amalia Hernández – DANZA

María Grever – ELEGÍA

Rosario Castellanos – POESÍA LÍRICA

Beatriz Paredes – ELOCUENCIA

María Félix – ASTRONOMÍA

Es probable que muchos de nuestros lectores no compartirán esta opinión, pero, como me lo contaron, se los cuento. [México desconocido, № 339 mayo 2005, 11].

‘Десять мексиканских муз.

Автор текста: Карлос Ромеро Джордано.

Всем известно, что в греческой мифологии было девять муз, каждая из которых отвечала за определенный вид искусства или науку.

В силу исторических факторов и благодаря неоспоримому качеству созданных ею произведений, Хуана Инес Асбахе Рамирес де Кантильяна, родившаяся 12 ноября 1651 г., более известная под именем Сор Хуана Инес де ла Крус, считается Десятой Музой.

Кто же тогда для мексиканцев остальные девять муз? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо вспомнить имена муз в греческой мифологии.

Клио – ИСТОРИЯ.

Эвтерпа – МУЗЫКА.

Талия – КОМЕДИЯ.

Мельпомена – ТРАГЕДИЯ.

Терпсихора – ТАНЕЦ.

Эрато – ЭЛЕГИЯ.

Полигимния – ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ.

Каллиопа – КРАСНОРЕЧИЕ.

Урания – АСТРОНОМИЯ.

Посмотрим теперь, как обязанности муз оказались распределенными между фигурами, оставившими значительный след в современной истории Мексики.

Хосефа Ортис де Домингес – ИСТОРИЯ.

Консуэло Веласкес – МУЗЫКА.

Мария Конеса – КОМЕДИЯ.

Гуадалупе Амор – ТРАГЕДИЯ.

Амалия Эрнандес – ТАНЕЦ.

Мария Гревер – ЭЛЕГИЯ.

Росарио Кастельянос – ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ.

Беатрис Паредес – КРАСНОРЕЧИЕ.

Мария Феликс – АСТРОНОМИЯ.

Возможно, некоторые из наших читателей не согласятся с этим мнением, но как мне было рассказано, так рассказываю и я.

При очевидной языковой игре и отчасти субъективности точки зрения автора, текст представляет безусловный интерес выбором ассоциаций для атрибутики универсальных прецедентных явлений (имён греческих муз) к мексиканской культуре. Прокомментируем мотивы выбора.

Хосефа Ортис де Домингес, жена коррехидора Керетаро Хосе Мигеля Домингеса (она известна мексиканцам также под именем *La Corregidora* «Коррехидора»), вместе с мужем принимала самое активное и непосредственное участие в подпольной деятельности борцов за независимость Мексики. Когда долго готовившийся заговор был раскрыт, донья Хосефа успела предупредить Мигеля Идалго и его соратников. Таким образом отважная женщина спасла патриотов от рук испанцев. Эти сюжеты мотивировали представление доньи Хосефы Ортис де Домингес как «музы ИСТОРИИ».

Консуэло Веласкес – автор немногих, но получивших всемирную известность музыкальных произведений, в первую очередь, *Bésame tucho* «Целуй меня крепко».

Мария Конеса – знаменитая мексиканская комедийная актриса.

Гуадалупе Амор – поэтесса, прославившаяся скандальным и экстравагантным поведением в быту.

Амалия Эрнандес – основательница Мексиканского Фольклорного Балета (*Ballet Folklórico de México*).

Мария Гревер – композитор.

Росарио Кастельянос – не только известная писательница, но и замечательная поэтесса, создательница тонкой лирики.

Беатрис Паредес – современный успешный мексиканский политик, славящаяся красноречием и ораторским даром.

Мария Феликс – знаменитая мексиканская актриса, истинная звезда мексиканского кино и одна из известнейших мексиканских женщин, что и мотивировало ее игровое метафорическое представление как «музы АСТРОНОМИИ».

Регулярным механизмом развития категорий имени собственного под воздействием национальной языковой картины мира может рассцениваться *трансонимизация* – «переходы онимов из одного класса в другой» [ЛЭС 1990, 347]. В частности, глобальную топонимическую закономерность представляет переход имен личных в географические названия (топонимы). Ограничимся двумя примерами однокомпонентных топонимов-индихенизмов:

гидроним *Moctezuma* (Монтесума) – название реки в штате Идальго;

Cuauhtémoc (Куаутемок) – название муниципального центра в штате Чиуауа и название района в Федеральном Округе.

Рассмотрение мексиканского антропонимикона позволяет утверждать, что его семиотика находится под воздействием таких важнейших экстралингвистических факторов, как синкретизм культуры страны, индейский компонент, значимость исторического наследия и ценностей национально-освободительного движения. Персоналии и концептуализация антропонимов образуют прецедентные феномены, что обуславливает их словообразовательный потенциал, семантическую деривацию, идиоматизацию, трансонимизацию и роль в дискурсе.

3.2. Топонимия Мексики: лингвокультурологический анализ

3.2.1. Семиотика мексиканской топонимии

Илл. 21. Карта Мексики

Географические названия (топонимы) занимают особое место в лексической системе любого языка, а топонимика как наука имеет синтетический характер. Специалисты подчеркивают связь топонимии с исторической географией [Мурзаев 1974, 11], картографией [Поспелов 1971, 8]. Безусловную важность имеет собственно лингвистический аспект изучения географических названий [Суперанская 1985, 6; Горбаневский 1987, 10]. Всестороннее изучение географических названий обеспечивает взаимосвязь лингвистического, географического и исторического аспектов [Беленькая 1969; Поспелов 1971; Мурзаев 1974].

Латиноамериканская топонимия представляет разнообразный материал и для традиционных топонимических исследований, и для исследований новых, к которым относится реконструкция и интерпретация языковой картины мира, т.е. закрепленных в языковых знаках особенностях мировосприятия социума.

Отечественная латиноамериканистика располагает на сегодняшний день фундаментальными справочными изданиями по топонимике [Литвин 1983; Словарь географических названий стран Латинской Америки 1975]. Ценные сведения о латиноамериканской топонимике содержатся в издании: [Поспелов, 2007].

Развитие современного филологического знания по пути антропоцентризма намечает новые ракурсы рассмотрения латиноамериканской топонимии. Это, в частности, установление роли географических названий в формировании языковой и пространственной картин мира носителей различных вариантов единого в структурном отношении испанского языка; см.: [Чеснокова, 2006, 2011, 2012; Сударь, 2007].

По Ю.М. Лотману, «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее значение в создании картины мира той или иной культуры. Природа этого явления связана с самой спецификой пространства. Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума» [Лотман 1996, 205]. Эти мысли Ю.М. Лотмана плодотворны для подхода к топонимикам как к особым знаковым системам внутри культуры, с собственными закономерностями семантики, синтактики и прагматики – тремя базовыми семиотическими измерениями знака.

Один из принципов достоверности исследований топонимов заключается в изучении их как системы (систем). «Одинокое географическое имя, даже совершенно прозрачное в отношении и морфологии, и семантики, не дает достаточной топонимической информации, которая появляется при его исследовании в ряду подобных» [Мурзаев 1974, 323].

Современный латиноамериканский топонимический корпус в целом сложился под влиянием объективных факторов природно-географической среды, социокультурного развития и уникальности контактов языков и культур в конкретных регионах.

Латиноамериканские географические названия соотносятся с различными периодами истории соответствующих стран, выявляют многообразие мотивирующих признаков, отождествляющих образов, грамматических особенностей и эстетических ресурсов, что позволяет реконструировать семантические модели восприятия пространства и модели номинации топообъектов в диахронном аспекте, установить динамику

контактов языков и культур. По Ю.М. Лотману, топонимика относится к «памятным знакам», а вся интеллектуальная история человечества может рассматриваться как борьба за память [Лотман 2010: 59-61].

Топонимия Мексики является органичной частью лексического состава мексиканского национального варианта испанского языка. Мексиканские топонимы отражают регулярные модели номинации географических объектов, свойственные разным эпохам в истории страны. Это позволяет говорить о реконструкции семиотических моделей восприятия пространства и о типовых моделях номинации топообъектов мексиканцами в диахронном аспекте. Географические названия Мексики также содержат ценные сведения о контактах языков и культур.

Приведем симптоматичный, на наш взгляд, пример из текста туристического буклета о городе Морелия (столица штата Миочакан), который показывает, что историческая перспектива мексиканских географических названий продолжает жизнь в современном дискурсе и составляет органичную часть языкового отражения менталитета мексиканцев и присущих ему ценностей:

Morelia.

La capital del estado de Michoacán se fundó el 18 de mayo de 1541 por orden del Virrey Don Antonio de Mendoza. Tres de sus principales nombres, representan las más importantes etapas del País: Guyangareo en tiempos prehispánicos, Valladolid durante la colonia y Morelia en honor del generalísimo de América Don José María Morelos!

‘Морелия.

Илл. 22. Столица штата Мичоакан – Морелия

Столица штата Мичоакан была основана 18 мая 1541 г. по приказу Вицекороля Дона Антонио де Мендоса. Три важнейшие этапа истории страны воплощены в трех главных названиях города: Гуангарею – в доколумбову эпоху; Вальядолид – в колониальный период, и Морелия – в честь Дона Хосе Марии Морелоса’.

3.2.2. Топонимы-индихенизмы

Древнейший пласт мексиканских топонимов – это топонимы-индихенизмы. Географические названия индейского происхождения распространены в Мексике повсеместно и охватывают все традиционно выделяемые в топонимах типы, в первую очередь, ойконимы (названия населенных пунктов), с подразделением на астионимы (названия городов) и хорионимы (названия сельских поселений), гидронимы (названия водных объектов), оронимы (названия гор и возвышенностей).

Топонимы ацтекского происхождения (науатлизмы) представлены на территории Мексики к югу от штата Синалоа вдоль Тихоокеанского побережья и на Мексиканском нагорье. Много науатлизмов запечатлено в географических названиях штатов Веракрус и Табаско. Топонимы майянского происхождения сосредоточены в штатах Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо, а топонимы, происходящие из языка тарасков (пурепеча), – в штате Мичоакан.

Мексиканские топонимы-индихенизмы легко опознаются по топоформантам индейского происхождения. В приводимой ниже таблице обобщены значения [по данным: Литвин 1983, 227-236] наиболее регулярно представленных в географических названиях Мексики топоформантов индейского происхождения.

Топоформанты индейского происхождения передают обобщенные пространственные и количественные ориентиры: «место» /«земля»/ «территория», «рядом», «через», «наверху», «много» и т.п.

В то же время (что очень важно для реконструкции языковой картины мира мексиканцев в диахронном аспекте), топонимы-индихенизмы свидетельствуют о том, какие характеристики географических объектов привлекали внимание индейских предков современных мексиканцев и мотивировали их именованья. Анализ языкового материала показывает, что в мексиканских топонимах-индихенизмах упоминаются, прежде всего, следующие объекты и характеристики.

Таблица 2. Топоформанты индейского происхождения
в топонимии Мексики

Топоформант	Язык происхождения	Значение	Пример
-áhuac -náhuac	науатль	рядом	<i>Jalpatlahuac</i> «рядом с зыбучими песками»
-ара/-аран	науатль	около воды	<i>Huajuapán</i> «река около акаций»
-с/-со /-го	науатль	внутри	<i>Huatusco</i> «место среди белок»
-са /-сан	науатль	место	<i>Michoacán</i> «поселение рыбаков»
-cingo/ -tzin/ -tzingo	науатль	уменьшительность	<i>Chilpancingo</i> «маленький Чилпанго»
-исрас	науатль	сверху, наверху	<i>Jalticpac</i> «на песках»
-налсо	науатль	на другой стороне	<i>Analco</i> «по другую сторону от воды»
-пан/-па	науатль	рядом	<i>Jalapa</i> «рядом с песками»
-ил /ел	майя	большое количество	<i>Bochil</i> «место, где живут хорьки»
-суаро	пурепеча	место	<i>Pátzcuaro</i> «место, где всё становится черным»
-уато /-уато	пурепеча	возвышенность	<i>Guanajuato</i> «возвышенное место»

Объекты флоры и фауны (в том числе, онимизированные): *Ocotlán* (город в штате Халиско) – «место, где растут сосны» (*ocotil* – «сосна» на науатль). Упоминание оленя (*mazátl* на науатль) фигурирует, к примеру, в названии города Mazatlán в штате Сонора и города *Mazatepec* в штате Морелос.

Особенности ландшафта и восприятие природы. Так, ойконим *Apizaco* (город Аписако в штате Тласкала) отразил признак местного водного объекта – «мелкая вода». Историческая область на территории

современного штата Мехико, где находилось шесть озер, именовалась Anáhuac «вокруг озёр».

Особенности почвы. Песок как характерная особенность почвы отражен в топонимах с топоосновой *xalli* («песок» на науатль). Это, например,

- столица штата Веракрус *Jalapa*,
- города в штате Оахака *Jalatlaco* и *Jalapa del Marqués*,
- муниципальный центр в штате Керетаро *Jalpan*,
- муниципальный центр в штате Табаско *Jalpa de Méndez*.

Особенности климата. Один из островов на озере Пацкуаро в штате Мичоакан называется *Janitzio*. На языке тарасков (пурепеча) это означает «место, где идет дождь».

Ареал проживания народа. Гидроним *Yaqui*, именующий реку в штате Чиуауа, происходит от названия племени индейцев яки; астионим *Purépero*, именующий город в штате Мичоакан, – от самоназвания тарасков. Астионим (название муниципального центра) в штате Веракрус, одноименные названия рек в штатах Веракрус и Пуэбла именуются *Nautla* «территория науа». Напомним, что этнотопонимы обычно фиксируют окраину этнического ареала, где представлено смешанное население.

Мифопоэтическое осознание действительности и языковое творчество древних индейских народов Мексики отражено в сохранившихся до наших дней топонимах-метафорах. Метафору при этом мы понимаем в расширительном смысле, по отношению «к любым видам употребления слов в непрямом значении» [ЛЭС 1990, 296]. Примеров топонимов-метафор огромное множество. Так, гидроним *Cupatitzio* (река в штате Мичоакан – «поющая река» на пурепеча) – результат поэтического олицетворения шума воды.

Название холма *Tereyas* – «отрог», «оконечность холма», где, по преданию, индейцу Хуану Диего явилась Богоматерь Гуадалупе, представляет антропоморфную метафору «нос холма» – архетипический способ уподобления окружающего мира, в частности, форм рельефа, телу человека – одну из панхронических лексико-семантических универсалий [Мечковская 2004, 310].

Антропоморфной метафорой является и название вулкана *Xixtle* – «пупок». Как отмечает Э.М. Мурзаев, названия частей тела человека и животного активно участвуют в образовании географических названий преимущественно геоморфологической (орографической) и гидрографической семантики, что подтверждено топонимическим материалом разных языков и составляет глобальную топонимическую закономерность [Мурзаев 1974, 126-135].

Реалистическая основа и мифопоэтическое творчество на основе этимологии топонимов тесно взаимосвязаны. Яркий пример дают названия известных мексиканских вершин в Поперечной Вулканической Сьерре Попокатепетль (*Popocatepetl*; 5452 м) и *Iztaccíhuatl* (5286 м) в штате Пуэбла – «дымящаяся гора» и «белая женщина», соответственно. Вулканы Попокатепетль и Истаксиуатль традиционно символизируют красоту мексиканской природы и являются неиссякаемым источником вдохновения для живописцев. О том, как красота и величие извергающегося Попокатепетля поразили испанского капитана Диего де Ордаса, рассказывает в «Подлинной истории завоевания Новой Испании» знаменитый хронист 16 века Берналь Диас дель Кастильо [Хроники открытия Америки 2000, 266-267]. Автор также пишет:

«И когда Диего де Ордас возвратился в Кастилию, он попросил у Его Величества, чтобы этот вулкан изобразили в его гербе, каковым и может похвалиться ныне его племянник, живущий в Пуэбле» [Хроники открытия Америки 2000, 267].

Этимология названий *Popocatepetl* – «дымящаяся гора» и *Iztaccíhuatl* «белая женщина» имеет вполне реалистическую основу. Попокатепетль – действующий вулкан. Известны его частые извержения в XVI и XVII вв. и последующая вулканическая активность (последний раз вулкан извергался в 1947 г.). Поэтому название «дымящаяся гора» можно отнести не к метафоре, а к вполне реалистичному описанию.

Илл. 23. Попокатепетль

Название *Iztaccihuatl* состоит из компонентов *Íztac* «белый» и *cihuatl* «женщина». Л. Кабрера отмечает, что очертания заснеженной вершины этого вулкана напоминают спящую женщину, укрытую белой простыней [Cabrega 2002, 84], что проясняет механизм метафоризации компонентов «белый» и «женщина» в данном названии. Отметим, что белый цвет снега вершины горы относится к универсальному мотивирующему признаку именованной вершин, покрытых ледниками, что подтверждают, например, названия Монблан «белая гора» в Альпах и Белуха на Алтае.

Мифопоэтическая персонификация вулканов Попокатепетль и Истаксиуатль породила немало легенд. Их суть в общих чертах такова.

Истаксиуатль, дочь правителя Тласкалы, полюбила воина по имени Попокатепетль. Чтобы испытать избранника дочери, правитель Тласкалы отправил его на войну с ацтеками, пообещав, что отдаст ему дочь в жёны в том случае, если тот вернется с победой. Один коварный завистник солгал девушке, сказав, что её любимый пал на поле брани. Истаксиуатль умерла от горя как раз в тот день, когда Попокатепетль вернулся с победой. Безутешный герой отнес бездыханное тело возлюбленной в горы и положил его на вершину, которая вмиг приняла очертания прекрасной спящей девушки. Подарив возлюбленной прощальный поцелуй, юноша схватил факел и навсегда преклонил колени на вершине другой, стоящей напротив, горы, чтобы охранять вечный сон Истаксиуатль. Снег запылил тела девушки и юноши, которые, соединившись в вечности, стали вулканами. Так и стоят друг против друга вулканы Попокатепетль «дымящаяся гора» и Истаксиуатль «белая женщина». Когда же безутешный Попокатепетль вспоминает грустную историю своей любви, его сердце, в котором не утих огонь неутоленной страсти, содрогается, а его факел начинает дымиться...

Вулканы Попокатепетль и Истаксиуатль приобретают культурно-символическое значение в структуре художественного текста. В следующем примере из романа Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» примечательно использование эстетических аллюзий, восходящих к мифопоэтической символике вулканов Попокатепетль и Истаксиуатль в языковом сознании мексиканцев:

La mañana azul y límpida recortaba y acercaba las líneas de los volcanes: la pareja de la mujer dormida y su guardián solitario [Fuentes 1985, 47] 'В прозрачной утренней голубизне еще четче вырисовывались, еще теснее прижимались друг к другу два вулкана: спящая женщина и ее одинокий страж' [Фуэнтес 2001, 156].

А в фрагменте из романа Лауэры Эскивель «Закон любви» извержению Попокатепетля приписывается мистическое и судьбоносное значение:

<...> *Cuquita, hábilmente, ya había cambiado de tema y estaba entreteniendo a sus oyentes con toda una teoría sobre por qué el Popocatepetl había “gomitado”.*<...> *Si el Popocatepetl se activaba se podría desatar una reacción en cadena entre todos los volcanes que estaban conectados internamente con él y provocar una catástrofe mundial que no sólo afectaría a los habitantes de la Tierra, sino a todos los del sistema solar* [Esquivel 2004, 232-233] ‘Кукита ловко сменила тему и развлекала слушателей целой теорией причин, почему Попокатепетль «вырвало»... Если Попокатепетль начнет извергаться, то это вызовет цепную реакцию в вулканах, связанных с ним внутренней связью, что отразится не только на жителях Земли, но и на всей Солнечной Системе’.

В следующем контексте из внутреннего монолога семнадцатилетнего юноши вулканы Попокатепетль и Истаксиуатль выступают как эталоны красоты его возлюбленной:

Qué hermosa, Dios mío, qué hermosa. El que ella no lo creyera sólo la hacía más deseable. Tonta, tontita, linda tontita, si eres lo más bello que he visto, Iztaccíhuatl, Popocatepetl, Pico de Orizaba, Nevado de Toluca <...> [Poniatowska 2001, 73] ‘Как она прекрасна, Господи, да как же она прекрасна. Сомнения Луизы только делали ее еще более желанной. Глупенькая, какая же ты глупенькая... Да ты самое прекрасное, что я когда-либо видел: Истаксиуатль, Попокатепетль, Пик Орисаба, Невадо де Толука <...>’.

Усеченные варианты оронимов Попокатепетль и Истаксиуатль: *Popo*, *Itza*, представлены в разговорной речи мексиканцев и как элемент национальной принадлежности – в структуре художественного текста:

El Popo y la Itza regían su destino [Poniatowska 2001, 194] ‘Попокатепетль и Истаксиуатль управляли его судьбой’.

Илл. 24. Панорама г. Мехико

Этимология индейских топонимов Мексики часто оказывается весьма неоднозначной и допускает целый ряд версий и интерпретаций мотивирующих признаков, положенных в основу номинации. В качестве иллюстрации обратимся к этимологии названия страны – México.

Индийское происхождение топонима *México* в названии страны, одноименного компонента в полном названии столицы (*ciudad de México*) и в названии штата (*Estado de México*) не вызывает сомнений у лексикографов и этимологов. Однако версии мотивирующих признаков весьма различны и их количество, по оценкам Л. Кабреры, превышает двадцать гипотез [Cabrera 2002, 92]. Часто рассматриваемая версия происхождения топонима *México* связывает его внутреннюю форму с именем ацтекского бога войны Мехитли (*Mexitli*), или Уитцилопочтли, что позволяет интерпретировать значение топонима как «территория бога Мехитли» [Santamaría 1992, 721; Cabrera 2002, 92; Поспелов 1998, 268]. Согласно Ф. Сантамария, топоним может происходить и от ацтекского слова *mizquitl* – названия акаций, в большом количестве произраставших на территории, куда пришли ацтеки; в дальнейшем слово было упрощено в произношении до *míxicas* [Santamaría 1992, 721]. Автор «Реляции об индейцах, населяющих Новую Испанию, согласно их рассказам» (особо подчеркнем, что хронисты уделяли пристальное внимание рассказам индейцев о себе самих) пишет, что топоним Мехико означает «земля мексиканцев (мешиков)»:

Este nombre tiene hasta hoy esta ciudad de México, a cual en cuanto fue poblada de los mexicanos se llamó México, que quiere decir “Lugar de los mexicanos” [Origen de los mexicanos, 56] ‘Это название носит до сих пор город Мехико, который, при заселении мексиканцами, назывался «Мехико», что означает «территория мексиканцев»’.

Распространены также календарно-астрономические версии этимологии: «место в центре луны», от *metztli* – «Луна» или «богиня Луны», *xictli* – «центр», и *-co* – формант со значением «место» [<http://www.e-local.gob.mx/work/templates/enciclo/mexico>], либо «пуп(ок) луны» – этимология с антропоморфным образом, которую упоминает в эссе *El Espejo Enterrado* / «Потаенное зеркало» Карлос Фуэнтес [Fuentes 1997, 142].

Несмотря на противоречивость толкования этимологии топонимов индейского происхождения, примечателен сам факт наличия и сохранения в топонимии Мексики значительного пласта индихенизмов, что свидетельствует об устойчивости индейского компонента в языковом постижении пространства и о стабильности адаптации индихенизмов в топонимической лексике страны.

3.2.3. Структурные типы топонимов-индихенизмов

Ассимиляция индейского компонента в топонимии страны позволяет говорить о следующих основных структурных типах топонимов.

Однокомпонентный топоним-индихенизм (*Ocotlán*).

Христианский религиозный компонент + топоним-индихенизм. В основном – это астионимы:

Asunción Ixtaltepec (муниципальный центр в штате Оахака);

San Andrés Tuxtla (штат Веракрус);

San Martín Texmelucan (Пуэбла);

Santo Domingo Tehuantepec (Оахака);

Santa Ana Chiautempan (Тласкала);

San Juan Chamula (муниципальный центр муниципалитета *Chamula* в штате Чьяпас).

Препозитивное присоединение христианского религиозного компонента к топонимам-индихенизмам появляется с началом испанского завоевания Мексики. Данный тип географических названий служит красноречивым свидетельством отражения синкретизма культуры Мексики в развитии топонимических ресурсов лексической системы и становления национально-специфических моделей номинации топообъектов.

Индихенизм + общеиспанский географический термин (*Amatenango del Valle* «Аматенанго в долине»).

Общеиспанский географический термин + индихенизм (*Pico de Tacítaro* «Пик Таситаро»).

Индихенизм + предлог *de* + общеиспанское существительное: *Iztapan de la Sal*, *Ixtapan del Oro* (Штат Мехико), *Quetzalan del Progreso* (муниципальный центр в штате Пуэбла).

Общеиспанское существительное + предлог *de* + индихенизм. Данный структурный тип тяготеет к образованию метафор. Например, туристический центр в штате Наярит носит название *Rincón de Guayabitos* «Уголок Гуайяв». А значимый для истории Мексики хорионим штата Герреро *Abrazo de Acatepan* «Объятие Акатемпана» – метафорическое обозначение встречи 10 марта 1821 г. в этом селении Висенте Герреро и Агустина Итурбиде, на котором было принято решение об объединении их сил, скрепленное объятием.

Индихенизм + предлог *de* + имя собственное (*Ocotlán de Morelos*). Помимо однокомпонентного мемориального антропотопонима Морелос (название штата Морелос и одноименный гидроним в штате Тамаулипас, увековечившие фамилию (первый компонент фамилии) национального героя Мексики Хосе Марии Морелоса-и-Павона) и одноком-

понентного топонима-индихенизма *Ocotlán* (астионим в штате Халиско), в штате Халиско находится город *Ocotlán de Morelos*, знаменитый месторождениями золота, серебра и меди. Генитивная конструкция «индихенизм + предлог *de* + имя собственное» очень характерна для топонимии Мексики и может расцениваться как отражение развития топонимических ресурсов лексической системы по аналитическому пути. Для реконструкции и понимания культурно-мировоззренческих факторов, стоящих за появлением данного типа топонимов и его ассимиляции, требуются историко-культурологические данные для каждого, отдельно взятого топонима. Историко-культурологический комментарий антропонимических компонентов в названиях штатов и в названиях столиц штатов представлен в работах: [Поспелова, Чеснокова 2005-2006; Чеснокова, Стародубцева 2010]. Здесь же подробно остановимся лишь на одном сюжете.

Culiacán de Rosales. Расположенная на правом берегу реки Кулиакан, столица штата Синалоа полностью именуется *Culiacán de Rosales*. Науатлизм *Culiacán* имеет этимологию «место, где сходятся воды» [DEMT 1996, 467]. Основавший город 29 сентября 1531 г. испанец Бельтран Нуньо де Гусман дал ему название *San Miguel de Culiacán*. Как уже было отмечено, препозитивное присоединение христианского религиозного компонента к местным индейским топонимам было типично для топонимической деятельности испанцев. Изменение топонима произошло в 19 веке, когда к исконному топониму-индихенизму был присоединен мемориальный постпозитивный генитивный компонент *de Rosales*, увековечивший фамилию героя борьбы против французской интервенции Антонио Росалеса (для сравнения укажем, что в Мексике есть и однокомпонентный мемориальный антропотоним *Rosales* – название города в штате Чиуауа).

3.2.4. Эстетический ресурс топонимов-индихенизмов

Этимология топонимов-индихенизмов оказывается важным конституирующим элементом и эстетическим ресурсом письменных текстов, от американских хроник до современных текстов научно-познавательного характера. Выдающееся произведение 16 века – «Реляция об индейцах, населяющих Новую Испанию, согласно их рассказам» – с первых же страниц изобилует упоминанием индейской этимологии географических названий, которые слышали испанцы, что образует неотъемлемую черту стиля хроник:

En esta tierra están dos provincias: la una llamada Aztlan, que quiere decir “Lugar de garzas”; y la otra se dice Teuculhuacan, que quiere decir “tierra de los que tienen abuelos divinos” <...> [Origen de los mexicanos, 36] “Здесь расположены две провинции: одна называется Астлан, что значит «место обитания цапель», а другая – Теукулуакан, что означает «земля тех, кто имеет божественных предков».

A la ciudad principal pusieron Xuchimilco, que quiere decir “Lugar de las sementeras de flores”, por ser derivados de este nombre los que las poblaron [Origen de los mexicanos, 39] ‘Главный город получил название Сучимилко, что значит «Место плавучих садов», откуда и происходит название их обитателей’.

От внимательного взора хрониста «Реляции об индейцах, населяющих Новую Испанию, согласно их рассказам» не ускользают особенности морфологии индейских топонимов:

partícula yan, que denota lugar [Origen de los mexicanos, 37], ‘частица yan, означающая «место»’;

partícula co, que denota lugar [Origen de los mexicanos, 39] ‘частица co, означающая «место»’,

а также мотивирующие признаки (часто – метафорические), положенные в основу именованной местности:

<...> a la cabecera de su provincia llamaron Azcaputzalco, que quiere decir “Hormiguero”, por mucha gente que tenía [Origen de los mexicanos, 39] ‘Столицу своей провинции они назвали Аскапутцалко, что означает «Муравейник», из-за огромного скопления народа’.

В современном научно-популярном дискурсе цитирование индейской этимологии топонимов, будучи логически избыточным и линейно расширяющим текст, имеет несомненную эстетическую значимость. Регулярно наблюдаются следующие типовые модели.

Топоним + конструкция с глаголом *significar* + этимология:

La ciudad de Taxco se edificó sobre plata y a las faldas del cerro de Atachi, que significa “Señor de las Aguas” [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 8] ‘Город Таско вырос на серебре у подножия холма Атачи, что означает «Властелин Вод»’

Yumká en lengua Maya Chontal significa “duende que cuida de plantas y los animales entre humedales y selva” [Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas», 22] ‘Юмка на языке майя чонталь означает «дух, охраняющий растения и животных среди болот и лесов»’;

La interpretación más acertada acerca del origen del nombre de la ciudad es la que afirma que proviene del vocablo purépecha uruapani, que significa “el florecer y fructificar de una planta al mismo tiempo”,

por lo que se considera que Uruapan significa “lugar donde todo florece” o “lugar donde los árboles tienen siempre frutos” [México desconocido, agosto 2005, № 342, 64] ‘Самая распространенная версия происхождения названия города устанавливает связь со словом uguarani, что на пурепеча означает «вести и плодоносить одновременно», т.е. название Uruapan значит «земля, где все цветет», или «земля, где деревья всегда плодоносят»’.

Топоним + конструкция с существительным significado:

A pocos km de Tepoztlán bien vale la pena de visitar Amatlán, que fuera habitado desde épocas remotas. El significado de su nombre proviene del vocablo amatl – amate – y tlan- lugar-. [México desconocido, № 339 mayo 2005, 24] ‘В нескольких километрах от Тепосталана следует посетить древний Амаatlan. Значение названия происходит от слов amatl / «амате» и tlan- /«место»’.

Этимология может образовывать приложение к топониму – объяснительное приложение, по О.К. Васильевой-Шведе и Г.В. Степанову [Васильева-Шведе, Степанов 1981, 190]. Графически этимология в приложении оформляется скобками и кавычками:

Según la leyenda, años antes de la Conquista llegó a Huatulco (“donde se adora el madero”), un hombre blanco y barbado que colocó una cruz de madera en la playa, invitando a los zapotecos a adorarla. [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 20] ‘По легенде, задолго до конкисты в Уатулко («там, где поклоняются дереву») пришел белый бородатый человек и установил на берегу деревянный крест, призывая сапотексов поклоняться ему»’;

или помещается в кавычки и отделяется от определяемого топонима запятой:

Tapachula es el centro comercial y económico de la región, nació como una pequeña aldea a orillas del Coatlán, “el río de la serpiente”, poblado por habitantes de una lengua del tronco mixe-zoque. [México desconocido. № 309, Noviembre 2002, 60] ‘Тапачула – это торгово-экономический центр, возникший на берегах реки Коатан, «река змеи», которую населяли индейцы языковой семьи мише-соке.

Толкование этимологии может предшествовать топониму:

Sin duda alguna, usted conocerá la reserva de la Biosfera pantanos de Centra, la Casa del Agua “Uyotot-Ja”, y los beneficios tanto económicos como ecológicos que proporcionan los pantanos. [Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas», 51] ‘Вы обязательно познакомитесь с природным заповедником «Водяной дом» / “Uyotot-Ja” и с хозяйственной и экологической значимостью водохранилищ»’.

Расшифровка индейской этимологии также может начинать текст, непосредственно следуя за топонимом в заголовке:

COMALCALCO

“Lugar de la casa del comal”. Es uno de los sitios maya más relevantes de Tabasco. [Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas», 43] ‘КОМАЛЬКАЛЬКО

«Место дома комаля». Это одна из самых ярких достопримечательностей культуры майя в Табаско’.

3.2.5. Топонимы-индихенизмы в топонимическом корпусе Мексики

Каково же место топонимов индейского происхождения в топонимии Мексики? Для ответа на этот вопрос целесообразно рассмотрение отдельной микросистемы топонимов. Обратимся к названиям районов (*delegaciones*) Федерального Округа.

Илл. 25. Районы Федерального Округа [DEMT 1996, 472]

Из шестнадцати названий районов Федерального Округа десять являются индихенизмами: *Cuauhtémoc*, *Benito Juárez*, *Villa Álvaro Obregón*, *Azcapotzalco*, *Coyoacán*, *Cuajimalpa*, *Gustavo A. Madero*, *Iztacalco*, *Iztapalapa*, *Magdalena Contreras*, *Miguel Hidalgo*, *Milpa Alta*, *Tláhuac*, *Tlalpán*, *Venustiano Carranza*, *Xochimilco*.

Cuauhtémoc – «нисходящий орел», имя ацтекского героя, который предпочел мучительную смерть предательству интересов своего народа;

Azcapotzalco – «муравейник», метафорическое обозначение района по обилию народа (см. выше пример из хроники 16 века);

Coyoacán – «место, окруженное койотами»;

Guajimalpa – «на высоте»;

Iztacalco – «на белых (соляных) домах»;

Iztapalapa – «на реке с белыми камнями»;

Milpa Alta – «верхнее кукурузное поле»;

Tláhuac (исконное название *Cuítláhuac*) – «сухие экскременты»;

Tlalpán – «место земли»;

Xochimilco – «плавучие сады» (в 1987 г. район Сочимилко был объявлен ЮНЕСКО культурным достоянием человечества).

Согласно этимологии, названия-индихенизмы районов Федерального Округа отражают широкую палитру признаков, положенных в основу именованья, и наделены культуроспецифическими значениями и символами.

Симптоматичен также удельный вес индихенизмов в названиях крупных административных единиц Мексики – штатов и их столиц – своего рода топонимической визитной карточке страны.

Илл. 26. Административно-территориальное деление Мексики

Илл. 27. Административно-территориальное деление Мексики
[DEMT 1996, 544]

Исследование этимологии и анализ морфологической структуры названий штатов и их столиц [Поспелова, Чеснокова 2005-2006, Чеснокова, Стародубцева 2010] показывает, что восемнадцать из тридцати одного названия штатов и восемнадцать из тридцати одного названия столиц штатов имеют индейское происхождение, что также можно рассценивать как свидетельство устойчивости индейского компонента в понимании страны .

Таблица 3. Индейский компонент в названиях штатов и их столиц

Штат	Столица штата
Aguascalientes	Aguascalientes
Baja California	Mexicali
Baja California Sur	La Paz
Campeche	Campeche
Coahuila de Zaragoza	Saltillo
Colima	Colima
Chiapas	Tuxtla Gutiérrez
Chihuahua	Chihuahua
Durango	Durango
Estado de México	Toluca de Lerdo
Guanajuato	Guanajuato
Guerrero	Chilpancingo de los Bravo
Hidalgo	Pachuca de Soto

Штат	Столица штата
Jalisco	Guadalajara
Michoacán de Ocampo	Morelia
Morelos	Cuernavaca
Nayarit	Tepic
Nuevo León	Monterrey
Oaxaca	Oaxaca
Puebla	Puebla
Querétaro de Arteaga	Santiago de Querétaro
Quintana Roo	Chetumal
San Luis Potosí	San Luis Potosí
Sinaloa	Culiacán de Rosales
Sonora	Hermosillo
Tabasco	Villahermosa
Tamaulipas	Cd. Victoria
Tlaxcala	Tlaxcala
Veracruz – Llave	Jalapa
Yucatán	Mérida
Zacatecas	Zacatecas

3.2.6. Модели номинации топообъектов Мексики испанцами

Большинство из мексиканских топонимов, появившихся в эпоху завоевания Мексики испанцами, имеет христианское происхождение. По оценкам И.П. Литвин, христианская символика прослеживается во всей топонимии Латинской Америки [Литвин 1983, 9]. Яркий пример истории мексиканского однокомпонентного топонима христианского происхождения дает название штата Веракрус: Эрнан Кортес высадился в Мексике в неделю Воздвижения Креста Господня, в память о чём первый основанный им город получил название Веракрус – «Истинный Крест» [Поспелов 1998, 93]. Топонимы христианской тематики в изобилии представлены на современной географической карте Мексики:

Espíritu Santo «Святой Дух» – название острова в Нижней Калифорнии и название бухты в штате Кинтана Роо;

Todos los Santos «Все Святые» – остров в Нижней Калифорнии;

La Cruz «Крест» – муниципальный центр в штате Синалоа;

Navidad «Рождество» – бухта между штатами Халиско и Колимой;

San Pedro y San Pablo «Святой Петр и Святой Павел» – гидроним (название реки) в штате Табаско;

La Ascensión «Вознесение» – бухта в штате Кинтана-Роо.

Многочисленны оронимы:

Tres Vírgenes («Три Марии», 2054 м; штат нижняя Калифорния),

Santa Ana («Святая Анна», 3053 м, штат Идальго),

San Andrés («Святой Андрей», 3589 м; штат Мичоакан),

San Nicolás («Святой Николай», 3062 м, штат Тласкала).

Многие топонимы, данные в период конкисты и дошедшие до наших дней, дублируют географические названия Испании, что составляет универсальную модель колониальной топонимии. На карте Мексики запечатлены многочисленные дублиеты испанских астионимов, например:

Mérida (столица штата Юкатан),

Zamora (город в штате Мичоакан),

Altamira (город в штате Тамаулипас),

Jerez (город в штате Сакатекас),

Salamanca (сельскохозяйственный центр в штате Гуанахуато),

Valladolid (муниципальный центр в штате Юкатан и бывшее название города Морелия).

Универсальным ресурсом колониальной топонимики в целом является препозитивный компонент значения «новый», присоединяемый к топониму, обладающему особой ценностью и значимостью для переселенцев: *Nouvelle Orleans* «Новый Орлеан» – название города в США по родовому уделу Орлеан французского короля Людовика XV;

Нью-Джерси – название штата в США, присвоенное в память об острове Джерси в проливе Ла-Манш [Поспелов 1998, 300; 303].

На современной географической карте Мексики яркий пример сохранившегося топонима данной модели дает название штата *Nuevo León*. Большинство же топонимов данной модели (*Nueva Galicia* «Новая Галисия», *Nueva Vizcaya* «Новая Вискайя», *Nuevo Santander* «Новый Сантандер») претерпели переименование после обретения Мексикой независимости в 1810 г., что относится и к названию страны, измененному в 1810 г. с данного еще Эрнаном Кортесом названия Новая Испания (*Nueva España*) на современное (и исконное) название-индихенизм *México*.

Многие топонимы на базе общеиспанской апеллятивной лексики отражают объективную или воспринимаемую метафорически характеристику окружающей среды:

астионим *Fresnillo* «Ясень» в штате Сакатекас,

река *Fuerte* «Бурная» в штате Синалоа;

Laguna de Términos «Озеро Предела» (штат Кампече) – представление о границе.

Показательны в этом смысле географические названия с существительным *agua* «вода» – универсальной понятийной основой древнейшего пласта топонимов, в первую очередь, гидронимов [см., напр., Сударь 2004, 9]. Обратимся к полному перечню топонимов с компонентом *agua* 'вода', упоминаемых школьным словарем *Diccionario escolar mexicano Trillas: 3 diccionarios en uno*:

Agua Brava 'шумная вода' – озеро в штате Сонора;

Agua Hedionda 'смрадная вода – бальнеологический центр в городе Куаутла;

Agua Prieta 'черная вода' – город в штате Сонора;

Agualeguas 'далекая вода' – сельскохозяйственный центр в штате Нуэво Леон;

Aguanaval 'морская вода' – река в штате Сакатекас;

Agua Calientes 'горячие воды' – название штата и одноименных столицы штата и реки [DEMT 1996, 405-406].

Как видно из приведенных примеров, структурно топонимы с компонентом *agua* соответствуют модели словосочетания (*agua brava*, *agua hedionda*, *agua prieta*) или словосложения на базе мотивировавшего их словосочетания (*agualeguas*, *aguanaval*, *aguascalientes*) – результата эволюции словосочетания в топоним-комполит.

Механизм эволюции топонима-комполита иллюстрируют и, например, название столицы штата Табаско *Villahermosa*, также появившееся в период конкисты и морфологически тоже соответствующее модели словосложения, а не мотивировавшего его словосочетания *villa hermosa* 'красивый город', название сельскохозяйственного центра в штате Гуанахуато *Salvatierra* (от *salva tierra* «спаси землю»), название штата Веракрус (*Veracruz*: от *Vera Cruz*). Приведем пример из письма Эрнана Кортеса, где запечатлена первоначальная форма этого топонима в виде словосочетания:

Ocho o diez días después de haber dado con los navíos a la costa, y siendo ya salido de la Vera Cruz hasta la ciudad de Cempoal, que está a cuatro leguas de ella, para de allí seguir mi camino <...> [Цит. по: *Antología literaria de autores mexicanos 1994, 58*].

3.2.7. Мемориальные топонимы: структура и прагматика

В первой четверти XIX в. Мексика завоевала государственную самостоятельность. Патриотизм и ценности национально-освободительного

движения исключительно значимы для менталитета и языковой картины мира мексиканцев. Языковым (топонимическим) свидетельством этому и являются многочисленные антропотопонимы.

Возвращаясь к названиям районов Федерального Округа как к топонимической модели, отметим очевидную значимость для этой топонимической микросистемы антропонимического механизма именования (пять названий из шестнадцати). Антропотопонимами являются следующие названия районов Федерального Округа: *Benito Juárez* – топонимизированные имя и фамилия национального героя Мексики, первого Президента индейского происхождения; *Villa Álvaro Obregón* – постпозитивные к географическому термину *villa* ‘поселок’ имя и фамилия видного мексиканского военного и политика; *Gustavo A. Madero* – в честь героя мексиканской революции, брата Франсиско Мадеро; *Miguel Hidalgo* – национальный герой Мексики, руководитель борьбы мексиканского народа за независимость в 1810–1811 гг.; *Venustiano Carranza* – выдающийся мексиканский революционный лидер.

Топонимия Мексики изобилует мемориальными антропотопонимами, что в лингвистическом смысле служит отражением действия механизмов трансонимизации – перехода онимов (имен собственных) из одного класса в другой [ЛЭС 1990, 347]. Так, названия *Morelos* (штат и озеро в штате Тамаулипас), *Morelia* (столица штата Мичоакан), *Tepatitlán de Morelos* (муниципальный центр в штате Халиско), *Puerto Morelos* (порт в штате Кинтана-Роо), – топонимические свидетельства памяти о национальном герое Мексики Хосе Марии Морелосе-и-Павоне.

Топонимы *Hidalgo* (штат и название муниципального центра в штате Нуэво Леон), *Hidalgo del Parral* (муниципальный центр в Чиуауа) увековечили фамилию другого национального героя страны – Мигеля Идальго-и-Костилья.

Протагонисты антропотопонимов – это, прежде всего, герои национально-освободительного и революционного движения Мексики, видные политики. Из компонентов имени собственного, обычных для общеспанской традиции юридической идентификации, т.е. четырех ономастических компонентов (двух имен и двух фамилий), в мексиканские антропотопонимы регулярно переходят:

первая фамилия протагониста: *Morelos, Hidalgo, Guerrero* – в названиях штатов;

имя и первая фамилия: *Miguel Hidalgo* – в названии района Федерального Округа, *Vicente Guerrero* – в названии муниципального центра в штате Дуранго; *Miguel Alemán* – название созданного в 1995 г. на

реке Тонто водохранилища в штате Оахака – в честь Мигеля Алемана Вальдеса (Miguel Alemán Valdés; 1903-1986), политического деятеля Мексики, Президента в 1946-1952 гг.;

две фамилии (без имён): *Gómez Farías* – в названии муниципального центра в штате Тамаулипас, увековечившего память о мексиканском политике Валентине Гомесе Фариасе (Valentín Gómez Farías; 1781-1858) – Президенте страны в 1833-1834 гг.

Следует признать, что деривационные процессы в образовании антропотопонимов (типа *Morelia* от *Morelos*) окказиональны и скорее исключение из правил. Языковые вкусы, удобство произношения и отношение в национальном масштабе к протагонистам антропотопонимов обуславливают переход в топонимы именно того или иного компонента из его полного юридического имени. «Еретическая», по оценке самого автора, мысль Ю.С. Степанова о том, что «собственное имя индивида является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида» [Степанов 1985, 234], на наш взгляд, очень полезна для понимания процессов образования мексиканских антропотопонимов. Ведь топонимизация того или иного компонента имени собственного протагониста свидетельствует о его достаточности и прагматической значимости для идентификации «другим индивидом». «Другим индивидом» оказывается в данном случае мексиканское государство, мексиканцы как языковая личность, с их культурно-мировоззренческими ценностями, языковыми вкусами и привычками.

Антропонимический компонент в мемориальных топонимах регулярно представлен в следующих **структурных типах**.

Антропотопоним как топонимизированное имя собственное:

Morelos, Vicente Guerrero.

Индихенизм + имя собственное:

Tlacoachahuaua de Morelos, Tepehuacán de Guerrero, Putla de Guerrero.

Испанский географический термин + имя собственное:

Ciudad Lázaro Cárdenas, Ciudad Miguel Alemán, Ciudad Obregón, Puerto Morelos.

3.2.8. Устойчивые метафоры как основа развития топонимической лексики в дискурсе

Широко известные топонимы, а также культурная, историческая и хозяйственная значимость обозначаемых ими объектов мотивировали

в языковом сознании мексиканцев их устойчивые перифрастические обозначения. Для подобных устойчивых (перифрастических) номинаций типична генитивная структура: «**существительное + предлог de+ существительное**»:

Pacificado Jalisco, el desarrollo de la capital ha sido notable en todos sentidos, llegando a ser llamada “La perla de Occidente” [DEMT 1996, 494] ‘После обретения Халиско стабильности, столица штата бурно развивается, что и позволило ей называться «Жемчужина Запада»;

Luego de Santa Rosa Jáuregui y de pasar por delante de varios parques industriales queretanos, cruzamos rumbo a la llamada “Puerta del Noroeste”, por la vialidad hacia San Luis Potosí [México desconocido, enero 2005, №335, 59] ‘Посетив Санта Росу Хауреги и оставив позади индустриальные пейзажи Керетаро, мы держим путь к так называемым «Воротам Северо-Запада», т.е. в Сан Луис Потоси».

В следующих же примерах примечательны металингвистические комментарии известности метафорических обозначений городов Кальвильо, Фреснильо и Вильяэрмоса, соответственно:

¿Sabe de dónde viene la guayaba que acaba de comprar? Lo más probable es que de Calvillo, una pequeña ciudad del estado de Aguascalientes mejor conocida como “La capital mundial de la guayaba” [México desconocido, № 297, noviembre 2001, 62] ‘Знаете ли вы, откуда только что купленная вами гуайява? Скорее всего, из Кальвильо, небольшого городка в штате Агуаскальентес, более известного как «Мировая столица гуайявы»;

Conocida como La Ciudad del Sol, hacemos partícipes a nuestros lectores de un recorrido por una de las entidades más importantes de Sonora [México desconocido, № 339, mayo 2005, 62] ‘Приглашаем наших читателей к увлекательному путешествию по одному из важнейших городов штата Сонора, известному как Город Солнца»;

Bienvenido a esta maravillosa ciudad, mejor conocida como Esmeralda del Sureste, donde lo invitamos a conocer y disfrutar de los sitios más importantes de este lugar [Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas», 11] ‘Добро пожаловать в этот прекрасный город, более известный как «Изумруд Юго-Востока», где мы приглашаем вас познакомиться и насладиться его самыми замечательными уголками». Для сравнения приведем еще один пример, где в ходе линейного развертывания текста актуализированы оба вида именований Вильяэрмосы: топоним и устойчивая метафора:

Villahermosa, La Esmeralda del Sureste, como hoy se le conoce a este lugar enigmático, donde se conjuga la vanguardia con la riqueza cultural que resguarda [Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas

turísticas», 9] ‘Вильяэрмоса, «Жемчужина Юго-Востока», как сегодня называют этот удивительный город, где сосуществуют передовая экономика и богатство культурных традиций’.

Беседы с информантами в штате Мичоакан показали, что стабильной реакцией и устойчивым перифрастическим обозначением города *Zamora* является *la ciudad de los chongos* ‘город чонго’ (chongo – местное блюдо типа сладких гренок). Город Уруапан (*Uruapan*) в представлении носителей языка – это *la ciudad de aguacate* ‘город авокадо’, поскольку город издавна специализируется на выращивании авокадо. Морелия (*Morelia*) – это *la ciudad de los ates* (город «ате»). *Ate* ‘ате’ – суффиксальный реликт (результат усечения по типу аферезы) диминутивных обозначений фруктов, типа *chabacano* > *chabacan-ate*, и собирательное название местных сладостей из фруктов, которыми славится столица Мичоакана. Этот факт отражен, в частности, в соответствующей словарной статье в словаре мексиканизмов Франсиско Сантамария: *Son famosos los ATES de Morelia, principalmente* [Santamaría 1992, 92] ‘Прежде всего, знамениты АТЕС Морелии’. Город Пуэбла, известный рецептурой моле, приобрел в сознании носителей языка устойчивое обозначение *la ciudad del mole* ‘город моле’.

3.2.9. Топонимическая деривация

Из деривационных процессов, в которых регулярно задействованы мексиканские топонимы, остановимся на аббревиации и словообразовании названий жителей.

Восприятие пространства мексиканцами, устойчивые стереотипы ориентации в пространстве и названия пространственных ориентиров предписывают указывать более мелкую административную единицу, а затем – более крупную (штат). Это явление широко наблюдается в устном бытийном дискурсе:

Nací en Córdoba, Veracruz, en 1959. Desde niña fui muy rebelde y también muy trabajadora. [Mujeres mexicanas del siglo XX, tomo 2, 239];

Decidimos mudarnos a León, Guanajuato, para tener una vida más estable [Mujeres mexicanas del siglo XX, tomo 2, 430],

и используется как средство стилизации устной речи:

En Xpujil, Campeche, inicié el camino que me llevaría al corazón de la selva. [México desconocido, junio 2004, № 328, p.68].

В письменной речи названия штатов после названий более мелких административных единиц фигурируют как в полной, так и в аббре-

виюванной форме. Два примера полной формы названия штатов из письменного дискурса.

Описательный дискурс:

A las afueras de Papantla, Veracruz, hay un sitio peculiar. [México desconocido, agosto 2005, № 342, 8].

Биографическая справка:

Nervo, Amado. n. en 1870 en Tepic, Nayarit <...>. [DEMT 1996, 624].

Более типичны для письменной речи аббревиированные названия штатов.

Таблица 4. Сокращенные названия штатов

Название штата	Аббревиатура названия штата
Aguascalientes	Ags.
Baja California	B.C.
Baja California Sur	B.C.S.
Campeche	Camp.
Coahuila de Zaragoza	Coah.
Colima	Col.
Chiapas	Chis.
Chihuahua	Chih.
Durango	Dgo.
Estado de México	Edo. de México
Guanajuato	Gto.
Guerrero	Gro.
Hidalgo	Hgo.
Jalisco	Jal.
Michoacán de Ocampo	Mich.
Morelos	Mor.
Nayarit	Nay.
Nuevo León	NL.
Oaxaca	Oax.
Puebla	Pue.
Querétaro de Arteaga	Qro.
Quintana Roo	Q.Roo.
San Luis Potosí	S.L.P.
Sinaloa	Sin.
Sonora	Son.
Tabasco	Tab.
Tamaulipas	Tamps.
Tlaxcala	Tlax.
Veracruz – Llave	Ver.
Yucatán	Yuc.
Zacatecas	Zac.

Аббревиация названия Федерального Округа – D.F. Аббревиированные названия штатов регулярно реализуются в письменной речи. Это отражает потребности современного информационного общества и закономерности развития лексической системы в эпоху оптимизации информационных потоков. Аббревиированные названия штатов представлены в текстах различных жанров.

Юридический адрес:

Centro Bancomext Taxco

Av. De los Plateros No.208, locales A y B

C.P. 40200, Taxco, Gro [Bancomext Trade Directory of Mexico 2003, 15];

Centro Bancomext Guadalajara

Bldv. Puerta de Hierro No.5090,5 Fracc. Puerta de Hierro,

C.P. 45110, Zapopan, Jal. [Bancomext Trade Directory of Mexico 2003, 18];

CHOCOLATERA DE JALISCO S.A. DE C.V.

Av. Mariano Otero No.1420 Col. Verde Valle C.P. 44510

Guadalajara, Jal. México.

Библиографическое описание:

Pérez Martínez, Herón. El hablar lapidario: ensayo de paremiología mexicana. – Zamora, Mich.: El Colegio de Michoacán, 1995.

Биографическая справка:

Acuña, Manuel. Poeta y escritor mexicano, n. en Saltillo, Coah., en 1849, cuya obra, variable y escasa, no lleva una línea determinada [DEMT 1996, 405].

Словарная статья о природной достопримечательности:

Tzaráracua. Nombre de una hermosa caída de agua al término de río Cupatitzio, en Uruapan, Mich. [DEMT 1996, 704].

Текст на билете междугородного автобуса компании *ETN (Enlaces Terrestres Nacionales)*:

Clase: primera de lujo.

Nombre: Olga Chesnokova.

Origen: Uruapan, Mich.

Destino: México Observatorio, D.F.

Hora: 11.15.

Fecha: 06 Ago 98 Jueves.

Terminal: Uruapan, Mich.

Importe: 230 \$.

Для названия Штата Мехико, помимо аббревиатуры *Edo. de México* функционирует гибрид *Edomex*:

Inauguran Tianguis del Arte 2012 en Edomex; se exhiben 130 obras [La Jornada, 08/12/2012].

Названия жителей (*gentilicios*) и одноименные прилагательные принадлежности к местности – еще одна репрезентативная сфера рассмотрения деривационных процессов, в которых регулярно участвуют мексиканские топонимы. Активность подобных образований подтверждается материалами текстов различных жанров. Вот пример из жанра светской хроники:

Con banderas de México y Argentina protagonizaron una divertida boda en la capital oaxaqueña [Caras, abril 2003, 42] / ‘Флаги Мексики и Аргентины сопровождали веселую свадьбу в столице **Оахаки**’ и два характерных фрагмента из научно-популярного текста:

Fresnillo ofrece al visitante un cúmulo de atractivos y sitios de interés para hacer de su visita una grata experiencia. Se encuentra a tan sólo 63 km de la capital zacatecana y su fundación, según fuentes históricas, se debe al español Diego Hernández de Proaño, quien descubrió en un cerro ricas vetas argentíferas próximas a un manantial cerca del que crecía un fresno. [México desconocido, junio 2004, № 328, 54]. В ходе линейного развертывания в тексте появляется прилагательное от названия города *Fresnillo* – *fresnillense* :

Otra sala está dedicada a Francisco Gotilla y en ella se muestran algunos cuadros y esculturas de tan famoso artista fresnillense <...> [México desconocido, junio 2004, № 328, 56].

Перевод на русский язык прилагательных принадлежности к городу в обоих случаях оказывается возможным только аналитическими средствами, через конструкции с топонимом в родительном падеже:

«Достопримечательности Фреснильо сделают приятным посещение этого города любым человеком. Город расположен в 63 километрах от столицы штата Сакатекас. Основателем города, согласно историческим свидетельствам, был испанец Диего Эрнандес де Проаньо, который открыл богатые залежи серебра неподалеку от источника, рядом с которым рос ясень»;

«Другой зал посвящен Франсиско Готилья. В нем выставлен ряд картин и скульптур выдающегося мастера из Фреснильо».

Морфонологическая структура испанского слова дает широкие возможности для образования названий жителей и одноименных прилагательных.

Названия штатов и их столиц представляют модельную топонимическую микросистему.

Таблица 5. Названия жителей штатов
и жителей столиц штатов

Штат	Название жителя штата	Столица штата	Название жителя столицы штата
Aguascalientes	aguascalentense, hidrocálido	Aguascalientes	aguascalentense, hidrocálido
Baja California	bajacaliforniano	Mexicali	mexicalense
Baja California Sur	sudcaliforniano	La Paz	paceño
Campeche	campechano	Campeche	campechano
Coahuila de Zaragoza	coahuilense	Saltillo	saltillense
Colima	colimense	Colima	colimense
Chiapas	chiapaneco	Tuxtla Gutiérrez	tuxtleño, tuxtleco
Chihuahua	chihuahuense	Chihuahua	chihuahuense
Durango	duranguense	Durango	duranguense
Estado de México	mexiquense	Toluca de Lerdo	toluqueño
Guanajuato	guanajuatense	Guanajuato	guanajuatense
Guerrero	guerreense	Chilpancingo de los Bravo	chilpancingueño
Hidalgo	hidalguense	Pachuca de Soto	pachuqueño
Jalisco	jalisciense	Guadalajara	guadalajareense, tapatío
Michoacán de Ocampo	michoacano	Morelia	moreliano
Morelos	morelense	Cuernavaca	cuernavaquense
Nayarit	nayarita	Tepic	tepiqueño
Nuevo León	neoleonés	Monterrey	regiomontano
Oaxaca	oaxaqueño	Oaxaca	oaxaqueño
Puebla	poblano	Puebla	poblano, angelopolitano
Querétaro de Arteaga	queretano	Querétaro	queretano
Quintana Roo	quintanarroense	Chetumal	chetumalense
San Luis Potosí	potosino	San Luis Potosí	potosino
Sinaloa	sinaloense	Culiacán de Rosales	culiacanense
Sonora	sonorense	Hermosillo	hermosillense
Tabasco	tabasqueño	Villahermosa	villahermosino
Tamaulipas	tamaulipeco	Cd. Victoria	victoreense
Tlaxcala	tlaxcalteca	Tlaxcala	tlaxcalteca
Veracruz – Llave	veracruzano	Jalapa	jalapeño
Yucatán	yucateco	Mérida	meridano
Zacatecas	zacatecano	Zacatecas	zacatecano

Таблица показывает, что суффиксальное словообразование названий жителей штатов и столиц осуществлено, в основном, посредством суффиксов *-ano*, *-ense*, *-ino*, *-eño*, *-eco*. Суффиксы *-ano*, *-ense*, *-ino*, *-eño*, *-ero*, *-és* – универсальные общеиспанские суффиксальные средства образования прилагательных географической принадлежности, что подтверждается множеством примеров типа *valenciano*, *londinense*, *levantino*, *madrileño*, *barcelonés*. Суффикс *-eco* / *-eca* в мексиканских названиях жителей (*chiapaneco*, *tamaulipeco*, *tlaxcalteca*, *tuxtileo*, *yucateco* – в названиях жителей штатов и столиц штатов) восходит к суффиксу *-écatl* в языке науатль и представляет собой одно из сравнительно немногих [Дитрих 2002, 70; Moreno de Alba 2001, 111; 118], не вызывающих сомнений свидетельств влияния языка науатль на грамматику испанского языка Мексики. Приведем текстовый пример из современного научно-популярного дискурса:

Con estas impresiones llegué al mítico Juchitlán.

*A las siete de la mañana el mercado no daba señales de actividad. Unos pocos **juchitecos** barrían la basura dispersa* [México desconocido, agosto 2005, № 342, 73].

Что касается «свободных» законов выбора синонимичных суффиксов, то, по Г.В. Степанову, «в американской среде выбор суффиксального оформителя в разряде *nombres gentilicios* также не имеет никакой мотивировки, кроме сложившейся традиции» [Степанов 1979, 256]. В мексиканской системе названий жителей и одноименных прилагательных географической принадлежности подобная «сложившаяся традиция» примечательна сохранением индейского компонента и генетическим синкретизмом словообразовательных средств.

Итак, анализ топонимов Мексики образует четкую временную перспективу, позволяющую говорить о реконструкции пространственной картины мира мексиканцев в диахронном аспекте. Топонимы-индихенизмы являются древнейшим пластом географических названий страны, а их сохранение свидетельствует об устойчивости и значимости индейского компонента в категоризации пространства. Топонимы периода завоевания Нового Света – это названия христианской тематики, топонимы-характеристики на базе общеиспанской апеллятивной лексики и генетически гибридные топонимы-словосочетания. Топонимы эпохи независимости страны – это в основном мемориальные топонимы, отражающие патриотические ценности менталитета и языковой картины мира мексиканцев. Во внутрисктурном плане мемориальные топонимы отражают процессы трансонимизации и формирование словообразовательных гибридов – свидетельств синтетического характера мексиканской культуры.

3.3. Выводы

Имя собственное – лексическая универсалия любого языка и объект внимания ученых с древнейших времен.

Анализ развития категорий имени собственного под влиянием национально-специфичной языковой картины мира мексиканцев как особого семиотического кода культуры позволяет вывести важнейшие модели восприятия и отражения пространства и времени через универсальные системные свойства имени собственного и модели образования на их основе мотивировки именовании и эстетических кодов, выявляемых в дискурсах различных типов.

Индийский компонент менталитета и изосемичной ему языковой картины мира мексиканцев, синтетический характер культуры страны, воплотившийся в сфере имени собственного в богатстве и многообразии престоционных процессов, а также значимость исторических и патриотических ценностей обуславливают семиотику мексиканского ономастикона.

Одним из результатов исследования стал составленный краткий словарь мексиканских персоналий из 40 единиц.

Анализ географических названий Мексики вывел четкую временную перспективу, позволяющую говорить о реконструкции пространственной картины мира мексиканцев в диахронном аспекте как о структуре знаний о присвоении человеком имен географическим объектам.

Топонимы-индихенизмы являются древнейшим пластом географических названий страны, а их сохранение свидетельствует об устойчивости и значимости индейского компонента в категоризации мексиканцами пространства.

Топонимы периода завоевания Нового Света – это названия христианской тематики, топонимы-характеристики на базе общеиспанской апеллятивной лексики и генетически гибридные топонимы-словосочетания. Топонимы эпохи независимости страны – это в основном мемориальные топонимы, отражающие патриотические ценности менталитета и языковой картины мира мексиканцев.

Во внутрискруктурном плане мемориальные топонимы отражают процессы трансоимизации и формирование словообразовательных гибридов – свидетельств синтетического характера мексиканской культуры.

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ЭТИКЕТНОМ И ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

4.1. Этикетный дискурс

Обращение к этикетному дискурсу плодотворно для изучения конвенциональности языка как знаковой и коммуникативной систем. «С социально-психологической точки зрения наибольший интерес для анализа языкового общения представляют конвенции в широком смысле. К ним относятся разнообразные аспекты жизни общества: его традиции, нормы, ценности, представления, обычаи и ритуалы, имеющие символическую природу, рекуррентный характер и определяющие специфику культуры» [Макаров 2003, 205]. Этикетный дискурс органично связан с культурой в широком, антропологическом смысле, и ею же обусловлен. Этикетный дискурс проявляется в сфере речевого этикета (РЭ) – ритуализованных способах вербального поведения человека в обществе, расцениваемых как вежливые и социально одобряемые. Вежливость представляет социально-культурное явление, многогранность которого раскрывается особенно явственно при межкультурных сопоставительных исследованиях (см.: [Фирсова 1995; Ларина 2003]).

Как подчеркивает Н.И. Формановская, «речевой этикет составляет центр функционально-семантического поля вежливости, в организации которого участвуют различные категории и формы языка и которое отличается от других своей прагматической природой» [Культура русской речи 2003, 577].

В отечественной испанистике к проблематике речевого этикета впервые обратилась Н.М. Фирсова [1978; 1983; 1984; 1987; 1991; 1992; 1999], что было продолжено последователями ее школы. От изучения одной из центральных категорий речевого этикета – категории обращения, спектр исследуемых вопросов расширился до анализа других коммуникативных ситуаций: приглашения, комплимента, телефонного, официально-делового общения и др. Эти исследования были продолжены в диссертационных работах по тематике речевого этикета, выполненных под научным руководством Н.М. Фирсовой такими авторами, как О.Г. Глазова [Глазова 1992], Е.В. Зверева [Зверева 1995], Н.Ф. Михеева [Михеева 1989], И.В. Плутницкая [Плутницкая 1993], Е.Э. Сапожникова [Сапожникова 2004], О.С. Чеснокова [Чеснокова 1985], М.О. Чичина [Чичина 1995].

Складывание норм и ритуализованных предписаний мексиканского этикета общения (в том числе – речевого) и – шире – норм мексиканской вербальной коммуникации неразрывно связано с формированием мексиканской нации, национального характера и культурных доминант. Применительно к речевому этикету это относится к образованию языковых вкусов (предпочтений и избеганий), существующих в коллективном социокультурном опыте мексиканцев; см. [Чеснокова 1987; 1988; 1991; Tchesnokova 2000].

Поведенческие предписания проецируются на кинесические (жестовые) ритуалы, а также на каноны и формулы речевого этикета как таковые. Нормы «обыденной» вежливости, как и в любой лингвокультуре, прививаются и усваиваются с детства. М. Свadesh перечисляет 11 основных правил, которыми должен владеть шестилетний ребенок: правила приветствия, прощания, пожелания, благодарность, извинение, использование титулов и названий родства, знание разницы в обращении на «ты» и «вы», знание различий в стилистической окраске слов, сопровождение речи соответствующей кинесикой (в частности, при разговоре следует смотреть человеку в глаза, знать, когда улыбаться и когда оставаться серьезным, когда опускать взгляд [Swadesh 1973, 90-91]).

Развитие информационного общества порождает новые конвенции речевого общения. Симптоматично, что мексиканский журнал *Istmo* посвящает отдельный номер [Istmo, № 264, enero-febrero 2003] вопросам вежливости, в том числе формирующимся конвенциям общения по электронной почте, что свидетельствует о значимости проблематики вежливости для повседневной коммуникативной культуры мексиканцев.

«Я уезжал из Мексики с неохотой. Все то, что я описал, делается чрезвычайно гостеприимными, чрезвычайно приятными и любезными людьми», пишет Владимир Маяковский [Маяковский 1953, 511; выделено нами – О.Ч.].

Словесная вежливость и учтивость мексиканцев проявляется в самых разнообразных ситуациях речевого этикета и в соответствующих ритуализованных формулах вежливости. Мексиканцы подчеркнута любезны. Сравним начало беседы с информантом, где актуализированы «вежливый» имперфект сослагательного наклонения, апелляция к слушающему (логически избыточный запрос о подтверждении намерения вести диалог), выражение согласия, совпадающее с формулой выражения удовольствия и одобрения (о формулах согласия в мексиканском национальном варианте испанского языка см. подробнее: [Чеснокова 1989]):

Enc- <...> Yo quisiera que comenzáramos a conversar, si a usted le parece bien.

Inf. – Con mucho gusto; como no. [El habla de la ciudad de México, 55].

Как и в других странах Латинской Америки, в Мексике произошло стирание оппозиции форм *vosotros-ustedes* и предпочтение формы третьего лица множественного числа *ustedes* при обращении к собеседникам, к каждому из которых обращаются на *tú*. Форма *vos*, по оценкам Х.М. Лопе Бланча [Lope Blanch 1982, 15], сохранилась в пограничном с Гватемалой штате Чьяпас.

Обращение на *vosotros* сохраняется в стилистически повышенном дискурсе, например, в словах Национального Гимна:

Mexicanos, al grito de guerra

El acero aprestad y el brindón,

Y retiemble en sus centros la tierra

Al sonoro rugir del cañón [Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, 130] Мексиканцы, под музыку битвы/ крепче сталь вы сжимайте в строю. / И пусть чрево земли содрогнется / Под раскатами пушек в бою'.

Вежливая форма *Usted* «Вы» при общении мексиканцев с незнакомыми либо малознакомыми людьми явно превалирует, что подтверждается данными опроса носителей языка (см. подробнее: [Lope Blanch 1978, 238-239; Чеснокова 1987, 74-75]). По-видимому, именно грамматические реликты обращения на *Usted* проявляются в устойчивых формулах переспроса, оторванных от парадигмы глагола *mandar* «приказывать», *¿Mande?* (*Mande Usted*). Данные стереотипы обнаруживаются не только при обращении на *Usted*, но и при обращении на *tú*, о чем свидетельствует, например, грамматическое окружение формулы *Mande* в следующих контекстах из бытового дискурса:

Otra voz.- ¡Mami!

Inf. B. – ¿Mande? ...Te voy a presentar, mi hijo [El habla popular de la República Mexicana, 226];

Enc. – ¡Ah! Te digo, tía: ¿Cuándo empezaste a pintar?

Inf. B.- ¿Mande?

Enc.- ¿ Cuándo empezaste a pintar?

Inf. B.- ¡Huy! Pues hace mucho. Figúrate: vivíamos en la calle de Lisboa... [El habla popular de la República Mexicana, 237].

Вербальная учтивость мексиканцев проявляется и в том, что, знакомясь, они, как правило, добавляют *Su servidor* «Ваш слуга» или *Para servirle* «К вашим услугам» – этикетные самоквалификации, предпи-

санные для ситуации знакомства, также функционирующие в качестве ответов на благодарность и комплимент.

Очень показательна в плане ритуализированных форм речевого этикета номинация *su casa/ la casa de Usted* «Ваш дом», формально обозначающая дом слушающего, но реально – дом говорящего и в такой словесной форме подчеркивающая общую расположенность к собеседнику:

A las diez de la noche me encuentra en la casa de Usted «В десять часов вечера вы застанете меня в Вашем доме» (объяснение врача при прощании с пациентом, в котором часу можно позвонить по домашнему телефону).

– *A treinta minutos se encuentra la casa de Usted* (дословно: «В тридцати минутах езды находится Ваш дом») – ответ таксиста на вопрос, далеко ли он живет от столицы.

В соответствии с требованиями вежливости, на подобные фразы нужно обязательно отреагировать репликой благодарности: *Muchas gracias* «Большое спасибо» или *Muy amable* «Вы очень любезны».

В вербальных формулах вежливости находят проекцию собственно поведенческие предписания. Так, этикетно не приемлемо отойти от собеседника, ничего при этом не сказав. Поэтому намерение отойти от собеседника словесно оформляется формулой *Con permiso* «С Вашего/твоего позволения» (как проявление речевой игры функционирует усеченная форма *Con per*). Этикетные реплики-реакции на формулу *Con permiso* – это:

Propio / Adelante/ Pásele/Pásale.

Намерение покинуть собеседника может сопровождаться речевым актом обещания вернуться:

Ahora/ahorita/horita regreso (vengo).

Ситуационно связанные формулы *Con permiso* – *Propio* функционируют также как формулы прощания, например, при выходе из небольшого магазина.

В речевой ситуации благодарности реплики-реакции (ответы) на благодарность также характеризуются повышенной вежливостью. Типичны следующие микродиалоги:

Muchas gracias. – No, al contrario / Al contrario /A usted/ Para servirle.

Составной частью повседневного мексиканского этикета общения оказывается тенденция к иносказательности, обилие косвенных речевых актов, заменяющих прямое побуждение, прямое утверждение и создающих таким образом конвенционально расцениваемую как веж-

ливую тональность общения; сравним речевой акт извинения с глаголом в индикативе, вытеснившим императив-волеизъявление:

Bueno, me perdonan: tengo que irme porque mañana salgo de gira con el Señor Presidente [Pacheco, 124],

и речевой акт согласия с глаголом в кондиционале:

– *¿Quieres café con leche?*

– *Estaría bueno* [Samperio, 72].

Здесь уместно привести рассуждение Р. Хименеса Катаньо на страницах номера журнала *Istmo*, посвященного вежливости, о том, что в оппозиции «деликатность» (учтивость) – «ясность» (эксплицитность) в Мексике оказывается предпочтение деликатности:

Parece claro que en México la sensibilidad dominante es la que prescribe delicadeza, no la que prescribe claridad [Jiménez Cataño 2003, 32] ‘Представляется очевидным, что главной организующей особенностью коммуникации в Мексике является учтивость, а не ясность’.

Две иллюстрации. Речевой акт просьбы принести счет в форме отрицательного вопросительного предложения: *¿No me trae la cuenta, por favor?*

Отказ от прямого утверждения в ситуации называния продавцом точной цены: *Serían ochenta pesos*.

С представлением о деликатности и словесной учтивости связано и обилие в речевом общении мексиканцев диминутивных форм – характерной черты коммуникативной культуры латиноамериканцев в целом. Диминутивные формы типа *mejorcito* ‘лучше’, *ahorita* ‘сейчас’, *bastantito* ‘достаточно’, *lueguito* ‘потом’ с логической точки зрения не содержат идеи уменьшительности. Вот некоторые характерные реализации из нашей картотеки:

No me da nada de confianza ‘Он у меня не вызывает ни чуточки доверия’;

Tú solito ‘Ты сам (читай)’ – реплика учительницы начальной школы;

En septiembre todavía llueve, y llueve bastante ‘В сентябре еще идут дожди, и причем приличные’.

Подобная диминутивность направлена не столько на референт, сколько на собеседника и на создание общей позитивной тональности высказывания, в соответствии с конвенциями речевой культуры. Поэтому подобная диминутивность является косвенной и по прагматической сущности служит целям воздействия на адресата.

Следует отметить, что косвенная диминутивность весьма широко представлена в латиноамериканских вариантах испанского языка. Вот

два, на наш взгляд, характерных примера из романа перуанского писателя Марио Варгаса Льясы «Литума в Андах», где диминутивность используется при передаче речи персонажей.

<...> *Cuando los pensamientos se van, uno es feliz. Ahí me tiene en la cantina, para servirlo. Hasta **lueguito**, señor cabo* [Vargas Llosa, 105];

– *Lo decidiré a cara o sello – dijo el chofer, deseándoles una feliz luna de miel - . Me aguantaré unas **horitas** antes de ir a la policía* [Vargas Llosa, 187].

В мексиканском национальном варианте испанского языка уменьшительные суффиксы проникают и в письменную речь, обладающую, по сравнению с речью устной, известным консерватизмом. В письменной речи диминутивные формы наиболее типичны при обращении к массовому адресату и создают особо доверительную тональность. Вот некоторые примеры:

Ricos nachos calientitos ‘Вкусные горяченькие начос’ – надпись на передвижном киоске по продаже начос;

Elaboradas con las mejores papas frescas, naturalmente crujientes y doraditas, como recién hehecitas ‘Изготовленные из лучших сортов свежего картофеля, хрустящие и поджаренненькие по-настоящему, как только что сделанненькие’ – надпись на упаковке жареного картофеля. Сходные культурные коннотации присутствуют и в следующем фрагменте гастрономической тематики из газетного текста:

*Los platillos más usuales hechos con nópal son la ensalada, los nópales con huevo, la penca entera pelada y asada, que se acompaña con salsa de jitomate y frijolitos de la olla; el caldillo de chile huajillo, al que se añaden **nopalitos** previamente cortados en **cuadritos** y cocidos, y **tortitas** hechas con camarón molido* [«La Jornada», 16.03.1999].

Проникновение косвенной диминутивности в письменную речь при обращении к массовому адресату может расцениваться как одна из особенностей мексиканского этикетного дискурса.

Развитие дополнительных смыслов диминутивными формами дает наречие *ahora*: *ahorita*, *ahoritita*. Данные диминутивные формы исключительно характерны для общения мексиканцев. Они развили усиленное значение «прямо сейчас» / «в этот самый момент» и могут принимать глаголы в претерите:

Entaron ahorita / «Они зашли сейчас (только что)». Использование претеритных форм при наречиях *ahorita*, *ahoritita* не противоречит такой, отмеченной Х.Г. Морено де Альба, общей особенности реализации глагольных форм в Мексике, как употребление при претерите показателей времени момента речи (*Ahora no me hablaron por teléfono*),

в отличие от пиренейского узуса, в котором претерит выражает законченное прошедшее действие, предшествующее моменту речи [Moreno de Alba 1978, 47]. В плане конвенций речевого общения примечательна стабильность функции воздействия на адресата, которую выполняют диминутивные формы *ahorita*, *ahoritita*.

Характерной чертой устного диалогического общения мексиканцев являются также многочисленные апелляции к собеседнику типа *¿tú crees? fijate, ¿no cree?, si te (le) parece bien, si no tiene(s) ninguna objeción, si no tiene(s) ningún inconveniente*, как в следующем примере:

Enc. – <...> Yo quisiera que comenzáramos a conversar; si a usted le parece bien [El habla de la ciudad de México, 55].

Это служит проявлением такой важной черты испанского диалога, как многократное обращение к адресату [Арутюнова 1974]. В речевом общении мексиканцев подобная ориентированность на адресата проявляется и в своеобразной энклитике местоимения второго лица *tú*, по прагматической функции апеллирующей к мнению собеседника либо придающей особый оттенок эмоционального воздействия на адресата. Вот типичные примеры:

¿Qué hora traes, tú? ‘Сколько сейчас на твоих?’;

¿Qué querrá, tú? ‘Как ты думаешь, чего он хочет?’;

No sean coyonas. Acuéstense.- Pero estamos asustadas, tú ‘Да не будьте же трусихами. Ложитесь спать. – Но, послушай, мы же напуганы’.

Центральная категория речевого этикета – обращение, воплощаемое в системе форм обращения (ФО), принятых в национально-культурной общности. Мексиканские ФО образуют органичную часть общеиспанской и латиноамериканской коммуникативных культур и обладают национальной спецификой (более подробно см.: [Чеснокова 1987; Chesnokova 1998]). Так же, как в других странах Латинской Америки, в Мексике частотны обращения по титулу, занимаемой должности типа *licenciado*, *maestro*, *doctor*, *abogado*, *ingeniero*, *oficial*.

Ряд обращений имеет индейское происхождение. Это относится к науатлизмам *cuate* (от *coatl* ‘близнец’; женский коррелят *cuata*), и его многочисленным вариантам типа *coate*, *cuatezón*, *cuatacho* – форма обращения к другу; *chamaco* – обращение к ребенку, другу, приятелю; *chapulín* ‘лангуст’ – обращение к ребенку.

При обращении к знакомым адресатам (особенно женщинам) частотны диминутивные формы личного имени: *Lupita*, *Teresita*, *Juanita*. Ресурсы эмоционально-окрашенных мексиканских форм обращения вписываются в общие модели аффективных испанских форм обращения и охватывают использование имен органа чувства (*corazón* ‘серд-

це’, *alma* ‘душа’), абстрактные имена (*amor, cariño* ‘любовь’, *vida* ‘жизнь’, *encanto* ‘очарование’), астральные символы (*cielo* ‘небо’), названия пола и возраста (*mujer* ‘женщина’, *niña* ‘девочка’), зооморфизмы (*palomita* ‘голубка’), фитонимы (*mango* ‘манго’ – в составе комплимента-пиропо), номинации по признаку особенностей внешнего облика (*enano* ‘гном’, *chata* ‘курносая’). К светловолосым людям (точнее, к нечерноволосым) одна из излюбленных форм обращения в Мексике – это *güero/ güera; güerito/ güerita*. «Словарь испанского языка Мексики» указывает, что данное обращение бытует и как вежливая форма обращения продавца к покупателю на рынке:

¡Pásele güero, a ver qué se le ofrece! [DEUM 1996, 472].

Частотные обращения по признаку внешнего облика *gordo* ‘толстый’, *flaco* ‘худой’; *gorda* ‘толстая’, *flaca* ‘худая’, в действительности могущие подразумевать противоположные физические качества адресата, могут рассматриваться как проявление своеобразной речевой энантиосемии форм обращения (о речевой энантиосемии форм обращения см.: [Чеснокова 1985а]).

В Халиско, по данным опроса информантов, очень любят обращение к женщине (*mi*)*reina* ‘(моя) королева’, бытующее в самых обыденных ситуациях, например, на рынке, в магазине; на Юкатане одно из традиционных излюбленных обращений к женщине – *linda hermosa*. В сельской местности частотны обращения *compadre/comadre* ‘кум’, ‘кума’. Дружески-фамильярной окраской обладают формально и содержательно преобразованные общеиспанские единицы, например, частотные дружеские обращения *mano (om hermano), maese (om maestro)* и др:

No cambias, mano – dijo el subsecretario, condescendiente-. [Pacheco, 123];

¡Qué bárbaro eres mano! Ni yo podría manejar este aparato de esa manera. [Esquivel 2003, 129].

Приветствие сопровождается рукопожатием, поцелуем в щеку или похлопыванием по спине (между мужчинами). Детей приучают целовать (*dar un beso*) родственников и знакомых при встрече и расставании.

Функционирование общеиспанских формул приветствия, связанных с названием времени суток, четко ориентировано по времени: (*Buenos días* – до полудня, *Buenas tardes* – до 19 часов, *Buenas noches* – с 19 часов.) Принятые в испаноязычноязычных странах формулы осведомления о делах (как и другие испаноговорящие, мексиканцы часто

спрашивают *¿Cómo está(s)?* ‘Как дела?’), этикетно не требуют развернутого и детального рассказа о делах и имеют в Мексике вид

¿Qué tal?,
¿Qué hubo?,
¿Quihúbole?,

а также *¿Qué pasó?* (дословно «Что случилось?»), но подразумевающее вопрос «Как дела?»).

Говоря о благоприятном течении дел, мексиканцы часто упоминают Бога (нередко в диминутивной форме *Diosito*), отсюда реплик-коннекторы типа *gracias a Dios* ‘Слава Богу’, *bendito sea Dios* ‘благословен Господь’. Говоря о планах на будущее, мексиканец не преминет сказать *primero Dios* ‘если того пожелает Господь’ или *Dios mediante* ‘С Божьей помощью’.

Разговорно-обиходная формула согласия имеет вид *Sale* (в пиренейском испанском – *Vale*), формула отклика по телефону – *Bueno*, формула прощания *Nos vemos*.

Национально-специфичные черты обнаруживаются в функционировании постфикса *-le*, который могут принимать (в речевых актах побуждения, одобрения, подбадривания) глаголы в форме второго лица единственного числа и который эксплицитно связан с третьим («вежливым»), а не со вторым лицом императива: *Ándale*, *Córrele*, *Piénsale*, *Descánsale*. Вот некоторые ситуации. Тренер в бассейне: *Nádale*. Мать, обращаясь к капризничающему на улице ребенку: *Camínale*. Постфикс *-le* в подобных речевых актах имеет экспрессивное значение, не предполагающее общение в «ты»-регистре:

– *¿Duisculpe, ¿podría hablar con el señor Quintana?*
– *Sí, soy yo.*
– *Ah, quihúbole Andrés, cómo estás, qué me cuentas.* [Pacheco, 93].

Этот же постфикс активен в междометиях типа *ándale*, *ánde* (выражение побуждения, недоверия, удивления); *híjole* (выражение удивления); *órale* (выражение побуждения):

Inf. – *Bueno, ya; ya hice bastante. Ándale, ya.* [El habla de la ciudad de México, 145].

Enc. – *¿Se murió rejuven ¿verdad?*

Inf. – *Treinta y dos años no cumplidos; treinta uno y diez meses.*

Enc. – *¡Híjole, qué barbaridad!* [El habla de la ciudad de México, 429].

Употребление побудительного междометия *órale* проиллюстрируем примерами из «Словаря испанского языка Мексики»:

¡Órale a darle!; *¡Órale, vamos!*; *¡Órale, bájate!*; *Y órale ¡a trabajar!*;
¡Órale vamos a poner la estufa! [DEUM 1996, 657].

В оппозиции к сфере речевого этикета находятся инвективные (бранные) стратегии – лингвистическая универсалия любой языковой общности, образующие своего рода «антиэтикетный» дискурс. Как отмечает В.И. Жельвис, «в каждой национальной культуре без исключения есть самые разнообразные способы оскорбительно-эмоционального воздействия на оппонента от язвительных замечаний в его адрес до вульгарных поношений», при этом «во всех случаях оскорбительность достигается за счет обвинения оппонента в нарушении наиболее сильных сексуальных, религиозных, гигиенических табу» [Жельвис 1988, 98-99]. Лексическая основа инвектив связана с особенностями языковой картины мира и превалирующими в социуме эталонами оценки (сфера «коллективного бессознательного», по К.Г. Юнгу), как положительными (их реализация охватывает сферу речевого этикета), так и отрицательными. Как и в других странах испанского языка, в Мексике употребительны такие инвективы, как *idiota*/ «идиот», *sinvergüenza*/ «бесстыдник», *hipócrita* /«лицемер», *canalla*/«сволочь», *descarado*/«нахал», *majadero*/ «невоспитанный», «грубый», «дерзкий», *asqueroso*/ «отвратительный», *atrevido* /«дерзкий», *huevo*/латиноам. «лентяй», «глупый». Коллективное общественное сознание помещает в разряд отрицательных такие качества, как глупость, невежество (отсюда – инвективы со смыслом «идиот», «придурак»: *pinche*, *pendejo*, *pelado*), назойливость, навязчивость, вмешательство в чужую личную жизнь (им соответствуют инвективные квалификации *metiche*, *metelón*), грубость, наглость, незнание своего места (*igualado*), неискренность и лицемерие (*mañoso*), праздность (*gandaya*), неопрятность внешнего облика (*mugroso*). Перечисленные инвективы наиболее часто реализуются в составе:

- 1) обращений: ¡Igualado asqueroso, me lo pagarás!;
- 2) назывных предложений: *Hipócrita, mañoso*;
- 3) именной части составного именного сказуемого: *No seas igualado; Es una metiche* (Примеры из диалогов мексиканских телесериалов).

Исследование и обобщение закономерностей употребления инвектив способствует созданию так называемого «инвективного портрета нации» (термин В.И. Жельвиса [Жельвис 1996, 34]). По мнению мексиканского писателя Хорхе Ибаргуэнгойтия, высказанному в книге «Инструкции для жизни в Мексике», у мексиканцев существует три главных типа оскорбительных средств выражения: оскорбления в адрес матери собеседника, оскорбительные приказания и грубые намеки на отсутствие интеллекта [Ibargüengoitia 1990, 103-104]. Ядром многих инвектив и откровенно грубых выражений в Мексике служит табуированный в литературном языке глагол *chingar*, прямое значение которого

– «производить насильственный половой акт», переносные – «мешать», «надоедать», «проваливаться», а также его словообразовательные производные. Октавио Пас в книге «Лабиринт одиночества» отмечает, что, несмотря на обилие дополнительных смыслов, превалирующим значением глагола *chingar* оказывается значение агрессии [Paz 1999, 84].

«Словарь испанского языка Мексики» дает, в частности, следующие примеры использования этого глагола:

¡No me chingues, necesito dinero! (нейтр. перевод: «Ты у меня поперек горла, мне нужны деньги!»);

¡Vete a chingar a otra parte! (нейтр. перевод: «Иди куда подальше») [DEUM 1996, 316].

Грубейшие оскорбления содержат недостойные и табуированные общественной моралью намеки в адрес матери. Армандо Хименес указывает в книге *Tumbaburro de la picardía mexicana (diccionario de términos vulgares)*, что *Chinga a tu madre* является самым сильным из всех оскорблений [Jiménez 1999, 68]; см. также [Чеснокова 2004, 58-61].

Мексиканский этикетный дискурс является органичной частью общеиспанской коммуникативной культуры. Национальная специфика проявляется, в основном, в реализации экспрессивно-окрашенных средств и в своеобразном воплощении категории вежливости, организующим центром которой являются понятия учтивости и деликатности. Этикетный, а также противоположный ему «антиэтикетный» дискурс воплощают режим интенсивного диалога, с богатым репертуаром вербализации коммуникативных намерений.

4.2. Юмористический дискурс

Прагмалингвистический статус юмористического дискурса подробно обсуждается в монографии В.И. Карасика «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [Карасик 2004]: «Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре» [Карасик 2004, 304-305].

Сущность юмора – это выражение позитивного отношения к жизни, жизнелюбия и оптимизма, что помогает человеку преодолевать драматические и даже трагические ситуации. У М.М. Бахтина есть замечательные строки: «Серьезность нагромождает безысходные ситуации, смех подымается над ними, освобождает от них. Смех не связывает человека, он освобождает его» [Бахтин 1986, 358]. Юмор и – шире – «смеховой мир» – явление гибкое и обладающее национальной спецификой, в первую очередь, в отношении прецедентных феноменов, составляющих его понятийную основу, тематики и канонов прагматической уместности. Зигмунд Фрейд рассматривает психогенез остроумия как подражание деятельности сновидения. Однако, по Фрейду, если сновидение предельно асоциально, то деятельность остроумия всегда социально обусловлена и социально направлена [Фрейд 2005].

Такая характеристика юмора, как «двойственное отношение к осмеиваемому несоответствию формы предмета, явления, события его содержанию» [Культура русской речи 2003, 790], представляется универсальным имманентным свойством юмористического дискурса. На разных этапах существования юмор имеет собственные характерные черты и проявления: «<...> «смеховой мир» отнюдь не един. Он различный у отдельных народов и в отдельные эпохи, а там, где господствует в культуре индивидуальное, личностное начало, он в какой-то мере различен у каждого смеющегося» [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984, 3]. С этим утверждением созвучны следующие мысли Милана Кундеры: «Но юмор, если вспомнить Октавио Паса, «великое изобретение современного ума». Он не существовал изначально, он также не будет существовать вечно» [Кундера 2004, 38]. Как мы полагаем, юмор является спроецированными на ЯКМ и реализуемыми в ситуации смехового общения менталитетом и особенностями «коллективного бессознательного» как имманентной части национального характера.

Эмоциональность латиноамериканцев и склонность к свободному выражению чувств (ср., например, следующее суждение: *The Spanish American is not afraid to express his emotions and he does it quite freely*) [Reindorp 1968, 305] / «Латиноамериканец не боится выражать свои эмоции и делает это достаточно свободно») воплощается в общей эмоциональной окрашенности речи и разнообразии форм достижения ее комического эффекта. В ряду этих форм юмор занимает важное место.

Мексиканцам присуща склонность к языковой игре. Языковая игра касается построения реплик-стимулов, вербальной реакции на слова собеседника (реплик-реакций), широтой тематики и богатством дискурсивных проявлений. Неудивительно, что в ряду национальных

самоквалификаций мексиканцев оказались частотными следующие оценки:

alegres /веселые,
dicharacheros /острые на язык,
burlones /шутники,
guapachosos /любители шуток и анекдотов,
albureros /любители шуток с подтекстом,

“*Siempre estamos con la sonrisa en los labios*”/“Мы всегда с улыбкой на устах”. В приведенных самоквалификациях особого комментария заслуживает предикатная характеристика *alburero m / albureador m* ‘балагур’, ‘любитель шуток с подтекстом’. Словообразовательные дублиеты *alburero/albureador* происходят от мексиканизма *albur m/ alburres m pl* ‘игра слов’, ‘каламбур’ [ИРСЛА 2004, 31; БИРС 2005, 51] и лексически закрепляют одну из особенностей национального характера мексиканцев, проявляющегося в юмористическом дискурсе.

Понятия, вокруг которых строится мексиканский юмор, многомерны и многообразны. Они простираются от ближайшего повседневного окружения человека до глобальных событий государственного и мирового масштаба.

Языковая игра, в которой то сталкиваются несовместимые понятия, то обыгрывается форма слов либо создается причудливый рисунок фразы, – все эти явления очень характерны для повседневного речевого поведения мексиканцев. Вот характерный пример из нашей картотеки:

– ¿*Esperando al novio?* ‘Жениха поджидаете?’, – ведут утренний разговор соседки – пожилые женщины, имеющие много детей и в данный момент обе ждущие приближение машины для сбора мусора.

– *Ahorita viene* ‘Да вот он уже на подходе’, – незамедлительно подхватывает собеседница.

Примеров подобных незатейливых шуток в повседневном речевом общении мексиканцев очень много. Это, к примеру, употребление вместо названия *Morelia* (столица штата Мичоакан) комического словообразовательного гибрида *Mujrelia*, первый слог которого представляет начальные звуки слова *mujer*, по мотивации восходящего к суждению-гиперболе *En Morelia viven las mujeres más bonitas* ‘В Морелии живут самые красивые женщины’ (этот пример подробно рассмотрен в: [Чеснокова 1999, 38-39; Чеснокова 2004, 53]).

В повседневной речи мексиканцев широко представлены следующие юмористические построения.

Фонетическое созвучие (аллитерация) исходной и мотивированной лексем:

agustín (деонимизированное имя личное Агустин) вместо *a gusto* (адвербиальное выражение «в удовольствие»), «по душе», «по вкусу»).

Пример из записи устной речи:

Todos trabajando, y el niño muy agustín.

Различные виды непрямых юмористических номинаций: *la ciudad de los chongos* «город чонго» (чонго – вид сладостей) как обозначение города Самора (*Zamora*) в штате Мичоакан.

Ироническое возвеличивание или принижение (часто – рифмованное):

La madre es madre,

aunque sea de vinagre 'Мать есть мать, даже если она из уксуса';

El padre es padre,

aunque ladre 'Отец есть отец, даже если он лает' (по коммуникативной интенции оба высказывания прагматически предписывают терпимое отношение к родителям).

Юмористические рифмовки:

– *Con permiso.*

– *Pase con su cenizo.*

В этом микродиалоге из записи устной речи этикетная формула *Con permiso* 'С вашего (твоего) позволения', обязательная в ситуации, когда нужно отойти от собеседника, рифмуется с формально (ситуативно и логически) не совместимым высказыванием-волеизъявлением *Pase con su cenizo* / «(Да) проходи(те) же со своей пепельницей», на чем и основывается комический эффект диалогического единства.

– *¿Qué me ves?*

– *Lo bonito que te ves con los ojos al revés.* Эта рифмовка восходит к детскому языку и может быть переведена примерно так: «Что ты на меня смотришь (уставился) = (Что ты во мне видишь?) / То прекрасное, что я в тебе вижу, это твои глаза на затылке».

Высмеивание неправильного, просторечного произношения: *jarta* у *repleta* вместо *harta* у *llena*.

Каламбуры. Ссылаясь на Л. Келли, Ю.Д. Апресян отмечает, что «каламбур на основе омонимичных слов возникает гораздо чаще, чем на основе многозначных слов» [Апресян 1995, 181]. Это наблюдение справедливо и по отношению к мексиканскому юмористическому дискурсу. Рассмотрим несколько примеров.

– *¿Te gustan los boleros?* 'Тебе нравятся болеро?'. Этот вопрос адресован мексиканскому другу-меломану.

– *Especialmente, los de los parques.* 'Да, особенно те, что в парках'.

Данный каламбур основан на омонимии существительных *bolero* и 'болеро', музыкальный жанр (что составляло тему вопроса), и

bolero m ‘чистильщик обуви’, от мексиканизма *bolear* ‘чистить обувь’, которому в других латиноамериканских странах соответствуют такие глаголы, как, например, *lustrar*; *chainer*; *brillar*; *pulir*; *embolar* [Moreno de Alba 2001, 166]. Симптоматичен и синонимический ряд в работе А. Молеро:

Limpiabotas (Испания, Венесуэла), *lustrabotas* (Аргентина, Чили, Уругвай), *bolero* (Мексика) [Molero 2010, 66-67].

Универсальные лексические категории составляют основу языковой игры в каламбуре, при этом яркость каламбура основывается на неожиданности и парадоксальности словоупотребления; ср.: «эффект остроты (в основном, комической) достигается неканоническим использованием полисемантов, омонимов, паронимов, псевдосинонимов и псевдоантонимов» [Культура русской речи 2003, 802]. Рассмотрим несколько образцов.

Están dos abuelitos platicando sobre el pasado de cada uno.

Ah, viejita, ahorita estoy acordando, cuando estuve en el hospital, hubo una enfermera... Y ese cuerpecito... fue mío ... fue un gran amor.

La viejita se le queda viendo y le dice, ¿Te acuerdas cuando vivíamos en la calle ...donde estaban los bomberos. Ese cuerpecito fue mío.... ‘Разговаривают старичок и старушка.

– Ах, старушка, вот сейчас я вспомнил, как лежал когда-то в больнице. И там была одна медсестра... Ах, какое тело... И оно было моим...

Старушка внимательно смотрит на старичка и говорит:

– А помнишь, когда мы жили на улице..., где размещалась пожарная команда. Она была моей...’.

Исходный каламбур основан на столкновении и обыгрывании общеиспанских значений полисеманта *cuerpo*: прямого значения «тело человека» и антропоморфной метафоры «команда», «корпус» (надпись «Пожарные» на пожарных машинах в Мексике имеет вид *Cuerpo de bomberos*). Эффект шутки усиливается не сообразуемым с моралью чрезмерно открытым рассказом о любовных похождениях. Реплика старушки *Ese cuerpecito fue mío*, формально полностью дублирующая реплику ее собеседника (скорее всего, мужа), актуализирует метафорический смысл существительного *cuerpo* и прагматически служит достойным ответом на излишние откровения собеседника. Отметим, что, по З. Фрейду, институт брака составляет одну из универсальных тем циничных острот [Фрейд 2005, 129].

Следующий пример образует мужское высказывание о сексуальной привлекательности женщины.

¡Qué bonita yucateca! ‘Юкатанская красotka’.

Если адресат спонтанно не расшифровал шутку, то предполагается реплика-выяснение, откуда говорящий знает, что женщина родом с Юкатана.

Ответ *Por los cenotes / senotes* предполагает устную форму реализации и представляет каламбур, основанный на омофонии существительных *cenotes* и *senotes*, произносимых, в соответствии с латиноамериканским *seseo*, с одинаковым щелевым звуком [s]: [se'notes]. Однако индихенизм *cenote*, означающий подземный водоем – характерную черту ландшафта полуострова Юкатан, и словоформа *senotes* – множественное число существительного *seno* ‘грудь’ с увеличительным суффиксом – *ote* образуют два совершенно разных прочтения причины, по которой автор определил, что женщина родом с Юкатана:

из-за сенотес (принадлежности ландшафта) – ситуативно маловероятная и образующая речевую маску «бесхитростного интеллектуала»,

или из-за пышной груди.

Для сравнения приведем случай актуализации прямого значения существительного *cenote* в нарративном научно-популярном дискурсе:

“*YA AH HA*” Y “*AKTUN HA*» *Enclavados en la zona de la sierra tenosiquense, en el poblado de Santo Tomás, se encuentran los cenotes Ya Ah Ha , que significa “Agua Azul Verde” , y Aktun Ha “Cenote de la Cueva”;* y son los únicos que se encuentran más al poniente de la península de Yucatán. [Guía México desconocido. Edición 109 «Tabasco. Rutas turísticas», 70].

Оморформы также активно выступают основой каламбуров. Рассмотрим следующий образец из наших записей.

A. – *Es campeona de natación.*

B. – *¿Nada?*

A. – *Nada. Nada por detrás, nada por delante.*

В приведенном образце говорящий А. дает неожиданную характеристику подруге общего знакомого: *Es campeona de natación* ‘Чемпионка по плаванию’. Ожидаемая спонтанная реакция собеседника (в случае, если шутка не понята и, следовательно, не принята) – уточнение правильности понимания:

¿Nada? ‘(Она) плавает?’.

Эффект каламбура в реплике А.: – *Nada. Nada por detrás, nada por delante* основывается на оморформах *nada*: отрицательном местоимении «ничего» и третьем лице единственного числа глагола *nadar* ‘плавать’, создающих намек на чрезмерную худобу женщины: «У нее нет ничего ни спереди, ни сзади».

Омоформы *nada* ‘ничего’ и *nada* ‘плавает’ достаточно часто реализуются в составе каламбуров. Вот еще один пример из нашей картотеки:

– *¿Qué hace el equipo mexicano de natación?* ‘Что делает команда Мексики по плаванию?’.

– *Nada*. Ответы допускают два прочтения в зависимости от актуализируемого значения омоформ *nada* ‘ничего’ / *nada* ‘плавает’:

«Плавает» (отсутствие каламбура) и

«Ничего» (эффект каламбура и намек на отсутствие у команды Мексики по плаванию успехов на международных соревнованиях).

В следующем каламбуре обыгрывается свободная и фразеологически связанная сочетаемость глагола *dar* ‘давать’: *dar dinero* ‘предлагать деньги’ / *dar lástima* ‘вызывать жалость’:

A cierta edad los hombres sólo podemos dar dos cosas: dinero o lástima ‘В определенном возрасте мужчины могут предложить две вещи: давать деньги или давать повод для жалости.

Из спонтанного индивидуального употребления юмористические выражения могут переходить в юмористические штампы и цитации, что находит отражение в лексикографических изданиях.

К примеру, *copiosas* вместо *copas*:

Se les dice así, humorísticamente, a “las copas” de licor [Mejía Prieto 1984, 35].

Анализ повседневных юмористических высказываний и выражений показывает, что в обыденной жизни мексиканцы активно «играют» со словом – первоэлементом формы шуток, балагурства, анекдотов – наиболее типичных и универсальных приемов создания комического. Здесь, на наш взгляд, уместно привести следующую цитату: «Балагурство призвано смешить, веселить. Комизм при этом может создаваться разными видами преобразования слова или построения речи» [Земская, Китайгородская, Розанова 1983, 176]. В выдержавшей одиннадцать изданий книге Мигеля Веласко Вальдеса приводятся следующие примеры языковой игры, основанной на видоизменении фонетического облика слова:

A ver si Querétaro (вместо *A ver si quiero*);

Cayetano la botella (вместо *Cállate la boca*);

Simón, Simón, Simondor (вместо *Sí*) [Velasco Valdés 1998, 23; 33; 150].

Яркий материал для реконструкции механизмов создания комического в речи мексиканцев содержится в выдержавшей более пятидесяти изданий книге Армандо Хименеса *Tumbaburro de la picardía mexicana (diccionario de términos vulgares)* [Jiménez 1999] (в разное время авторами предисловий к книгам бывшего архитектора, увлекшегося и

прославившегося собиранием образцов разговорно-обиходной и жаргонной речи мексиканцев, выступили такие знаковые фигуры латиноамериканской и испанской литературы, как О. Пас, Г. Гарсия Маркес, К.Х. Села, П. Неруда). Анализ словарных статей книги А. Хименеса [Jiménez 1999] показывает, что устойчивым процессом создания комического оказывается звуковое уподобление. Линейно при этом словообразовательные дериваты могут оказываться как короче (*té* вместо *tequila*), так и протяжённее замещаемых ими общеупотребительных единиц (*iguanas* вместо *igual*). Фонетическое созвучие наблюдается в разном количестве звуков, в среднем от одного (*melón* вместо *mi*) до четырех: (*ambrosia* вместо *hambre*). Создание комического часто реализуется вместе с жаргонизацией лексики, что лингвистически отражает результат действия сразу нескольких языковых процессов. Например,

pablo, заместившее в жаргоне выражение *el que paga* – деонимизацию и звуковую мотивацию;

muchachas Putiérrez ‘проститутки’ – онимизацию и эвфемизацию.

В плане изучения создания комического на базе языковой игры показательны метафорические переносы при обозначении лиц. Образы, к которым в таких случаях традиционно прибегают мексиканцы, – это ближайшее окружение человека и сравнения, усвоенные им с детства: символика животных и растений, оценочные и этические критерии. Вот два примера, записанных нами из речи 13-летней девочки:

En mi salón hay muchos burros ‘В моем классе полно дураков’ (дословно – «ослов»);

A la miss de inglés la llamamos urraca ‘Учительницу по английскому мы называем сорокой’, где мотивация прозвища объясняется тем, что учительница постоянно ругает учеников.

Комический эффект многих прозвищ часто достигается за счет словесного подчеркивания какого-то особенного, яркого, иногда не самого, с обыденной точки зрения, выигрышного признака во внешности, поведении, манерах человека. Подчас прозвища, появившись в раннем возрасте, сопровождают человека всю жизнь, вытесняя из употребления в кругу родственников, близких друзей либо знакомых имя собственное адресата. Вот некоторые из подобных прозвищ, восходящих к детскому языку, и их мотивирующие признаки:

Güero «Блондин» – по цвету волос;

Ratón “Мышь” – по форме ушей;

Borrego “Баран” – из-за кудрявых волос;

Gato “Кот” – из-за зеленых глаз;

Sonejo “Кролик” – из за больших передних зубов;

Foca “Тюлень” – из-за дефекта рук;

Erizo “Ёж” – из-за коротких и жестких волос;

El Tenebras “ужасная история” – по привычке говорить *Tengo una tenebra que contarte* ‘Я должен рассказать тебе кое-что ужасное’;

Calavera “Череп” – по чрезмерной худобе;

Jitomate “Помидор” – из-за чрезмерной полноты.

В номинациях, употребляемых как обращения, часто используются прилагательные *gordo* ‘толстый’ / *flaco* ‘худой’, могущие подразумевать как соответствующие им особенности телосложения, так и прямо противоположные качества. Нередко носителем прозвища, а также обращения *gordo/gorda* могут оказываться далеко не полные люди. Особенности внешнего облика очень часто становятся основами шуток, словесных уколов, ср. ситуацию обращения к лысому человеку:

No te muevas. Quiero peinarne ‘Не двигайся. Мне надо причесаться’ – намек на “отражающие способности” лысины. Реакция на подобные высказывания подчас зависит не столько от того, какой признак “обыгрывает” говорящий, сколько от особенностей чувства юмора самого слушающего и от особенностей межличностных отношений коммуникантов.

В мексиканском юморе можно найти немало примеров высмеивания трагического. Так, седьмого июня 1999 года был убит один из популярнейших в Мексике телеведущих Пако Станли. Несмотря на негодование, боль и возмущение миллионов мексиканцев, уже через несколько дней появился следующий образец “черного юмора”:

¿Cómo le entraron las balas? – Una tras otra ‘Как попали (в Пако Станли) пули? – Одна за другой’. В ответе “Одна за другой” использовано название программы *Una tras otra*, которую Пако Станли вел на телевидении.

Существуют ли границы юмора?

¿No que los mexicanos se burlan hasta de la muerte? “Разве не правда, что мексиканцы смеются даже над смертью?” – спрашивают на страницах ежедневной газеты “La Jornada” журналисты Моника Матеос и Анхель Варгас. Напомним, что мексиканский национальный вариант испанского языка располагает чрезвычайно развитой синонимией существительного *muerte* «смерть», а переносные обозначения смерти обладают комическими и даже гротескными коннотациями: *pelona* «лысая», *cabezona* «головастая», *dientona* «зубастая», *la sin dientes* «беззубая», *flaca* «худая», *tembeleque* «дрожащая». Х.М. Лопе Бланч отмечает, что мексиканец относится к смерти «без уважения, как бы смеясь над ней» (*irrespetuosamente, como burlándose de ella*) [Lope Blanch

1963]. Отметим, что гротескные и комические составляющие являются частью содержания концепта «смерть» в мексиканском национальном варианте испанского языка.

Возвращаясь к обсуждаемому вопросу о границах юмора (точнее, об их кажущемся отсутствии), журналисты Моника Матеос и Анхель Варгас поясняют:

Sí, pero una cosa es hacerlo en privado y otra en público ‘Да, но одно дело, юмор в кругу друзей, а другое – на публике’. В числе запрещенных тем публичного юмора называются Президент, религия и военные. [“La Jornada”, 22 de junio de 1999; 23 de junio de 1999]. Следует, однако, признать, что в повседневной жизни эти ограничения снимаются, и достаточно острых, метких и даже злых шуток на эти темы очень много. Примером шуток о Президентах могут служить политические анекдоты, цитируемые в статье Самуэля Шмидта “*Chistes sobre un presidente sin chiste*”, опубликованной в еженедельном журнале “La crisis” [29 de mayo – 04 de junio de 1999]. Трудно не согласиться с автором, когда он говорит: *El chiste político contiene mensajes sobre la irritación provocada por la política* ‘В политическом анекдоте выражается возмущение, вызываемое политикой’. В качестве примеров политических анекдотов могут служить саркастически обыгрываемые на страницах журнала “*El Chamuco*” предвыборные обещания кандидатов на пост Президента, из которых процитируем наиболее безобидные:

Aboliré los temblores ‘Отменю землетрясения’,

Resucitaré a Paco Stanley ‘Воскрешу Пако Станли’,

No sólo dolarizaré la economía, sino que dolarizaré a los mexicanos ‘Я “долларизирую” не только экономику, но и всех мексиканцев’.

В качестве модели целостного юмористического дискурса и анализа закономерностей его построения обратимся к высказываниям, размещенным на сайте одного из старейших книжных магазинов Мехико – Librería Gandhi / «Либрерия Ганди» [www.gandhi.com.mx]. Юмористическая страница построена на обыгрывании существительного libro «книга» и создаваемых его окказиональными словоупотреблениями значениях, подтекстах и комических эффектах. Двадцать девять шуток сопровождаются пояснениями или представляют не комментируемые высказывания, понятные читателям «без слов».

1. *Siéntate a leer*

(*Libros para albureros*) ‘Садись читать (Книги для любителей шуток с подтекстом)’. Интенция помещенного в скобках комментария – объяснение, что текст будет насыщен языковой игрой и двойными смыслами, т.е. будет соответствовать речевым стратегиям альбуреро (alburero).

2. *Voy a devolver el libro*

(*Libros para anoréxicas*) 'Я верну книгу (Книги для страдающих анорексией)'. Языковая игра развивается на значениях полисеманта *devolver*: возвращать обратно (переходный глагол) и стошнить, вырвать (безличный глагол).

3. *Todos los escritores son iguales*

(*Libros para feministas*) 'Все писатели одинаковые (Книги для феминисток)'.

4. *A ver, abra su libro*

(*Libros para ginecólogos*) 'Ну-ка, откройте свою книгу (Книги для гинекологов)'.

5. *Mi libro es más grande que el tuyo*

(*Libros para hombres*) 'Моя книга больше, чем твоя (Книги для мужчин)'.

6. *Tráeme un libro, vieja*

(*Libros para machos*) 'Эй, женщина, принеси книгу (Книги для мачо)'. Обыгрывается несоответствие интеллектуального занятия чтением и бытовым поведением мачо, речевым проявлением которого в данном высказывании оказывается сниженно-пренебрежительное обращение к женщине *vieja* (досл. «старуха»).

7. *Mañana leo*

(*Libros para mexicanos*) 'Почитаю завтра (Книги для мексиканцев)'. Аллюзия склонности мексиканцев откладывать дела «на завтра», «на потом», нашедшая закрепление в понятии *mañanismo*.

8. *Que compres un libro, carajo*

(*Libros para neuróticos*) 'Да купи же книгу, ёлки-палки! (Книги для невротиков)'. Несоответствие интеллектуального содержания совета сопровождающему его жаргонному междометию *carajo*.

9. *ja,ja,ja, compra*

ji,ji,ji, libros, ja,ja,ja

(*Libros para pachecos*) 'Ха-ха-ха, покупай, хи-хи-хи, книги, ха-ха-ха. (Книги для наркоманов)'.

Pachecos – это курящие марихуану. Звукоподражания, воспроизводящие смех, вербально имитируют эйфорию после курения, что и составляет прагматический фон данного высказывания, маловероятно сочетающегося с намерением купить книги.

10. *Toca mi libro*

(*Libros para perversos*) 'Потрогай мою книгу (Книги для склонных к порокам)'.

11. *Te juro que es la primera vez que leo*

(*Libros para vírgenes*) ‘Клянусь тебе, я читаю в первый раз (Книги для девственников)’.

12. *Yo soy lector, cuando no sigo a los demás*

(*Libros para rebeldes*) ‘Я читатель тогда, когда не следую за общей массой (Книги для непокорных)’.

13. *Dame una “L”, dame una “I”,*

dame una “B”, dame una “R”,

dame una “O”, ¿qué dice?

(*Libros para porristas*) ‘«Дай мне L, дай мне I, дай мне B, дай мне R, дай мне O! О чем речь? (Книги для болельщиков)’. Прецедентный феномен – шумное и часто скандальное поведение болельщиков (*porristas*) на стадионах, где они скандируют лозунги.

14. *Asdkhd kcbgh nsfhj*

(*Al fin, nadie lee*) ‘Асдкд лсбг нсфх (В конце концов, все равно никто не читает)’. Обыгрывание бессмысленной буквенной последовательности.

15. *Nadien lee* ‘Нито не читает’. Обыгрывание просторечного узуса.

16. *O sea, lee* ‘Значит, читает’. Обыгрывание чрезмерного использования вводного выражения *o sea* ‘значит’, ‘так сказать’, ‘в общем’, засоряющего нормативную речь.

17. *Los ricos también leen* ‘Богатые тоже читают’.

Прецедентный феномен – название популярного сериала *Los ricos también lloran* / «Богатые тоже плачут».

18. *Santa: Si no leen,*

no les traigas nada ‘Дед Мороз (Санта Клаус), если они не будут читать, не приноси им подарки!’.

Прецедентное явление: письма детей Санта Клаусу с просьбой принести подарки. Автором высказывания выступают родители, стимулирующие детей читать.

19. *Noche de Paz.*

O de cualquier autor. Восприятие на слух словосочетания *Noche de Paz* теоретически допустило бы его интерпретацию на уровне предметно-логического значения генитивной конструкции с существительным *paz* «мир», т.е. «спокойная (тихая) ночь». Письменная речь и однозначная интерпретация написанного с заглавной буквы слова *Paz* как фамилии знаменитого мексиканского философа и поэта обуславливает общее прочтение высказывания как «Ночь с (Октавио) Пасом. Или с любимым другим писателем», на чем и основывается комический эффект.

20. *Lea, mijo* ‘Читай, мой мальчик’. Подтрунивание над распространённым и несколько слащавым обращением *mijo*.

21. *Es que amar*
y leer no es igual.
Amar es sufrir,

Leer es gozar ‘Любить и читать/ Не одно и то же/ Любить – это страдать/ Читать – получать удовольствие’.

Прецедентным высказыванием данного текста с квазиантонимиями «любить» и «читать» являются строки из песни популярного мексиканского певца Хосе Хосе (*José José*), семиотически организованные во круг противопоставления глаголов *amar* «любить» и *querer* «любить», «испытывать нежность», а также «желать», от которых происходят такие важные концепты испаноязычной культуры, как *amor* «любовь» / *caríño* «любовь», «нежность» (см. также: [Корнилов 2003, 192-193]:

Es que amar
y querer no es igual.
Amar es sufrir,

Querer es gozar ‘Любить и желать/ Не одно и то же/ Любить – это страдать/ Желать – получать удовольствие’. Юмористический эффект строится на стратегии снижения стилистического звучания и квазисинонимии глаголов *leer* и *querer*.

22. *Si bebe, no lea* ‘(В нетрезвом состоянии (досл. «Если выпьете»), не читайте’. Прецедентное высказывание – *Si bebe*, «(В нетрезвом состоянии (досл. «Если выпьете»), *no maneje* «Не садитесь за руль в нетрезвом состоянии», размещаемое на этикетках бутылок с алкогольными напитками и вдоль автотрасс.

23. *No digas chido*
porque se escucha

gacho ‘Не говори *chido* («красивый»), потому что слышится «*gacho*» («ерундовый»)»; обыгрывание фонетического созвучия жаргонизмов *chido* / *gacho* и их антонимичных значений «красивый»/ «некрасивый», соответственно.

24. *Cuatro horas diarias*
de televisión
y medio libro al año.

¡Adelante, México! ‘Четыре часа в день телевизионных программ и полкниги в год. Вперед, Мексика!’. Бравурный лозунг «Вперед, Мексика», следующий за констатацией предпочтения телевидения чтению, реализует саркастическую форму озабоченности снижением числа читателей.

25. *Leer, güey,*
incrementa, güey,

tu vocabulario, güey ‘Чтение, придурок, увеличивает, придурок, твой словарный запас, придурок’ («Чтение, блин, увеличивает, блин, твой словарный запас, блин»). Несоответствие интеллектуальности совета и сниженно-просторечной формы его выражения. *Viey* (и сниженно-просторечный вариант с начальным ослабленным щелевым [γ] *güey*) – мексиканизмы «придурок».

26. *Arriba. Abajo.*

Mejor así. Ah, sí, sí

(*Ya leíste el Kamasutra*) ‘Выше. Ниже. Так лучше. О, да-да (Ты уже прочитал Камасутру)’.

27. *Flaco loco vs. molinos*

(*Ya leíste a Cervantes*). ‘Сумасшедший тощатина против мельниц (Ты прочитал Сервантеса)’. Саркастическая профанация сюжета одного из величайших произведений общечеловеческого духовного значения – романа «Дон-Кихот» Сервантеса.

28. *Ya te hicimos leer* ‘Все-таки мы заставили тебя читать’.

29. *¿Amigos?*

Amigos mis libros ‘Друзья? Друзья – это мои книги’.

Материал данного целостного юмористического дискурса показывает, что примененные в нем стратегии создания комического реализуют следующие приемы.

Языковая игра, основанная на значениях полисемантов (2) ; квази-антонимов (21); омонимов (17), аллитерации (23), стилистическом противопоставлении формы содержанию (7, 9, 25).

Обыгрывание прецедентных феноменов через их профанацию (27), иронию (21, 24), гротескное высвечивание не одобряемых стереотипов поведения (6, 12, 13, 18, 21) и привычек (7, 22).

Окказиональное словоупотребление, создающее не приветствуемое моралью публичное прочтение (сексуальные аллюзии: 3, 4, 5, 10, 11, 12, 26).

Обыгрывание просторечия, неуместности жаргона (8, 9, 14, 15, 16) неудовлетворительного культурного уровня в целом (25), с чем, по коммуникативной интенции и прагматической направленности, и призван бороться созданный текст, поскольку его главная задача – приобщить к чтению, о чем свидетельствует вопросно-ответное единство с ответом-гиперболой в последнем образце шутки (29):

¿Amigos?

Amigos mis libros ‘Друзья? Друзья – это мои книги’.

Анализ мексиканского юмористического дискурса вряд ли позволяет заключить, что в нем имеются стратегии и формы, представ-

ляющие уникальные приемы создания комического. Уникальность состоит в когнитивном параметре, спроецированном на формальное выражение и отчасти это формальное выражение и обусловливающим. Формально-выразительные средства юмористического дискурса сопряжены с типологическими характеристиками испанского языка (морфонологической структурой слова, ресурсами омонимии, ресурсами синтаксиса, в первую очередь). Национальная специфика лексики, прецедентные феномены и национальная система ассоциаций и символов оставляют устойчивую когнитивную базу мексиканского юмористического дискурса.

4.3. Выводы

Анализ двух прагматических типов дискурса – этикетного и юмористического – позволяет интерпретировать их организацию через социокультурные, психологические и внутрисконструктурные факторы.

Мексиканский этикетный дискурс является органичной частью общеиспанской коммуникативной культуры в отношении выбора и реализации вербальных формул универсальных коммуникативных ситуаций. Национальная специфика проявляется, в основном, в реализации экспрессивно-окрашенных средств и в своеобразном воплощении категории вежливости.

Организующим центром категории вежливости в мексиканском этикетном дискурсе являются категории учтивости и деликатности.

Этикетный, а также противоположный ему «антиэтикетный» дискурс реализуют режим интенсивного диалога, с богатым репертуаром вербализации коммуникативных намерений.

При рассмотрении юмористического дискурса юмор был обозначен как спроецированные на языковую картину мира и реализуемые в ситуации смехового общения менталитет и особенности «коллективного бессознательного» как имманентной части национального характера.

Мексиканцам присуща склонность к языковой игре. Языковая игра касается построения реплик-стимулов, вербальной реакции на слова собеседника (реплик-реакций), широтой тематики и богатством дискурсивных проявлений.

Формально-выразительные средства юмористического дискурса мексиканцев сопряжены с типологическими характеристиками испанского языка (морфонологической структурой слова, ресурсами омонимии, ресурсами синтаксиса, в первую очередь).

Национальная специфика лексики, прецедентные феномены и национальная система ассоциаций и символов составляют когнитивную базу мексиканского юмористического дискурса.

В структурном аспекте оба проанализированных типа дискурса оказываются частью общеиспанского языкового континуума.

В когнитивном аспекте и этикетный (в том числе, в его «антиэтикетной» реализации), и юмористический дискурс являются релевантными отражениями языковой картины мира мексиканцев, в свою очередь, проекции менталитета и особенностей «коллективного бессознательного» как имманентной части национального характера мексиканцев.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ
МЕКСИКАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА
ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

**5.1. Языковая картина мира и семиотика
художественного текста**

Художественный текст служит неиссякаемым источником познания в гуманитарных науках, в первую очередь, в литературоведении и языкознании. Теория художественного текста, или лингвистическая поэтика, основы которой заложили Ю.Н. Тынянов, В.Б Шкловский, пражцы, ОПОЯЗ, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Ю.М. Лотман, Л.А. Новиков, сфокусировала главное внимание исследовательской деятельности на эстетической функции языка и его единиц. Филологический подход к художественному тексту, обозначенный в трудах Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского. А.М. Пешковского, Р.А. Будагова, Л.А. Новикова, обосновал необходимость полноценного понимания текста и – в лингводидактических целях – необходимость обучения его прочтению. «Филология – наука «медленного» чтения», – подчеркивает Л.А. Новиков [Новиков 1988, 34].

Получившая бурное развитие во второй половине XX веке семиотика, у истоков которой стояли Чарльз С. Пирс, Ч. Моррис, У. Эко, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, Л.А. Новиков и др., открыла новые перспективы в исследовании художественного текста в единстве семантики, синтактики и прагматики – трех основных измерений знака. Любой художественный текст как вид речевой коммуникации принадлежит семиотическому пространству или «семиосфере», по Ю.М. Лотману. Совокупность знаковых систем, открытых для интерпретации, образует, по У.Эко, мир культуры, а условием для понимания отдельных сообщений оказывается владение кодом, при этом «найти код – это и значит теоретически постулировать его» [Эко 1998, 66].

Категории и значения художественного текста объемны и многогранны. Во многом они раскрываются в зависимости от степени готовности и возможности (умения) адресата (читающего) «раскодировать» художественный текст. Ю.М. Лотман отмечает: «Текст несет тройные значения: первичные – общеязыковые, вторичные, возникающие за

счет синтагматической переорганизации текста и сопоставления первичных единиц, и третьей ступени – за счет втягивания в сообщение внетекстовых ассоциаций разных уровней – от наиболее общих до предельно личных» [Лотман 1996, 35]. К «предельно-общим» «внетекстовым ассоциациям», с которыми неразрывно связан художественный текст, можно отнести национально маркированные и культурно обусловленные представления лингвокультурной общности как обобщенного протагониста реалистической составляющей художественного текста.

Подобные национально маркированные и культурно обусловленные представления являются органичной частью менталитета и языковой картины мира носителей языка. Языковую картину мира, в свою очередь, можно расценивать как один из семиотических кодов культуры. Тогда рассмотрение художественного текста в единстве общеязыковых, индивидуально-авторских и культурологических (через призму ЯКМ) семиотических кодов позволяет полнее понять его уникальную эстетику. Такой подход к художественному тексту представляется полезным в осуществлении диалога культур – неотъемлемой составляющей современного цивилизационного процесса и современной методики преподавания иностранных языков, в частности. Широко известное высказывание М.М. Бахтина о том, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин 1986, 354] приобретает при этом новое звучание. Поскольку современный этап обучения иностранным языкам предполагает аспект межкультурной коммуникации и взаимодействия культур и «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [Тер-Минасова 2000, 28], комментированное чтение в процессе преподавания иностранных языков иноязычного художественного текста и рассмотрение его эстетики через призму менталитета и языковой картины мира носителей языка эффективно для полноценного формирования чувства сопричастности к культуре стран изучаемого языка и для формирования инокультурной и межкультурной компетенции в целом.

Особенности ЯКМ мексиканцев и своеобразие лексики мексиканского национального варианта испанского языка как семиотические коды эстетики художественного текста мы рассмотрим на материале романа Карлоса Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* / «Смерть Артемio Круса» и романа Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* / «Шоколад на крутом кипятке».

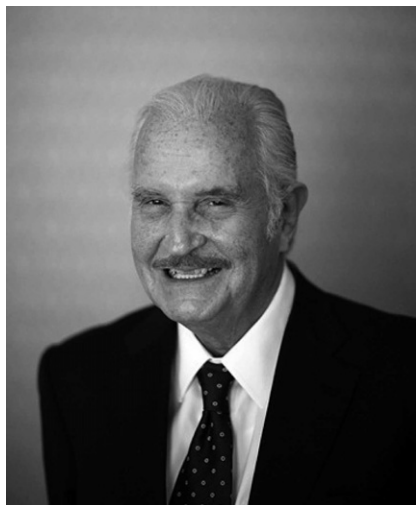
Карлос Фуэнтес (1928-2012) – выдающийся мексиканский писатель, блистательный представитель «нового латиноамериканского романа».

Лаура Эскивель (р. 1951) считается на сегодняшний день одним из самых успешных и читаемых испаноязычных авторов, а литературная критика называет ее ярким продолжателем традиций магического реализма.

Переводы на русский язык обоих романов – первые произведения Карлоса Фуэнтеса и Лауры Эскивель, с которыми познакомился русскоязычный читатель (в 1965 г. и в 2001 г., соответственно). Выбор для анализа данных текстов продиктован гипотезой, что, являясь частью «семиосферы», по Ю.М. Лотману, мексиканской культуры, эти тексты служат репрезентативным и достоверным материалом для исследования отражения языковой картины мира мексиканцев в эстетической структуре художественного текста.

5.2. Мексиканское культурное пространство в романе Карлоса Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* / «Смерть Артемио Круса»

Илл. 28. Карлос Фуэнтес (1928-2012)

Роман Карлоса Фуэнтеса *La muerte de Artemio Cruz* / «Смерть Артемио Круса» (пер. М.И. Былинкиной) вышел в свет в 1962 г. Действие книги охватывает более чем полувековой период истории Мексики XX века, спроецированный на жизнь главного героя. Развивая тради-

ционные темы латиноамериканской литературы – насилие и одиночество – «две мучительные болезни Латинской Америки, наложившие неизгладимую печать на общественные отношения и национальный характер почти во всех ее странах» [Кутейщикова, Осповат 1976, 23], роман «Смерть Артемио Круса» поднимает вечные вопросы человеческого существования: допустимость и последствия компромисса с совестью, верность себе и своей судьбе, отражение в жизни конкретного человека судьбы нации. «Смерть Артемио Круса» Фуэнтеса, как справедливо отмечает А.Ф. Кофман, – это роман об экзистенциальном выборе [Кофман 2001, 20].

Несмотря на кажущуюся хаотичность временных и событийных пластов, роман имеет четкую семиотическую структуру. Коммуникативно-семиотическая схема романа образует трехчленную парадигму лица: я, ты, он. Предельная откровенность героя в течение двенадцати часов одного дня перед лицом неотвратимой смерти (исповедальный «я»-дискурс), голос подсознания («ты»-дискурс) и канва событий вне хронологической последовательности («он»-дискурс) создают уникальную эстетику текста и его полифонию. Одна из особенностей полифонии романа заключается, как отмечено Н.М. Польщиковым, в том, что «диалог противоборствующих истин переносится здесь внутрь сознания героя, диалогические отношения устанавливаются не между различными персонажами и их мирами, но между конфликтующими частями расколотого внутреннего мира протагониста» [Культура Латинской Америки 2000, 662].

Илл. 29. Русское издание романа «Смерть Артемио Круса»

Важная роль в эстетике романа отводится особенностям менталитета и языковой картины мира мексиканцев. Топонимия, лексика, имеющая исторические, архитектурные, этнографические реалии, реалии мексиканской кухни, а также объекты природного мира (флора и фауна) образуют фундамент мексиканского «предметного мира» и мексиканского культурного пространства, в который погружено и на фоне которого развивается повествование.

Топонимическое пространство романа создает географическое правдоподобие и географическую достоверность текста. Перемещение героя в течение его жизненного пути, диспозиция войск революционной армии, местонахождение жилища выражаются с помощью различных реальных топонимов, наиболее характерные из которых – названия административных единиц (названия штатов Мексики), городов, водных объектов, а также городская топонимия, в первую очередь названия улиц и районов. Приведем характерные примеры.

Населенные пункты:

*Todo un muro de tu despacho estará cubierto por ese cuadro que indica la extensión de y las relaciones entre los negocios manejados: el periódico, las inversiones en bienes raíces – México, Puebla, Guadalajara, Monterrey, Culiacán, Hermosillo, Guaymas, Acapulco-, los domos de azufre en Jáltipan, las minas de Hidalgo, las concesiones de madereras en la Tarahumara** (15) ‘Во всю стену кабинета распластается карта, показывающая масштабы твоей деятельности и деловые связи: газета и надежные капиталовложения в Мехико, Пуэбле, Гаудалахаре, Монтеррее, Кулиакане, Эрмосильо, Гауймасе, Акапулько; серные разработки в Халтипане, рудники в Идалго, лесные концессии в Тараумаре’ (129).

Возвышенности:

Ahora desde la ventana de su recámara, lo vio coronando el lejano Citláltepetl (93) ‘Из окна своей спальни она смотрела, как разливается сияние вокруг далекой вершины Ситлальтепетля’ (195).

Городская топонимия (названия улиц):

Bajaron en silencio y caminaron hacia la Avenida 5 de Mayo (27). ‘Они молча спустились по лестнице и пошли к проспекту Пятого мая’ (139).

* Примеры на испанском языке цитируются по изданию: Fuentes, Carlos. La muerte de Artemio Cruz: Novena reimpresión. México, 1985. Русский перевод дан по изданию: Смерть Артемио Круса. Перевод М. Былинкиной // Ф у н т е с, Карлос. Замаскированные дни: Рассказы; Аура: Повесть; Кукла-королева: Рассказ; Смерть Артемио Круса: Роман. – М., 2001, с.121-381. Числа в круглых скобках означают номера страниц.

В эпизоде, посвященном празднованию Нового, 1956 г., появляется презрительно-завистливое прозвище состарившегося Артемио Круса – *la momia de Coyoacán* (мумия из Койоакана), где Койоакан – название престижного района в столице страны – г. Мехико, где располагался дом А.Круса:

Que lo llamen, entre risas y cuchicheos, la momia de Coyoacán (261) ‘Пусть называют его, хихикая и шушукаясь, мумией из Койоакана’ (334).

...*le dicen la momia, la momia de Coyoacán* (265) ‘его называют мумией, мумией из Койоакана’ (338).

Этимология названий вулканов *Popocatepetl* «дымящаяся гора» и *Iztaccihuatl* «белая женщина» и связанная с ними ацтекская легенда о доблестном воине Попокатепетле, превратившемся в вулкан и охраняющем вечный сон своей возлюбленной Истаксиуатль, использована как эстетическое основание обозначений этих вулканов в следующем контексте:

La mañana azul y límpida recortaba y acercaba las líneas de los volcanes: la pareja de la mujer dormida y su guardián solitario (47) ‘В прозрачной утренней голубизне еще четче вырисовывались, еще теснее прижимались друг к другу два вулкана: спящая женщина и ее одинокий страж’ (156). Симптоматично, что в русском переводе (156) дана подстрочная ссылка, объясняющая иноязычному читателю устойчивые мексиканские культурные символы («спящая женщина» и «одинокий страж» как обозначения вулканов Истаксиуатль и Попокатепетль, соответственно), являющиеся достаточно легко декодируемыми для мексиканца.

Достоверное топонимическое пространство текста создается и за счет активного использования оттопонимных прилагательных мексиканского национального варианта испанского языка:

poblado chihuense (деревушка в штате Чиуауа); *las muchachas duranguueñas* (девушки из Дуранго); *las muchachas chihuenses* (девушки из Чиуауа); *sierra sinaloense* (горы в Синалоа); *viejo casco veracruzano* (старый дом под Веракрусом); *son veracruzano* (веракруссский сон). В тексте запечатлено и прилагательное *jarocho* – мексиканский синоним оттопонимного прилагательного *veracruzano*:

Y tú sólo quisieras, al recostarte sobre la arena y escuchar la vihuela jarocho de los pescadores, sólo quisieras explicarle que los años pasados, hace cuarenta, algo se rompió aquí, para que algo comenzara o para que algo, aún más nuevo, no empezara jamás (227).

Историческая достоверность текста проявляется в использовании мексиканских исторических реалий и аллюзий типа *pelones* (лысые) –

обозначение федералов, *ejidatarios* – члены крестьянского кооператива «эхидо», *carranclanes* – карранкланы (уничжительное название сторонников Венустиано Каррансы).

Развернутые исторические символы образуют протяженные фрагменты текста. Вот, например, как называется год, в котором родилась бабка Артемио Круса Людивиния:

... *el año de la primera revoltura, cuando la gritería de palos y piedras se levantó en el curato de Dolores* (294) ‘в год первой сумятицы, когда в церковном приходе Долорес слышались вопли и свист камней’ (362). Имеется в виду 1810 г., когда в селении Долорес местный священник Мигель Идальго (1753–1811 гг.) ударил в колокол и обратился к народу с призывом к вооруженному восстанию за освобождение Мексики от испанских колонизаторов.

Исторический контекст романа создается также его многоголосием. Так, обозначение католического храма как *santuario erigido para honrar al dios de los teúles* (107) ‘святой храм, воздвигнутый во славу бога теулов’ (206), где *teúles* – ацтекское название испанцев [Santamaría 1992, 1010; Cabrega 2002, 136], задаёт точку зрения индейцев, а индейский компонент нашел существенное отражение в менталитете и языковой картине мира мексиканцев. В следующем же контексте за счет разговорно-просторечных обозначений исторических лиц (Президент Мексики в 1911-1913 гг. Франсиско Мадеро упоминается в уменьшительно-ласкательной форме имени собственного *Francisco – Panchito*, а генерал Уэрта – как «пьяница Уэрта») создается голос простых солдат революционной армии:

Ahora había que llegar a México y correr de la presidencia al borracho Huerta, el asesino de don Panchito Madero (70) ‘Теперь надо взять Мексику и выкинуть из президентского дворца этого пьяницу Уэрту, убийцу дон Панчито Мадеро’ (176).

Историческую достоверность имеют отражаемые в романе **культурно-специфические символы Мексики**. Обратимся к воображаемому диалогу Артемио Круса с женой и дочерью. Укоряя женщин в нелюбви, герой говорит, что именно благодаря ему жена и дочь избежали бедности. В ином случае они были бы обречены довольствоваться радостями простых мексиканцев. В лингвокультурологическом плане здесь интересно перечисление культурно-специфических символов Мексики:

<...> *imaginense con todas las justificaciones que yo les evité, imaginense teniendo que gritar como México no hay dos para sentirse vivas, imaginense teniendo que sentirse orgullosas de los sarapes y Cantiflas y la música de mariachi y el mole poblano para sentirse vivas, ah-jay, imaginense teniendo*

que confiar realmente en la manda, la peregrinación a los santuarios, la eficacia de la oración para mantenerse vivos, <...> (86) ‘Только подумайте, от каких пошлостей жизни я вас избавил: вам пришлось бы кричать повсюду, что нет другой такой чудесной страны на свете, как Мексика, пришлось бы кичиться сарапе и Кантифласом, музыкой марьячей и «моле поблано», пришлось бы и впрямь верить в чудеса святых мест, исцеления и молитвы, чтобы быть счастливыми’ (188). Примечательно, что в переводе соответствующего фрагмента М.И. Былинкина дает подстрочные примечания: «Сарапе – мексиканская национальная накидка, плащ; Кантифлас – популярный комический артист мексиканского кино; марьячи – народный ансамбль аккомпанирующий пению и танцам; «моле поблано» – мясо с острой подливкой» (188).

Как уже было сказано выше, одной из доминант менталитета и языковой картины мира мексиканцев оказывается синкретизм культуры страны, впитавшей сохраненные сокровища культуры индейцев, черты испанской культуры и элементы негритянской культуры. Это также отражено в историко-культурном контексте романа:

Avanzarás y penetrarás en la nave de bajel, donde el exterior castellano habrá sido vencido por la plenitud, macabra y sonriente, de este cielo indio de santos, ángeles y dioses indios (35-36) ‘Ты пойдешь дальше и вступишь в неф этого храма-корабля, где кастильский экстерьер будет подавлен обилием святых и ангелов с индейского неба, мрачных и улыбочивых индейских богов’ (146);

Los frailes mostraron estampas y grabados a los artesanos indígenas, y ellos fueron convirtiendo en formas cristianas sus gustos (47) ‘Монахи показывали эстампы и гравюры индейским ремесленникам, и те создавали христианских святых в своих традициях’ (156).

Архитектурная достоверность текста в целом участвует в формировании его эстетики. Напомним, что в семиологической модели Умберто Эко особо представлены коммуникативные возможности архитектурных знаков [Эко 1998, 203-258]. Для рассматриваемого текста характерно подробное упоминание архитектурных элементов – «семантических кодов», по У.Эко [Эко 1998, 233], к примеру:

El vio pasar el domo naranja y las columnas blancas, gordas del Palacio de Bellas Artes (...) (21) ‘Он видел, как мимо пронеслись толстые белые колонны и апельсиновый купол Дворца изящных искусств’ (134).

Через подобное называние архитектурных подробностей также формируется мексиканское культурное пространство текста:

la portada ocre, veneciana del Correo (21) ‘венцианский фасад цвета охры здания Почтамта’, *los mosaicos azules de Sanborn’s* (21) ‘голу-

бой кафель отделки Санборнса', *el piso de tezontle parejo* (126) 'туфовый пол', *el inmenso Zócalo* (137) 'огромный Сокало' (137), *la silueta eclesiástica de México* (137) 'силуэт Мехико с его церквами', *el nuevo frente moderno de Acapulco* (151) 'вид современного Акапулько'.

Архитектурный код взаимодействует с другими кодами. Так, через архитектурные знаки находят выражение тактильные воспоминания молодости (*sensaciones táctiles de la juventud*) Артемио Круса:

El prefirió encontrar estos viejos muros, con sus dos siglos de cantera y tezontle, que de una manera misteriosa lo acercaban a episodios del pasado, a una imagen de la tierra que no quería perder del todo (253) 'Он предпочитал эти старые, двухвековые стены из обтесанного вулканического камня тесонтле, таинственным образом приближавшие его к событиям прошлого, к земле, с которой не хотелось расставаться' (327). В приведенном примере науатлизм *tezontle* именуется камень вулканического происхождения, широко применявшийся в архитектуре г. Мехико [Cabrera 2002, 136-137].

Пройдя путь от нищего солдата революционной армии до миллионера, Артемио Крус душевно одинок. Его душевный вакуум восполняется обладанием роскошью. Материальные предметы, которыми владеет Артемио Крус, выписаны с тщательными и детальными подробностями, занимающими важное место в ряду изобразительных средств романа. Неоднократно в этих контекстах появляется науатлизм *ayacahuite*, именующий дерево с душистой древесиной аякауите, что эстетически воссоздаёт детали мексиканского предметного мира:

<...> *no tocarán las tallas suntuosas, las taraceas opulentas, las molduras de yeso y oro, las cajoneras de hueso y carey, las chapas y aldabas, los cofres con cuarterones y bocallaves de hierro, los olorosos escaños de ayacahuite, las sillerías de coro, los copetes y faldones barrocos, los respaldos combados* <...> , *eso no lo tocarán: eso será tuyo* (249) 'Все равно им не достанутся эти роскошные скульптуры, великолепные инкрустации, золотые и гипсовые статуэтки, костяные и черепаховые шкатулки, узорные задвижки и ручки, сундуки с филенками и железными кольцами, скамьи из душистой древесины аякауите, старинные стулья, барочные лепные украшения, кресла с изогнутыми спинками <...> – нет, до этого они не дотронутся, это останется твоим' (324);

Alto, columpiado sobre los talones indecisos, con el pecho grueso y las manos colgándole, nerviosas, surcadas de venas gruesas también, recorrió con lentitud los pasillos enjalbergados, pisando los hondos tapetes de lana, mirándose en los espejos patinados y en los cristales dispersos en las cómodas coloniales, rozando con los dedos las chapas y aldabas,

los cofres con cuarterones y bocallaves de hierro, los olores escaños de ayacahuite, las taraceas opulentas (251) 'Высокий старик с широкой грудью и висевшими, как плети, нервными руками, изборожденными толстыми венами, медленно и неуверенно брел по светлым коридорам, приминая ворсистые ковры, глядясь в блестящие зеркала и стекла старинных «колониальных» комодов, мимоходом поглаживая пальцами узорные задвижки и ручки, резные сундуки с железными замками, скамьи из **душистой древесины аякауте**, великолепные инкрустации' (325).

Национальное культурное пространство неразрывно связано с **миром природы**. Богатейшая мексиканская **флора** находит отражение в сценах детства Артемио Круса, а также в полных лиризма страницах, посвященных сыну Артемио Круса Лоренсо и его возлюбленной – испанке Долорес:

El le contó que venía de México y que allá vivía en un lugar caliente, cerca del mar, lleno de frutas. Ella le pidió que le hablara de las frutas tropicales y le dieron risa los nombres que nunca había escuchado y le dijo que mamey parecía nombre de veneno y guanábana nombre de pájaro (238) 'Он ей рассказал, что приехал из Мексики, что жил там неподалеку от моря, где очень тепло и много фруктов. Она попросила его рассказать о тропических фруктах и очень смеялась над их странными названиями, которых раньше никогда не слышала. По ее мнению, слово «мамэй» больше подходило бы для яда, а «гуанабана» – для птицы' (314).

Флористические имена мотивируют цветовые обозначения. Например, в основе характеристик смуглого цвета кожи лежат сравнения с цветом пинии: и корицы. Интересен контекст, упоминающий маис:

Él, sin sombrero, se metió por la cabeza el gabán de hojas de elote (110) 'Он, без шляпы, накинул на себя плащ **цвета кукурузных початков**' (208).

Фауна как часть реального природного мира, в который погружено и на фоне которого развивается повествование, также наделяется эстетической и оценочной символикой. Певчая птица сенсонть (*cenzonil* – заимствование из науатль) становится в эстетике текста символом мира и покоя; сцена расставания маленького Артемио с воспитавшим его мулатом Лунеро сопровождается испуганным криком попугая гуакамайя:

Una brisa extraña hizo chocar los cabos suspendidos, una guacamaya asustada dio el alarido del mediodía (286) 'Налетевший ветерок чокнул друг о друга свисавшие на фитильках свечи; вспугнутый **попугай** тревожным криком возвестил о полуденном часе' (356).

Объекты животного мира мотивируют сравнения:

El ventilador giraba como un zopilote capturado (161) ‘Конвульсивно двигались крылья вентилятора – как у пойманного сопилота’ (250) и переносные значения. Зооморфизм *coyote* ‘маклер’ (прямое значение – ‘койот, луговой волк’) находим в уже упоминавшемся эпизоде празднования Нового, 1956 года. Перед взором престарелого Артемио Круса – «мумии из Койоакана» – проносятся фигуры танцующих на Новогоднем вечере, и хозяин роскошного особняка мысленно называет их и дает им характеристики. «Койоты» (*coyotes*) в ряду танцующих – это посредники в сделках, устойчиво ассоциирующиеся с хищниками:

los conoce... industriales... comerciantes... coyotes... niños bien... agiotistas (260) ‘Он знает их... промышленники... коммерсанты... шакалы... лизоблюды... биржевики...’ (333).

Далее в тексте появляется производное от зооморфизма *coyote* существительное с суффиксом действия *-aje*: *coyotaje* «подкуп», «взятничество»:

coyotaje en las secretarías de Estado (260) ‘взятничество в министерствах’ (333).

Природный мир в структуре текста органически входит в сцены пейзажа. Насыщенные образами земли (ландшафтными и флористическими, в первую очередь), элементы пейзажа в повествовании делают объемнее события внутренней, психической жизни героев. В качестве иллюстрации приведем размышления Каталины о чувствах к мужу, «разрывающиеся» сценами пейзажа:

«Tengo derecho; está bendito por la Iglesia»

Ahora desde la ventana de su recámara, lo vio coronando el lejano Citláltepetl (93) ‘«Имею право, церковь благословила...»

Из окна своей спальни она смотрела, как разливается сияние вокруг далекой вершины Ситлальтепетля’ (195).

“Parece bastarle esta pasión con que lo acepto durante la noche”.

Tierras de maíz, en la breve cuenca irrigada que rodeaba los cascos de las viejas haciendas: Bernal, Labastida, Pizarro; tierras de maguey y pulque más allá, donde el tepetate comenzaba otra vez (96) ‘«Ему, кажется, вполне достаточно моей страсти по ночам».

На орошаемых землях небольшой долины, что опоясывала старинные асьенды – Бернала, Лабастиды и Писарро, – он заложил плантации маиса. Дальше были посадки магеев, там, где снова начинались каменистые равнины’ (197).

Мир повседневной жизни воссоздается в тексте метаязыком **мексиканской кухни**:

El candidato no perdió la compostura, los indios mascaban los tacos y el cedió la palabra a otro letrado de la región, mientras la tambora indígena lo saludaba y el sol se escondía detrás de las montañas (109) 'Кандидат, однако и бровью не повел, индейцы продолжали жевать лепешки. Он передал слово другому местному просвещенному оратору, которого встретила приветственная дробь индейского барабана. Солнце уже клонилось к горам' (208).

Простая национальная еда упоминается в контекстах, посвященных быту солдат революционной армии:

Braseros colmados de enfrijoladas. Platos de huevos rancheros (72), где *enfrijoladas* – «похлебка из фасоли»; *huevos rancheros* – мексиканское название вареных яиц;

Desde ayer, se habían agotado las bolsas de pinole (170-171); *pinole* – напиток из кукурузной муки, риса и шоколада.

Метаязык кухни наделяется в структуре текста конституирующей и символической функцией. Помимо участия в создании повседневного, «вещественного» мира романа, гастрономические названия передают настроение и внутреннее состояние героев. Приведем характерные иллюстрации:

Podían comer juntos. ¿Conocía un lugar nuevo? El secretario dijo que sí, un lugar de antojitos nuevo y muy simpático; muy buenas quesadillas, de flor, de queso, de huitlacoche: estaba a la vuelta (26-27).

Существительное *tequila* употреблено в тексте как существительное мужского рода, что составляет его специфику в мексиканском национальном варианте испанского языка:

Tomó la pistola y dejó el cigarillo en un equilibrio precario sobre el borde del vaso, sin darse cuenta de que la ceniza cayó dentro del tequila y se depositó en el fondo (127).

Глубоко переживающий гибель своей первой и единственной искренней любви – Рехины, Артемио Крус заглушает боль мескалем – мексиканской водкой из сока агавы:

Buscó a tientas, en el cuarto oscuro, la botella de mezcal (82).

И именно через национальную пищу Артемио Крус возвращается к жизни и вновь обретает силу:

Metió el cucharón en el caldo hirviente del menudo, pellizó la cebolla, el chile en polvo, el orégano; masticó las tortillas norteñas, duras, frescas; las patas de cerdo. Estaba vivo (84) 'Сунул ложку в кипящее варево из потрохов. Отщипнул луку, добавил красного перца, орегана, пожевал горячих маисовых лепешек, погрыз свиную ножку. **Он жив**' (186).

Наконец, еще одна важная реализация метаязыка кухни в тексте романа происходит в контексте детального и красочного описания «вещного» мира, возникающего в воображении умирающего Артемио Круса, где гастрономические образы (в том числе, национальные) символизируют связь с жизнью и тающую недюжинную жизненную силу протагониста:

<...> *Gloria salió, se fue hace un buen rato con el hijo de Padilla, se están besuqueando en la sala, aprovechando que no hay nadie.- porque sigo con los ojos cerrados y sólo pienso en chuletas de puerco, el lomo asado, en barbacoa, en pavos rellenos, en las sopas que me gustan tanto, casi tanto como los postres, ah, fui muy dulcero y aquí los dulces son deliciosos, dulces de almendra y piña, de coco y leche cuajada, ah, ah, leche quemada también, chongos zamoranos, pienso en los chongos zamoranos, frutas cristalizadas, y huachinangos, robalos, lenguados, pienso en ostras y jaibas* (142) <...> Глория ушла, недавно ушла с сыном Падильи: лижутся в зале, пока там нет никого. Я лежу с закрытыми глазами. Видятся мне свиные отбивные, кровавые бифштексы, жареный барашек, фаршированные индейки, супы – супы я очень люблю почти так же, как сладкое. Ох, я всегда был сластена, а сласти бывают чудесные: из миндаля и ананаса на кокосовом и кислом молоке, на топленом тоже – это чонгос саморанос, да, цукаты... И рыба хороша: уачинанго, камбала, робало, а устрицы и крабы...’ (235-236).

Национальный предметный мир передается в тексте и названием деталей одежды персонажей. В следующем описании облика простых солдат употреблен индихенизм *huaraches* (*guaraches*) «кожаные сандалии» – заимствование из языка тарасков [Santamaría 1992, 575]:

Pocas botas: pantalón de mezclilla y zapato de cuero amarillo, cuando no huaraches. (72) ‘Мало кто в сапогах: из-под миткалевых штанов выглядывали башмаки из желтой кожи, а то и просто урачи’ (177).

Сандалии урачи на безжалостно повешенных крестьянах бросаются в глаза молодому лейтенанту Крису:

A la altura de las miradas – perdidas unas, enfurecidas otras, la mayoría dulces, incomprendidas, llenas de un dolor quieto – sólo los huaraches enlodados, los pies desnudos de un niño. Las zapatillas negras de una mujer (81).

Одним из средств воссоздания в тексте мира повседневной жизни мексиканцев оказывается **национально-специфичная лексика мексиканского национального варианта испанского языка**, обнаруживаемая в диалогической речи персонажей романа. Лексические пласты, регулярно воспроизводимые в тексте, это экспрессивно-оценочные и

эмоционально окрашенные существительные, индихенизмы как отражение мексиканского предметного мира, оценочные прилагательные и наречия, коннотативно окрашенные формы обращения, мексиканская фразеология, жаргонная лексика, грамматическое своеобразие реализации лексических единиц.

Вот лишь несколько примеров. Мысленно обращаясь к американским партнерам, Артемио Крус называет их *tarugos*, что в мексиканском и гватемальском национальных вариантах испанского языка означает «болваны»:

Jé. Jé. Eso estuvo bien explicado. Tarugos. Si no les defiendo yo sus intereses, tarugos. (87) ‘Хе-хе. Неплохо я сказал. Идиоты. Ох, убирайтесь вы все, дайте мне послушать’ (189).

Любовница богача Коуто называется в диалогической речи *güerota; güero, güera* – излюбленные мексиканские обозначения светловолосых людей; экспрессивность существительного достигается увеличительным суффиксом –от:

Además, tenemos unas fotos de Couto en un cabaret con una güerota que de plano no es Madame Couto. (88) ‘Кстати, у нас есть фотоснимки Коуто в кабаре с какой-то девицей, которая никак не похожа на мадам Коуто’ (190).

Следующие примеры синонимической конденсации сближают по смыслу и отчетливо актуализируют значение «друг» и экспрессивные коннотации науатлизма *cuate*:

<...> los amigos, los hermanos, los cuates,istirarían los brazos y se harían quitar los sacos por las j’ovenes pensionistas de la Saturno (133) ‘Все – братья, друзья, приятели – раскинут в стороны руки и заставят юных пансионерок доньи Сатурно снимать с них пиджаки’ (227).

<...> y el otro prometió arreglar el asunto porque después de todo ya eran cuates, ya eran hermanos (138) ‘И шеф полиции обещал устроить ему это дело, потому что они теперь кумовья, они теперь побратимы’ (232).

В следующем примере актуализированы науатлизмы *guaje* – сосуд из тыквы, и *pulque* – алкогольный напиток из сока агавы магей:

Los guajes subían a los labios delgados de los penitentes y por los mentones escurría la flema espesa del pulque (107) ‘К бескровным губам кающихся поднимались бутылки, и по подбородкам текла густая жижа – пульке’ (206).

Пример использования национально-окрашенной фразеологии:

Así matarán a todos si no les partimos la madre. Vean. (81) ‘Они перебьют всех, если мы сами не перебьем им хребет. Смотрите’ (184).

<...>¿conocen mi albur? ¿lo entienden?: todo o nada, todo al negro o todo al rojo, con güevos ¿eh?, jugándose, rompiéndose la madre, exponiéndose a ser fusilado por los de arriba o por los de abajo; eso es ser hombre, como yo lo he sido <...> (120) 'Знаете правила моей игры? Понимаете их? Всё или ничего, всё на черное или всё на красное, всё – с потрохами! Играть напрапалую, идти напролом, без страха, что тебя расстреляют те, наверху, или те, внизу. Это и значит быть человеком, каким я был <...>' (217).

Жаргонная лексика также придает диалогам разговорно-обиходный колорит. Так, в случайно подслушанном разговоре Артемио Крус становится свидетелем того, как отзываются мужчины о красоте его молодой любовницы Лилии: *Está cuerísimo la vieja* (161) 'А хороша девчонка' (250). Исходный текст содержит яркие сниженно-разговорные образы: *vieja* «старуха» – сниженно-разговорный синоним слова *mujer* «женщина»; *cuero* «кожа» – жаргонизированная похвала женской красоте.

Грамматическое своеобразие реализации лексических единиц. Это, к примеру, возвратный узус глагола *reportarse* в значении «доложить о себе»; «доложиться»: *Venían cansados, desde Sonora, y merecían un asueto. A las once debían reportarse todos en la comandancia de la plaza.* (70); редупликация наречия *luego*: *luego luego*, давшая значение «немедленно»; ср. эпизод, когда адъютант генерала обращается к лейтенанту Крусу: – *Véngase prontito – jadeó mientras se limpiaba la cara con un pañuelo-*; *hay novedades: salimos luego luego* (71); значение «поздравление к именинам» у диминутивной формы существительного *mañana* «утро»: <...> *ese rostro anónimo que me lleva mañanitas el día de mi santo* <...> (163).

Важнейшую семиотическую роль в формировании функциональной и эстетической целостности романа занимает мотив виоленсии (*violencia*). Латиноамериканская виоленсия, как показано А.Ф. Кофманом [Кофман 1997, 273-287], образует сложный художественно-мифологический комплекс. В менталитете и языковой картине мира мексиканцев виоленсия нашла отражение в понятии *chingada*. Существительное *chingada* с суффиксом глагольного действия *-ada* мотивировано табуированным в литературном языке глаголом *chingar* «производить насильственный половой акт», «мешать», «раздражать», исключительно продуктивным в словообразовательном и экспрессивном аспектах и образующим ядро многих инвектив и откровенно грубых выражений. Агрессия является главной составляющей значения глагола *chingar* [Paz 1999, 84]. И именно этот смысл актуализирован в тексте романа:

<...> *somos hombres no mártires: todo nos será permitido si mantenemos el poder: pierde el poder y te chingan*<...> (124) ‘Мы люди, а не мученики. Нам все будет дозволено, если мы поддержим тех, кто у власти. Падет эта власть, и нас смешают с дерьмом’ (220).

Пример контекстуальной синонимии возвратного глагола *chingarse* и общеиспанского фразеологизма, восходящего к символике и метаязыку тавромахии *cortarse la coleta*, в значении «потерпеть провал» находим в следующем отрывке из диалога персонажей:

– “*Mire, le voy a explicar lo que se juega, por si no lo han entendido. Infórmele a la oficina central que si este dizque movimiento de depuración sindical triunfa, ya podemos cortarnos la coleta...*”

– “*¿La coleta?*”

– “*¡Sí, nos chingamos, en mexi...*”

¡Corten eso! – *grita Teresa, se acerca a la grabadora* . *¿Qué clase de falta de respeto?* (58) ‘– Видите ли, я хочу объяснить вам, что поставлено на карту: сами-то вы не додумались. Сообщите в Центральное управление, что, если это так называемое движение за профсоюзную чистку одержит верх, **нам придется прикрыть лавочку...** – **Лавочку?** – **Ну, как у нас в Мексике говорят, штаны снять да на все ...**» – Выключите! – крикнула Тереса, подскочив к магнитофону. – Что это за ужасные выражения? (166)’.

Как справедливо указывают В.Н. Кутейщикова и Л.С. Осповат, «чингада» не формула, а поэтический (при всей, казалось бы, антипоэтичности, вернее, антиэстетичности) образ системы насилия в ее неповторимо мексиканском варианте, развернутая во времени метафора, органичность и основательность которой подтверждается множеством фактов истории, быта, культуры Мексики» [Кутейщикова, Осповат 1976, 183].

В романе обнаруживаются многочисленные воплощения мотива виоленсии и «чингады». Главный герой романа – плод изнасилования белым негрятянки. Любовь Рехины и Артемио Круса зарождается после изнасилования девушки. Дряхлая Людивиния с гордостью называет достоинством любимого сына Атанасио изнасилование негрятянок и мулаток, а не соблазнение готовых отдаться женщин, как это было свойственно нелюбимому и презираемому сыну – Педро (299). Целая часть «ты»-дискурса посвящена слову «чингада». Вот ее начало:

TÚ la pronunciarás: es tu palabra: y tu palabra es la mía; palabra de honor: palabra de hombre: palabra de molino: imprecación, propósito, salud, proyecto de vida, filiación, recuerdo, voz de los desesperados, liberación de los pobres, orden de los poderosos, invitación a la riña y al trabajo, epígrafe

de amor, signo del nacimiento, amenaza y burla, verbo testigo, compañero de la fiesta y de la borrachera, espada del valor, trono de la fuerza, colmillo de la marrullería, blasón de la raza, salvavida de los límites, resumen de la historia: santo y seña de México: tu palabra (143-144) ‘Ты его произнес, произнесешь это слово, это матерное слово. Чингада. Оно – твое и мое. Слово людской чести, слово мужчины, слово повседневности, слово-жернов, перемальвающее массу понятий. Оно – все: проклятие, намерение, приветствие, мироощущение, духовное родство, вопль отчаяния, жалоба бедняка, приказ хозяина, повод для скандала, призыв к работе. Слово-спутник, завсегдатый праздников и пьянок, шпага мужества, постамент силы, мерило красноречия, слава нации, страж границ, детище истории, пароль и отзыв Мексики – вот оно что, это слово’ (236).

Сам же протагонист романа, как отмечает А.Ф. Кофман в предисловии к сборнику переводов произведений К. Фуэнтеса на русский язык, «воплощает в себе архетип латиноамериканского мачо (настоящего мужчины) или – уже чисто мексиканское понятие – архетип чингона» [Кофман 2001, 18].

Общеиспанское предметн’, ‘мужская особь’ развило в латиноамериканских вариантах испанского языка разнообразные экспрессивно-оценочные коннотации и вторичные смыслы [см.: ИРСЛА 2004, 409-410; БИРСЛА 2011, 495; ДН 2000, 308]. Пренебрежительное отношение к женщине, сила и её демонстрация перед мужчинами и женщинами, подчеркивание сексуальности отражены в словарном значении лексемы *macho* в мексиканском национальном варианте испанского языка [DEUM 1996, 577]. Рассмотрим смыслы данного слова, которые актуализируются в тексте.

- «Смелый, отважный человек»: – *Escoge a unos diez o doce entre los más machos y a ellos les das los rifles.* (101).
- «Настоящий мужчина»: – *Yo digo enteros, como machos, con éste o con el otro* (131).
- «Бабник»: *Ese matrimonio de clase media, con el lépero de siempre, el machito, el castigador, el pobre diablo* (159).
- «Приятель» – в обращении: – *Oye, machito, somos tres hombres condenados. El yaqui nos contó su vida* (197).

Что касается отглагольного существительного *chingón* с увеличительным суффиксом *-on*, то главная составляющая его смысла – это агрессия. Устойчивые представления, лежащие за этим словом, ярко и образно сформулированы в книге Октавио Паса «Лабиринт одиночества»:

El “Macho” es el Gran Chingón. Una palabra resume la agresividad, impasibilidad, invulnerabilidad, uso descarnado de la violencia y demás

atributos del “macho”: poder. La fuerza, pero desligada de toda noción de orden: el poder arbitrario, la voluntad sin freno y sin cauce [Paz 1999, 89] ‘Мачо – это Великий Насильник. Слово это вобрало в себя агрессию, безжалостность, неуязвимость, безудержную виоленсию и другие атрибуты «мачо», т.е. власть и силу. Силу безудержную и неупорядоченную – власть, не признающую ни тормозов, ни границ’.

«Словарь испаноамериканизмов, не зарегистрированных Королевской Академией» Рено Ришара указывает для современного мексиканского узуса три значения слова *chingón*:

1) мужчина, навязывающий свою волю с позиций насилия (виоленсии);

2) презренный;

3) великолепный [ДН, 2000, p.144].

Обратимся к примерам из романа:

¿A poco no somos los meros chingones? ¿Sabes? Escoge siempre a tus amigos entre los grandes chingones, porque con ellos no hay quien te chingue a ti. Vamos a beber.

Brindaron y el gordo dijo que el mundo se divide en chingones y pendejos y que hay que escoger ya. (129) ‘Скоро мы возьмем своё. Понял? Всегда дружи с матерыми волками, будешь с ними заодно – никто тебя не изматерит. Давай выпьем.

Они чокнулись, и толстяк сказал, что мир делится на заправил и мозгляков и что пришло время выбирать’. (224);

Un reflejo del cristal lo cegó y se llevó la mano a los párpados: siempre había escogido bien, al gran chingón, al caudillo emergente contra el caudillo en ocaso (137) ‘Солнце ударило в ветровое стекло, он прикрыл рукой глаза: да. До сих пор удавалось делать правильную ставку – на матерого волка, на восходящего каудильо – и бросать того, кто свое отжил (231).

Если в значении *chingón* превалирует агрессивно-активное начало, то в значении причастия *chingado* – идея пассивного носителя признака (пациенса) – объекта насилия, на которой и развиваются презрительно-пренебрежительные коннотации. Уничижительное обращение *chingado* (*chingao*) по отношению к нелюбимому сыну Педро употребляет старая Людивиния:

¡Ah, te veo, te veo, *chingao!* (297) ‘Вижу тебя, насквозь вижу, **слизняк**’ (365) – мысленное обращение;

¿vas a salir tú o voy yo, *chingao?* ‘Ты пойдешь или мне самой идти, **кретин?**’ (371) – обращение в приказе привести в дом подростка Артемио. Эта же ёмкая инвектива станет последними словами Людивинии, умирающей под ударами хлыста вербовщика:

– *Chingao* – le dijo al rostro que no alcanzó a ver, alto en la silla – *Chingao*: repitió, con el resplido del caballo cerca del puño levantado (306) ‘**Проклятый мерзавец!** – сказала она прямо в лицо, которого не видела, в лицо тому, кто был где-то наверху, в седле. – **Мерзавец,** – повторила она, поднеся кулачок к самой морде фыркавшей лошади’ (373).

Так же, как мотив виоленсии, исключительно важным для понимания семиотических кодов романа является национально-специфичное воплощение в менталитете и в языковой картине мира мексиканцев концепта «смерть». Слово *muerte* «смерть» в названии романа отражает наиболее существенное семиотическое содержание, вокруг которого построен весь роман:

tu muerte: animal que prevés tu muerte, cantas tu muerte, la dices, la bailas, la pintas, la recuerdas antes de morir tu muerte (278) ‘Твоя смерть: ты животное, которое предвидит свою смерть, воспевает свою смерть, говорит о ней, изображает в танце, рисует ее, вспоминает о ней до того, как умрет’ (349).

Итак, координаты мексиканского культурного пространства в романе Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» создаются, в первую очередь, за счет его исторического контекста. Они эстетически воплощены в лексике, именующей исторические, топонимические, ономастические, архитектурные, этнографические реалии, объекты природы, что образует фундамент мексиканского «предметного мира» романа. В тексте представлены разговорно-обиходная, национально-специфичная лексика мексиканского национального варианта испанского языка, индихенизмы, национально-окрашенная фразеология. На этой, во многом национальной основе развиваются и раскрываются вечные вопросы человеческого бытия: верность себе и своей судьбе, допустимость и последствия компромисса с совестью, отражение в судьбе отдельного человека судьбы нации.

5.3. Мексиканское культурное пространство в романе Лауры Эскивель *Como agua para chocolate* / «Шоколад на крутом кипятке»

Написанный в 1989 г., роман *Como agua para chocolate* / «Шоколад на крутом кипятке» (пер. П. Грушко) стал литературным дебютом Л. Эскивель, с которым она уверенно вошла в латиноамериканскую и мировую художественную литературу. Роман *Como agua para chocolate*

был переведен на 35 языков и снискал популярность у читателей многих стран мира. Успех романа и созданного на его основе фильма во многом объясняются необычностью стиля изложения, насыщенного гастрономическими терминами и аллюзиями, и, безусловно, собственно содержанием захватывающей истории, точнее, – историй любви, выписанных с сопереживанием и, несмотря на трагизм многих коллизий, – с искрометным юмором и оптимизмом.

Илл. 30. Лаура Эскивель

Действие романа разворачивается в начале XX в. между Пьедрас Неграс (Мексика) и Игл Пасс (США). Юные Тита и Педро беззаветно полюбили друг друга. Но соединиться в браке они не могут, т.к. незыблемая семейная традиция семьи Титы предписывает ей оставаться незамужней и ухаживать за матерью. Чтобы быть рядом с возлюбленной, Педро решает на отчаянный шаг и женится на Росауре, старшей сестре Титы, что и приводит к драматическим последствиям. Любовные отношения и кулинария в романе причудливо переплетаются, что создает особое очарование и магию произведения.

Роман имеет сложную текстовую структуру. Очевидной доминантой его стиля является мотив еды. При этом стиль мы понимаем по М.М. Бахтину: «Единство приемов оформления и завершения героя и

его мира и обусловленных ими обработки и приспособления (имманентного преодоления) материала мы называем стилем» [Бахтин 1986, 185].

Через этот доминантный стилеобразующий мотив создаются, раскрываются и дополняются образы героев, передается богатая гамма чувств, эмоций и рассуждений.

Мотив еды в романе *Como agua para chocolate* представлен многочисленными гастрономическими терминами (реальными и вымышленными), которые выступают в текстах рецептов, фразеологизмах с гастрономическим компонентом, гастрономических метафорах и сравнениях. Мотив еды воплощен и в отношении героев к еде и процессу приготовления пищи и его символической роли.

Рассмотрим каждую из этих составляющих.

Гастрономические термины как часть метаязыка кухни включают названия идущих в пищу продуктов, названия блюд и их ингредиентов, а также обозначения действий по приготовлению пищи. В гастрономической терминологии *Como agua para chocolate* Л. Эскивель мастерски сочетает реальность и вымысел, что придает тексту неповторимый колорит. Подавляющее большинство отдельно взятых гастрономических терминов романа – реальные и широко употребительные, поскольку «каждая из двух десятков литератур континента стремится в первую очередь отразить свою национальную среду» [Кофман 1997, 26]. Многие из гастрономических терминов отражают особенности мексиканской национальной кухни, ключевыми компонентами которой издавна являются маис (кукуруза) – *maíz*, фасоль (*frijoles*) и острый перец-чили (*chile*). Лексемы *maíz*, *frijoles* и *chile*, а также лексические единицы, связанные с ними ассоциативно, развили в мексиканском национальном варианте испанского языка многочисленные коннотации и богатую идиоматику и являются важными составляющими ЯКМ мексиканцев. Рассмотрим их функционирование в тексте романа.

Так, существительное *maíz* «кукуруза» присутствует в описательных контекстах как основной элемент повседневного питания, ср.:

Lo único que le quedaba en el granero, aparte del maíz para hacer tortillas, eran arroz y frijoles (179).*

Молодые кукурузные початки элотес (*elote* – заимствование из языка ацтеков – науатль) заставляет вылушивать маленькую Титу разгне-

* Здесь и далее примеры на испанском языке цитируются по: [Esquivel, 1990]; русский перевод дан по изданию: [Эскивель, 2001]. Цифры в круглых скобках означают номера страниц.

ванная мать, когда Тита случайно обнаруживает в шкафу шкатулку с ее тайной любовной перепиской:

La castigó en el granero y la pena consistió en desgranar 100 elotes (121).

Из названий реальных блюд на основе маиса в тексте запечатлены: *atole* «атоле» – густой безалкогольный напиток из кукурузной муки; *tortilla* «тортилья» – лепешка из пресного кукурузного теста и издавна один из неотъемлемых компонентов еды мексиканца; *tamal* «тамаль» – пирог из кукурузной муки с мясом и специями; *chilaquiles* «чилакилес» – кусочки тортильи, обжаренные в соусе из острого перца-чили и зеленого помидора; *taco* «так» – свернутая трубочкой тортилья; *champurrado* «чампуррадо» – безалкогольный напиток из атоле и шоколада; *enchilada* «энчилада» – тако с начинкой из острого перца-чили. *Atole, tamal, chilaquiles* – это индихенизмы (науатлизмы), происходящие из языка ацтеков – науатль, давшего подавляющее большинство лексических индихенизмов мексиканского национального варианта испанского языка.

Обратимся к функционированию перечисленных имен в тексте *Como agua para chocolate*. Одна из первых «гастрономических» характеристик главной героини – Титы – относится к её первым дням жизни, которые проходили на кухне, среди атоле и настоев чая:

Por tanto, desde ese día, Tita se mudó a la cocina y entre atoles y tés creció de lo más sana y rozagante (12), где *atole* выступает как неотъемлемый символ кухни и родного очага.

Коннотации *atole* как символа родного дома прослеживаются и в следующем контексте:

La vela, el libro y la foto afuera de la iglesia cupieron muy bien, pero no así el sabor de los tamales y del atole que Nacha les había preparado y que habían comido después en compañía de sus amigos y familiares (65-66).

Еще один примечательный пример использования в тексте *Como agua para chocolate* существительного *atole* – решение Титы кормить новорожденную племянницу, наряду с настояями чая, именно этим питательным напитком из кукурузных зерен:

Prefirió en cambio proporcionarle a Esperanza la misma alimentación que Nacha había utilizado con ella cuando era una indefensa criatura: atoles y tés (128).

Атмосфера кухни и безыскусная мексиканская еда пропитывают Эсперансу любовью и заботой:

<...> así que con tés y atoles crecía de lo más sana entre los olores y los sabores de este paradisíaco y cálido lugar (129).

В семиотике текста романа приведенные примеры примечательны выражением преемственности в передаче эмоций, чувств и лучших гуманных традиций. Еще один важный момент, связанный с общими особенностями художественного кода латиноамериканской литературы и прослеживаемый в семиотической роли в *Como agua para chocolate* гастрономического термина «атоле», состоит в следующем: как показано в работе А.Ф. Кофмана [Кофман 1997], в произведениях латиноамериканских авторов потребление растительной пищи устойчиво связано с символическим подтекстом и с выражением национальной идентичности героя [Кофман 1997, 200]. Подобный символический подтекст можно установить и у науатлизма *atole*, именующего напиток из повсеместно возделываемой в Мексике кукурузы, в свою очередь ассоциативно связанной с образом родной земли. Во всех контекстах романа *atole* символизирует родной дом. Кроме этого, науатлизм *atole* характеризуется в мексиканском национальном варианте испанского языка высокой идиоматической активностью [см., напр.: Cabrera 2002, 36; Santamaría 1992, 94-95]. В тексте *Como agua para chocolate* употреблен фразеологизм *tener atole en las venas* (дословно – «иметь в венах атоле») – «быть слабохарактерным». Значение этого фразеологизма гармонично встраивается в описание недоумения Педро от поведения бывшего претендента на руку и сердце Титы – Джона, когда тот демонстрирует незаурядную выдержку и сдержанность, воспринимаемые Педро как слабохарактерность:

No entendía nada de la actitud de John, ¡parecía que tenía atole en las venas! (197). Ср. перевод П. Грушко: «Ну и Джон – у него не кровь в жилах, а кисель-атоле!» (237).

Перейдем к другим гастрономическим терминам, связанным с маисом, которые встречаются в романе *Como agua para chocolate*. Подмеченный А.Ф. Кофманом ритуально-символический подтекст, возникающий при упоминании тортильи в прозе знаменитого мексиканского писателя К. Фуэнтеса [Кофман 1997, 200], можно вполне усмотреть и в анализируемом нами тексте *Como agua para chocolate*. Так, когда в фантазиях выходящей из тяжелой депрессии Титы появляется образ горячо любимой ею кухарки Начи, в этих видениях Нача выпекает вместе с Титой именно тортильи:

Con sus ojos cerrados se vio sentada junto a Nacha en el piso de la cocina mientras hacían tortillas de maíz <...> (97). Возвращение к национальной пище помогает вновь обрести себя, свою подлинность, что и происходит с выздоравливающей Титой в ходе повествования.

Такой же символический подтекст, и соответственно, эстетическую значимость, приобретает упоминание тамала. Так же, как и в уже приведенных выше примерах, где тамаль фигурирует вместе с атоле, этот любимый мексиканцами и сравнительно простой в приготовлении пирог из кукурузного теста символизирует родной очаг. В следующем контексте тамаль персонифицируется и наделяется фантастическими свойствами чутко реагировать на происходящее:

Algo anormal estaba pasando. Tita recordó que Nacha siempre le decía que cuando dos o más personas discutían mientras estaban preparando tamales, éstos quedaban crudos (187).

Как повседневная еда упоминаются в тексте и чилакилес (*chilaquiles*):

Se preparó unos chilaquiles y se sentó a comerlos en la mesa de la cocina (181); *Retiró el plato, le dio un sorbo a su café y empezó cuidadosamente a partir en trozos pequeños las orillas de las tortillas que había utilizado para hacer sus chilaquiles* (182).

Тортилья служат основой для приготовления другого знаменитого мексиканского блюда – *taco* «тако». Тако – свёрнутая трубочкой тортилья, обычно – с остро приправленной мясной начинкой. В тексте *Como agua para chocolate* с тако сравнивается искусно запелёнатый Титой (*envuelto como taco* – «завернутый, как тако») первенец Росауры:

Cuando por la noche llegaron Mamá Elena y Chenchá acompañada de los Lobo, se admiraron del profesional trabajo que Tita realizó. Envuelto como taco, el niño dormía tranquilamente (68). В переводе П. Грушко использовано другое основание сравнения аккуратно и умело запелёнатого младенца – «полешко»:

«Когда к ночи вернулись Матушка Елена с Ченчей, сопровождаемые женщинами из семейства Лобо, они были поражены профессиональной работой Титы. Спеленутый, как полешко, ребенок спокойно спал» (79).

Тако с начинкой называется в Мексике *enchilada* «энчилада». На этом основана образность реплики служанки Ченчи, выражающей возмущение по поводу решения Матушки Елены выдать замуж за Педро вместо Титы («энчилада») Росауру («тако»):

¡Su 'amá habla d'estar preparada para el matrimonio, como su juera un plato de enchiladas! ¡Y ni ansina, porque pos no es lo mismo que lo mesmo! ¡Uno no puede cambiar unos tacos por unas enchiladas así como así! (19).

Также в тексте запечатлено название популярного в Мексике напитка из атоле и шоколада *champurrado* «чампуррадо», которому припи-

сываются лактогенные свойства. Чампуррадо заставляет готовить для Росауры Матушка Елена:

- *¿Ya está listo el champurrado para tu hermana?*
- *Ya mami.*
- *Dámelo para que se lo lleve, necesita tomarlo día y noche, para que baje la leche* (72).

Так же, как маис, неотъемлемым компонентом мексиканской кухни являются многочисленные сорта острого перца-чили. Существительное *chile* также происходит из науатль. В мексиканском национальном варианте испанского языка оно приобретало целую палитру значений и богатую идиоматику. Словари американизмов и мексиканизмов приводят обширные фразеологические парадигмы существительного *chile* [ИРСЛА 2004, 250-252; Cabrera 2002, 69-70; Santamaría 1992, 385-386]. В тексте *Como agua para chocolate* перец-чили упоминается в текстах рецептов, названиях глав и в фразеологизме *peor es chile y el agua lejos* «не так страшен черт, как его малюют» (дословно «плох перец без воды»). Обладательница незаурядной силы воли, мать Титы употребляет этот фразеологизм, когда объясняет священнику, почему она не боится остаться на ранчо без мужчин:

Ni la revolución es tan peligrosa como la pintan ¡peor es chile y el agua lejos! (75). В русском переводе П. Грушко даёт искусную рифмованную стилизацию этого фразеологизма:

«*A революции не так уж и страшны, как их малюют. И перец не беда, коли есть вода*» (87).

Из национально-специфичной лексики, ассоциативно связанной с фасолью, в тексте запечатлен науатлизм *ejote* – «стручок молодой фасоли»:

Vació el caldillo ya sazonado con las papas y los ejotes en la olla donde había puesto a cocer las colitas de res (115).

Мексиканская кухня немыслима без шоколада. Напомним, что для мексиканца шоколад – это прежде всего жидкая субстанция – напиток, который в Мексике потребляют, по преданиям, со времен императора Монтесумы. Шоколад – это тоже символ идентичности, от внутрисемейной до национальной. Свежевзбитый шоколад мечтает попробовать по возвращении в родной дом «блудная дочь» Гертрудис:

Gertrudis se bajó del caballo y como si el tiempo no hubiera pasado, dijo con desparpajo que sabiendo que era día de partir la rosca de Reyes, había venido por una buena taza de chocolate recién batido. Tita, abrazándola emocionada, la llevó de inmediato a la mesa para cumplirle el deseo (154).

Сильную степень накала эмоций коллективный языковой опыт мексиканцев сравнивает с водой, используемой для растворения шоколада (по кулинарной технологии вода должна быть кипящей). Поэтому возникло устойчивое сравнение *como agua para chocolate* / «как вода для шоколада», и ставшее названием романа о страстях. В тексте *Como agua para chocolate* этот фразеологизм появляется при описании негодования и отчаяния Титы в один из ключевых моментов ее жизни – накануне обсуждения ее свадьбы с Джоном Брауном и открытого сопротивления этому ее постоянной любви – Педро:

Tita literalmente estaba «como agua para chocolate». Se sentía de lo más irritable. Hasta el canturreo tan querido de las palomas, que ya se habían reinstalado en el techo de la casa y que el día de su regreso le había proporcionado tanto placer, en este momento la molestaba (132) ‘Тита буквально чувствовала себя как шоколад на крутом кипятке. Ее прямо распирало от злости. Даже столь милое ее сердцу воркование голубей, вновь воцарившихся под крышей их дома и усладивших ее сердце в день возвращения на ранчо, раздражало ее сейчас’ (158).

Неоднократно в романе употреблен наутатлизм *mole*, именующий соус «моле» из перца-чили, зеленых помидоров и многочисленных специй и добавок (в том числе шоколада), а также блюдо типа жаркого из курицы, индейки или свинины с добавлением этого соуса. Готовкой моле Тита отмечает крестины первенца Педро и Росауры:

Con verdadero entusiasmo se dispuso a preparar con un día de anterioridad el mole para el bautizo (61).

Через моле раскрывается и восприятие блюд, которые готовят Тита:

<...>Tita respondía a esta pregunta diciendo que su secreto era que había preparado el mole con mucho amor (74).

Упоминаются в тексте романа эпасоте и чиа – экзотические для европейца мексиканские растения, используемые как ароматические добавки:

En cuanto Nacha lo vio entrar a la cocina salió casi corriendo, pretextando ir por epazote para los frijoles (p. 33); *Pedro, fingiendo haber ido por un vaso de agua de limón con chia, lo tomó rápidamente y salió de la cocina* (63).

Также в тексте употреблены мексиканизмы *chabacano* «абрикос», *guajolote* «индейка», *jitomate* «красный помидор».

Мексиканизмы-индихенизмы романа представлены также такими обозначениями обязательных предметов кухонной утвари, как *comal* – глиняная сковородка для поджаривания маисовых лепешек и *metate* – «зернотерка»:

Como Rosaura no había querido participar de las actividades culinarias desde que se quemó las manos en el comal, lógicamente ignoraba éste y muchos otros conocimientos gastronómicos (48).

В переводе П.Грушко индихенизм «комаль» опускается:

«Так как Росаура никогда не тянуло на кухню с того дня, как она сожгла руки, то, естественно, она не ведала ни об этой, ни о многих других гастрономических премудростях» (53) или передается через гипо-гиперонимический перевод:

El sonido de las ollas al chocar unas contra otras, el olor de las almendras dorándose en el comal, la melodiosa voz de Tita, que cantaba mientras cocinaba, habían despertado su instinto sexual (62) 'Стук кастрюль, запах поджариваемого на противне-комале миндаля, мелодичный голос Титы, которая напевала во время готовки, пробудили в нем сексуальное чувство' (70).

Зернотерка-метате появляется в контексте, когда Педро видит, как на метате Тита **перетирает миндаль и кунжут, и его сексуальное чувство** стремительно усиливается:

Tita, de rodillas, inclinada sobre el metate, se movía rítmica y cadenciosamente mientras molía las almendras y el ajonjolí (62).

Примечательная черта стиля *Como agua para chocolate* состоит в причудливом слиянии реального и вымышленного в кулинарии. При этом реальные гастрономические термины органично встраиваются в бытовое правдоподобие рецептов блюд. Так, например, уже рассмотренные имена *tortilla, mole, jitomate* появляются в составе рецепта вымышленного блюда *champandongo*, являющегося и названием восьмой главы «Август. Чампандонго».

Гастрономические термины в тексте романа демонстрируют и функционирование тропеических механизмов языка – метафоры и сравнения, в первую очередь. Вот иллюстрация переносного использования глагола *cocinar* «готовить пищу» при описании событий психической жизни:

Tenía muchas cosas que ordenar en su mente y no encontraba palabras para expresar lo que se estaba cocinando en su interior desde que dejó el rancho (96).

Регулярным тропеическим механизмом применения гастрономических терминов романа *Como agua para chocolate* оказывается их олицетворение. Обычно персонифицируются кухонная утварь (например, olla – «кастрюля»):

Sólo las ollas saben los hervores de su caldo, pero yo adivino los tuyos, y ya deja de llorar, que me estás mojando el fondat y no va a servir, anda, ya vete (36) и блюда (caldo – «отвар»):

Los caldos pueden curar cualquier enfermedad física o mental...(109).

Особый вид гастрономической метафоры романа представляют клички собак: Текила и Пульке – онимизированные названия знаменитых национальных мексиканских алкогольных напитков из агавы – *tequila, pulque*.

Текст *Como agua para chocolate* богат гастрономическими сравнениями, что соответствует доминантному стилиобразующему мотиву романа – мотиву еды. Анализ текста показывает, что гастрономические сравнения выступают как особый эстетический код для целого ряда характеристик, которые охватывают, например, межличностные отношения, передачу и интерпретацию психологического состояния героя, выражение эмоций, выражение физических действий, восприятие внешности героев. Обратимся к примерам из текста.

Межличностные отношения. Постоянные внутренние противоречия в отношениях сестер-соперниц Титы и Росауры сравниваются с водой в кипящем масле:

¡La verdad, la relación Rosaura-Tita hasta ahora había sido como la del agua en aceite hirviendo! (147).

Передача и интерпретация психологического состояния героя. Состояние одиночества Титы сравнивается с блюдом с крошками от пирога:

Se sentía completamente vacía, como un platón al que sólo le quedan migajas de lo que fue excelente pastel (179).

Эталонном выражения одиночества выступает последний перец на подносе:

Qué lejano estaba el día en que Tita se había sentido como un chile en nogada que se deja por decencia, para no demostrar la gula (205).

Примечательно, что в обоих испанских примерах гастрономические обозначения с союзом *somo* выступают в наречной функции образа действия при глаголе *sentir* «чувствовать себя».

Следующий пример – сравнение раздражения Педро с подгоревшим хлебом, меняющим запахи дома:

Tal vez tenía la cabeza llena del humo que su cuerpo había despedido al quemarse y así como un pan achicharrado altera el olor de toda una casa convirtiéndolo en desagradable, así su cerebro ahumado lanzaba estos negros pensamientos transmutando sus usualmente gratas palabras en insoportables (181).

Выражение эмоций. Эмоции Эсперансы при встрече со своим будущим мужем, Алексом, сравниваются с пончиком, соприкасающимся с кипящим маслом. Эти эмоции идентичны впечатлению Титы от встре-

чи с Педро. И именно эта повторяемость дает Тите уверенность, что Эсперанса и Джон будут вместе и счастливы в любви:

Cuando Esperanza le dijo a Tita que al recibir la mirada de Alex sobre su cuerpo ella se había sentido como la masa de un buñuelo entrando al aceite hirviendo, Tita supo que Alex y Esperanza se unirían irremediabilmente (203).

Физические действия. Так, сила ветра отбрасывает Титу, как мешок с картошкой:

<...> en donde cayó como costal de papas (186).

Внешность героев. Красота и привлекательность 39-летней Титы во время свадьбы её племянницы Эсперансы с сыном Джона Алексом сравнивается со свежесрезанным огурчиком:

A sus 39 años aún seguía fresca y rozagante como un pepino recién cortado (201).

Какие же функции выполняет в тексте метаязык кухни? Ведь роман *Como agua para chocolate* – это не кулинарная книга, а роман о краевых вопросах человеческого бытия: любви, ненависти, душевных порывах и разочарованиях. Благодаря метаязыку кухни и таким его протяженным линейным фрагментам, как, например, рецепты блюд, осуществляется определенное расширение текста, что способствует созданию уникальной эстетики всего романа. Весьма плодотворно в интерпретации функций метаязыка кухни в тексте *Como agua para chocolate* реализуется такой аспект семиотики, как сигматика – «выражение непосредственной и нестандартной связи между знаком и объектом» [Новиков 2003, 33]. Показательно в этом отношении функционирование текстов рецептов. Композиционно каждая из двенадцати глав романа начинается подробным рецептом блюд и заканчивается названием блюда следующей главы. Анализ текста показывает, что рецепты блюд и описания технологий приготовления пищи выполняют в его структуре две основные функции: функцию дополнения и функцию замещения. Функцию дополнения рецепты выполняют как продолжение описания эмоционального состояния персонажей. Так, описание печали Титы, вынужденной, по приказанию матери, готовить праздничный пирог к свадьбе сестры, и ее плача без слез, «разрывается» текстом подробной инструкции по приготовлению начинки:

Entonces lloró en seco y dicen que eso duele más, como el parto seco, pero al menos no seguía mojando la masa del pastel, pudiendo continuar con el paso siguiente, que es del relleno.

RELLENO

150 gramos de chabacano

150 gramos de azúcar granulada
Manera de hacerse<...> (31-32).

Тексты рецептов и описания приготовления пищи обычно сопровождают драматические события и коллизии или заменяют прямое выражение эмоций. Примечателен в этом смысле эпизод ссоры Росауры и Титы, в результате которой Росаура запрещает сестре кормить свою дочь. Рассмотрим, как в текстовой структуре конкретного эпизода происходит взаимопроникновение описания эмоций, повествовательных конструкций и кулинарных наставлений. Итак, за выражением эмоционального состояния Титы:

Tenia que olvidarse de la niña, estaba comiendo por primera vez sin ella, si es que quería terminar de preparar la comida ‘Ей надо было от решиться от мысли, что девочка впервые ест без нее, если она не хочет, чтобы приготовление обеда пошло прахом» – следует повествовательная конструкция: указание, что героиня направляется в кухню’. *Se metió a la cocina y prosiguió con la elaboración de los frijoles* ‘Тита бросилась в кухню и снова принялась за фасоль’. Далее следует обобщенно-личная инструкция по обжариванию лука:

Se pone a freír la cebolla picada en manteca. Al dorarse se le agrega ahí mismo el chile ancho molido y sal a gusto.

Ya que sazonó el caldillo, se le incorporan los frijoles junto con la carne y el chicharrón. ‘Покрошенный лук жарят на жиру. Когда он подрумянится, добавляют перетертые широкие перцы-чиле и соль по вкусу.

Когда подливка готова, в нее добавляют фасоль вместе с мясом и шкварками’.

И, наконец, происходит возврат к выражению психологического состояния Титы:

Fue inútil tratar de olvidarse de Esperanza (185) ‘Мысли о маленькой Эсперансе не выходили у Титы из головы’ (223).

Таким образом, информативная и эстетическая значимость метаязыка кухни и мотива еды образуют особый гастрономический код романа *Como agua para chocolate*, семиотически организующий его фабульное и эстетическое пространство.

Семиотически важной реализацией гастрономического кода оказываются указания на применение традиционных гастрономических ингредиентов как средств народной медицины, т.е. в эстетическом пространстве *Como agua para chocolate* гастрономический код переносится на код медицинский. Так, ожоги Педро Тита лечит взбитым яичным белком и размятым сырым картофелем:

Como Tita no podía ni quería desprenderse del lado de Pedro ordenó a Chenchá que trajera claras de huevo batido con aceite y bastantes papas

crudas bien machacadas. Estos eran los mejores métodos que conocía contra las quemaduras (174).

Так же, как это характерно для текстов рецептов, повествовательные фрагменты сменяются собственно инструкцией по использованию средства:

Las claras de huevo se ponen con una pluma fina sobre la parte dañada, renovando la aplicación cada vez que el linimento se seque (174).

Важной составляющей гастрономического кода романа является отношение героев к еде и приготовлению пищи. Тита – воплощение женственности, любви и жадности жизни – неразрывно связана с кухней. Напомним одну из первых «гастрономических» характеристик Титы о благоденствии проведенного на кухне детства:

Por tanto, desde ese día, Tita se mudó a la cocina y entre atoles y tés creció de lo más sana y rozagante (12).

Именно на кухне Тита постигает секреты кулинарного мастерства, а тот факт, что в этом ей помогла индианка Нача, также имеет глубокую символику: ведь Тита становится хранительницей и продолжательницей лучших кулинарных традиций, идущих с доколумбовых времен, т.е. осуществляет культурную преемственность поколений:

Tita era el último eslabón de una cadena de cocineras que desde la época prehispánica se habían transmitido los secretos de la cocina de generación en generación y estaba considerada como la mejor exponente de este maravilloso arte, el arte culinario (45-46).

Творческое отношение Титы к еде и процессу готовки пищи сравнивается с отношением поэта к слову:

Y así como un poeta juega con las palabras, así ella jugaba a su antojo con los ingredientes y con las cantidades, obteniendo resultados fenomenales (64).

При этом кулинарный талант Титы выигршно отличает ее от сестер – Росауры и Гертрудис, что имеет многочисленные символические воплощения в тексте романа. Так, с детства Росаура была крайне привередлива в еде – *melindrosa con la comida* (31) –, тогда как Тита с детства с удовольствием ела не только обычную пищу, но и многочисленную экзотику, не типичную для семьи из высшего общества, к которой принадлежала семья Де ла Гарса:

De ahí en fuera, como Nacha se había encargado de su educación culinaria, Tita no sólo comía lo acostumbrado, sino que comía, además, jumiles, gusanos de maguey, acosiles, tepezcuintle, armadillo, etc., ante el horror de Rosaura (31).

В виртуозном переводе П. Грушко соответствующий фрагмент снабжается подробными подстрочными примечаниями, объясняю-

щими русскоязычному читателю значение вкусовых предпочтений Титы (32).

Многочисленные гастрономические воплощения имеет жестокость матери Титы. Ее особое мастерство в разрезании арбузов символизирует ее беспощадность:

Mamá Elena era especialista en partir sandía: tomando un cuchillo filoso, encajaba la punta de tal manera que sólo penetraba hasta donde terminaba la parte verde de la cáscara, dejando sin tocar el corazón de la sandía (87).

В следующем же фрагменте семантическая концентрация созвучных глаголов с префиксом деструкции *de(s)-* передает общую идею разрушения, сопутствующую образу Матушки Елены:

Indudablemente, tratándose de partir, dismantelar, desmembrar, desolar, destetar, desjarrear, desbaratar algo, Mamá Elena era una maestra (87).

Очень интересна роль гастрономического кода в отношениях Титы и Педро. Когда супружеское счастье оказывается для Титы и Педро невозможным, между ними устанавливается особый тип отношений через еду: Тита готовит необыкновенные блюда, а Педро высказывает своё восхищение:

Parecía que habían decubierto un código nuevo de la comunicación en el que Tita era la emisora, Pedro el receptor y Gertrudis la afortunada en quien se sintetizaba esta singular relación sexual, a través de la comida (50).

Восхваление Педро блюд Титы становится знаком объяснения в любви.

Предложив нашу интерпретацию гастрономического кода романа, отметим, что мотив еды в романе *Como agua para chocolate* не является единственным. В тексте прослеживаются мотивы обоняния, цвета, виоленсии, путешествия и др., входящие в «мифологическую инфраструктуру латиноамериканской литературы» (термин А.Ф. Кофмана [Кофман 1997, 9]). Однако эти и другие мотивы оказываются эстетически связаны с доминантным стилеобразующим мотивом еды и являются органичной частью гастрономического кода романа. Следующий пример трехцветного украшения блюда показывает, как мотив еды комбинируется с мотивом цвета, символизирующего национальную идентичность в государственном масштабе: вертикально расположенные зеленую, белую и красную полосы имеет мексиканский флаг:

Los chiles lucían con orgullo los colores de la bandera; el verde de los chiles, el blanco de la nogada y el rojo de la granada (205) 'Кушанье это

горделиво являло все цвета флага: зелень перцев, белизну соуса, красный цвет гранат' (247).

Поскольку мотив еды в романе не является единственным, то и лексика, понятийно и ассоциативно связанная с мексиканской кухней, не является единственным лексическим пластом текста, отражающим особенности ЯКМ мексиканцев. Текст *Como agua para chocolate* в целом характеризуется фольклорной окрашенностью и связанностью с культурным наследием мексиканцев. Это отчетливо проявляется в отражении в романе индейского компонента в менталитете мексиканцев (например, образ индианки-отоми Начи, воспитавшей Титу и помогающей ей в самые ответственные моменты жизни) и в функционировании в тексте фразеологических единиц, от общеиспанских до национально-специфичных, за счет которых автор осуществляет образный диалог с читателем, владеющим общим с ним фразеологическим фондом. Любопытный пример дает использование в тексте фразеологизма *lo que el viento a Juárez* 'что ветер – Хуаресу', означающего «ничего»:

Bueno, la única a quien el pastel le hizo lo que el viento a Juárez fue a Tita (39).

Текст примечателен также использованием лексических латиноамериканизмов: *chico* «младший», *recámara* «спальня», «комната», *papas* «картофель», *charola* «поднос» и отражением такой важной характеристики коммуникативной культуры латиноамериканцев, как диминутивность:

Nada más déjame quitar esto de la lumbre y ahorita sigues llorando, ¿sí? (162).

Наконец, особая проблема семиотики романа *Como agua para chocolate* – его существование в иноязычном пространстве, т.е. перевод на другие языки, см.: [Чеснокова 2005; 2008a].

Таким образом, в семиотической структуре романа Л. Эскивель *Como agua para chocolate* ведущая роль принадлежит гастрономическому коду, организующему и упорядочивающему текст. Информативная значимость национально-специфичной лексики мексиканского варианта испанского языка, лексических латиноамериканизмов, а также фактов мексиканского и латиноамериканского культурного наследия органически встраивается в эстетическую структуру текста и играет в нем важную роль. Овладение семиотическими кодами романа *Como agua para chocolate* позволяет глубже постичь его эстетическую сущность.

5.4. Выводы

Рассмотрение своеобразия лексики мексиканского национально-го варианта испанского языка в художественном тексте выявляет национально маркированные и культурно обусловленные представления мексиканцев, отраженные в семиотике мексиканского художественного дискурса.

Лингвокультурологическое пространство романа Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» и романа Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» – художественных текстов, принадлежащих перу признанных мастеров современной мексиканской прозы, обнаруживает национальную специфику как содержательной стороны языковых средств (национально-маркированная и культурно значимая лексика), так и специфику ментально-языковых категорий, относящихся к концептам языковой картины мира мексиканцев и обусловленных материальной и духовной культурой Мексики.

Информативная значимость национально-специфичной лексики мексиканского варианта испанского языка, лексических латиноамериканизмов, фактов мексиканского и латиноамериканского культурного наследия органически встраиваются в эстетическую структуру рассмотренных текстов и играет в нем сложную диалектическую роль.

Содержательная и ментально-языковая составляющая образуют функциональную целостность текстов романа Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» и романа Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» и создают их уникальную эстетику.

Фабульное и эстетическое пространство романа Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» семиотически организуют концепты «смерть» и «виоленсия».

Ведущим эстетическим кодом романа Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» является гастрономический код, семиотически организующий и упорядочивающий текст.

Овладение семиотическими кодами романа Карлоса Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» и романа Лауры Эскивель «Шоколад на крутом кипятке» в процессе филологического, т.е. «медленного» (в лингводидактических целях – комментированного) чтения способствует как рационально-логическому, так и эмоционально-образному (апеллирующему к чувствам) познанию мексиканской культуры – через семиотику современного мексиканского художественного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формы существования и территориальное варьирование испанского языка – константы научного поиска в романистике. Исследование испанского языка в неразрывной связи с материальной и духовной культурой, историей, менталитетом и национальным характером носителей его национальных вариантов созвучно антропоцентризму современного гуманитарного знания и ориентированности на синтезирующие междисциплинарные исследования современной филологии, к которым относится лингвокультурология.

Стимулом предпринятого лингвокультурологического исследования испанского языка Мексики был поиск системообразующих факторов, повлиявших на становление и развитие лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка и её культурно значимого потенциала. Системообразующие факторы культурно значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка объединили национальный менталитет и языковую картину мира мексиканцев как один из семиотических кодов культуры Мексики. При этом как ведущие и взаимосвязанные коды менталитета и языковой картины мира мексиканцев были обозначены синкретизм культуры страны, индейский компонент, значимость ценностей национально-освободительного движения.

Лексический уровень языка наиболее подвержен влиянию культурно-мировоззренческих факторов. Складывание смешанной, метисной мексиканской нации и развитие в Мексике национального варианта испанского языка обусловили как органичную ассимиляцию, так и эволюцию общеиспанских языковых средств, своеобразие процессов заимствований, а также развитие специфических тематических пластов, образование культурно значимой лексики и формирование величин ментально-языковой природы, т.е. концептов, обусловленных особенностями материальной и духовной культуры страны.

Реконструкция мексиканского культурного пространства на материале вербальных и невербальных проявлений (живописи, архитектуры, музыки, национальной кухни, в первую очередь) позволила утверждать, что национальный менталитет и языковая картина мира мексиканцев тесно взаимодействуют и обнаруживают отношения изоморфности и изосемичности.

Индихенизмы, генетически гибридная лексика, семантические и коннотативные дериваты, заимствования, формирование культурно

значимой лексики и концептов иллюстрируют развитие лексической системы мексиканского национального языка под влиянием объективных факторов воздействия окружающего мира и бытия человека и фактора естественного развития языка. Выбор для интегрального описания лексики таких подсистем, как индихенизмы мексиканского национального варианта испанского языка, термины родства *padre* ‘отец’, *madre* ‘мать’, концепты «смерть», «жизнь», «праздник» и др., лексико-семантического поля «пища», позволил реконструировать по языковым и изосемичным им внеязыковым данным важнейшие составляющие бытия человека: отношения полов и поколений, жизненный цикл, окружающий мир и мир повседневности, и проследить на рассмотренном языковом материале развитие культурно значимого потенциала лексики мексиканского национального варианта испанского языка во взаимосвязи с соответствующими фрагментами языковой картины мира мексиканцев и их невербальными реализациями.

Языковая картина мира позволяет выйти за рамки поуровневого описания единиц языка и представить их в виде единого целого, функционирующего в дискурсах различных типов, обусловленных менталитетом и устойчивыми кодами культуры. Языковая картина мира мексиканцев воплощена в словообразовательном, семантическом и коннотативном потенциале лексических единиц, в специфике действия тропеических механизмов языка, идиоматизации, развитии и функционировании категорий имени собственного как векторов пространства и времени, в концептах и прецедентных явлениях. Культурные доминанты менталитета и языковой картины мира мексиканцев обуславливают функционирование прагмалингвистических типов дискурса современного мексиканского национального варианта испанского языка, семиотику и эстетику художественного дискурса. Овладение кодами языковой картины мира мексиканцев ориентирует носителя иной культуры на понимание и на адекватную интерпретацию лингвокреативной деятельности мексиканцев в целом – важную составляющую диалога культур.

Предложенные процедуры реконструкции языковой картины мира мексиканцев – носителей одного из национальных вариантов полинационального испанского языка, по таким ведущим параметрам, как:

- концепты,
- ключевые слова,
- прецедентные феномены,
- культурные коннотации,
- семантические ассоциации слов,

- тропеические механизмы языка,
- идиоматизация культурно значимой лексики,
- дискурсы различных типов,

представляются плодотворными для применения по отношению к другим национальным вариантам испанского языка.

Лингвокультурологическое исследование мексиканского национального варианта испанского языка важно для дальнейшего изучения закономерностей развития:

- испанского языка в целом;
- латиноамериканских национальных вариантов испанского языка;
- форм регионального и зонального варьирования;
- диалектного варьирования мексиканского национального варианта испанского языка;
- культурно-исторических и культурно-мировоззренческих факторов пространственного варьирования современного испанского языка.

Надеемся, данная монография является шагом на пути дальнейших исследований культурно-исторического и культурно-мировоззренческого аспектов пространственного варьирования испанского языка, что важно для обобщения процессов развития испанского языка как знаковой и коммуникативной систем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка): 2-е изд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. Арутюнова Н.Д. Из наблюдений над испанским модальным диалогом // Вопросы испанской филологии. Серия «Древняя и Новая Романия», 1974, вып. I, Л. – С. 65-74.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
6. Ахренов А.В. Конвергенция национальных вариантов испанского языка (на материале лексического поля «тело человека» в культурной речи Мадрида и Мехико): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 24 с.
7. Ахренов А.В. Практикум по культуре речевого общения испанского языка. Испания и Латинская Америка. – М.: МГОУ, 2007. – 123 с.
8. Ахренов А.В. Испанский язык Венесуэлы: языковая картина мира // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», 2009. № 3. – С. 56-62.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
10. Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
11. Беленькая В.Д. Топонимы в лексической системе языка. – М.: Изд-во Моск. Унта, 1969. – 116 с.
12. Биологический энциклопедический словарь / Главный ред. М.С. Гиляров. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 864 с.
13. Большой испанско-русский словарь. Более 150 000 слов, словосочетаний и выражений / Н.В. Загорская, Н.Н. Курчаткина, Б.П. Нарумов и др.; под ред. Б.П. Нарумова. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2005. – 828 с. – БИРС.
14. Большой энциклопедический словарь. Мифология. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
15. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка. Синтаксис предложения. – М.: Высшая школа, 1981. – 343 с.
16. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер.с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
17. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
18. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
19. Виноградов В.С. Лексикология испанского языка: Учебник / В.С. Виноградов. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Выш.шк., 2003. – 244 с.
20. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
21. Гак В. Г. Соотношение форм и значений в развитии родственных языков (на примере терминов родства в романских языках) // Романские языки и культуры:

- история и современность: Тезисы докладов российской научной конференции. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С.33-34.
22. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. – М.: Прогресс, 1995. – 448 с.
23. Георгиева С. Познание культуры через фразеологию // Слово. Фраза. Текст: Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. – М.: «Азбуковник», 2002. – С. 108-115.
24. Глазова О.Г. Экспрессивные формы обращения в русском и испанском языках: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1992. – 15 с.
25. Горбаневский М.В. В мире имен и названий. – М.: Знание, 1987. – 192 с.
26. Горды М. Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современных русского и польского языков // Слово. Фраза. Текст: Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеенко. – М.: «Азбуковник», 2002. – С. 115-125.
27. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
28. Гуляев В.И. Города-государства доколумбовой Мексики // Культура Мексики.- М.: Наука, 1980. – С. 11-52.
29. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.- 400 с.
30. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. Пер. с нем. яз. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
31. Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей ред. Е.С.Кубряковой. – М.: Филол. фак МГУ, 1996. – С. 187-189.
32. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии, 2001, № 1 (7). – С. 35-46.
33. Дитрих В. Влияние языков американских индейцев на романские языки (II): «общие языки»: ацтекский, кечуа и тупи. Субстрат, адстрат или интерстрат? (пер. с немецкого В.З Демьянкова) // Вопросы языкознания, 2002, № 2. – С. 64-85.
34. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 98-108.
35. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как диалог культур // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. –М.: Изд-во ММА им. И.М. Сеченова, 1996. – С. 34-40.
36. Загряжкина Т.Ю. Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка: Автореф. дис. ... докт.филол.наук. М., 1996. – 45с.
37. Зайченко В.В. Испанско-русский сельскохозяйственный словарь. – М.: ООО «Водолей», 1993. – 215 с.
38. Зверева Е.В. Коммуникативно-речевая ситуация «Комплимент» (на материале испанского языка): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – М. 1995. – 15 с.
39. Зверева Е.В. Мужчина и женщина, или От испанского идадьго к латиноамериканскому macho // Новое время, 1996, № 50/ 96. – С. 33-35.
40. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика, Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – С. 172-214.
41. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц).- СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.
42. Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов: Доклады и выступления ученых РУДН на X Всемирном конгрессе латиноамериканистов 26-29 июня 2001. / Отв. ред. В.М. Савин. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 389 с.

43. Ильина Н.А. Мифологема смерти в испанской культуре // Россия и Запад: диалог культур. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1996. – С.631-643.
44. Испанский язык в странах Латинской Америки: Тезисы докладов межвузовской конференции, посвященной 500-летию открытия Америки (Отв. ред. проф. Н.М. Фирсова). – М.: Изд-во РУДН, 1993. – 44 с.
45. Испанско-русский словарь. Латинская Америка / Под. ред. Н.М. Фирсовой. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2004. – 609 с. – ИРСЛА.
46. Испанско-русский фразеологический словарь: 30 000 фразеологических единиц/ Э.И. Левинтова, Е.М. Вольф, Н.А. Мовшович, И.А. Будницкая. – М.: Русский язык, 1985. – 1080 с. – ИРФС.
47. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
48. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
49. Караулов Ю.Н. Горячие точки развития русистики: русский язык, русский мир и российский менталитет (К обоснованию исследовательской программы Научного центра русского языка в Московском государственном лингвистическом университете) // Русское слово в русском мире: сборник статей. – М.: МГЛУ – Калуга: ИД «Эйдос», 2004. – С. 5-28.
50. Керам К. Боги, гробницы, ученые. Роман археологии / Пер. с немецкого А.С. Варшавского.- М.: Изд-во иностр. литературы, 1963. – 400 с.
51. Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя. – М.: Акад. Наук СССР – Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая, 1955. – 94 с.
52. Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 663 с.
53. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
54. Козлова Е. Искусство индейцев Мезоамерики накануне конкисты // Очерки истории латиноамериканского искусства. Часть I: XVI–XVIII века. –М.: РАН, Гос. ин-т искусствознания Министерства культуры РФ, 1997. – С. 78-86.
55. Комиссаров В.Н. Теория перевода: Лингвистические аспекты. – М.: Высшая школа, 1990.- 253 с.
56. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. – М., 1997. – С. 122-158.
57. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: ООО «Издательство «Вече 2000», ООО «Издательство АСТ», 2003. – 512 с.
58. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2 –изд.,испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
59. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. – М.: Наследие, 2003. – 320 с.
60. Кофман А.Ф. Возраст времени // Фуэнтес, Карлос. Замаскированные дни: Рассказы; Аура: Повесть; Кукла-королева: Рассказ; Смерть Артемио Круса: Роман. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая Книга, 2001. – С. 5-20.
61. Красина Е.А. К интерпретации понятия дискурс // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2004, № 6. – С. 5-9.
62. Красина Е.А. Дискурс / discourse. // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. I Новиковские чтения. –М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 77-78.
63. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. Фак. МГУ, 1996. – 245 с.

64. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 339 с.
65. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей ред. Е.С.Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – С. 90-93.
66. Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура: Материалы IV Международной научной конференции 16-18 апреля 2003 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 32-34.
67. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира и особенности ее влияния на сознание человека // Русское слово в русском мире: сборник статей. – М.: МГЛУ – Калуга: ИД «Эйдос», 2004. – С. 29-39.
68. Культура Латинской Америки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2000. – 744 с.
69. Культура Мексики. – М.: Наука, 1980.- 302 с.
70. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 840 с.
71. Культурология. История мировой культуры: Учеб. пособие для вузов / А.Н. Маркова, Л.А. Никитич, Н.С. Кривцова и др.; Под ред. проф. А.Н Марковой. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1995. – 224 с.
72. Кундера М. Нарушенные завещания: Эссе / Пер. с фр. М. Таймановой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.
73. Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр.яз.- М.: Высшая школа, 1981. – 144 с.
74. Кутейщикова В.Н. Москва-Мехико-Москва. Дорога длиною в жизнь.- М.: Академический проект, 2000. – 384 с.
75. Кутейщикова В.Н., Осповат Л.С. Новый латиноамериканский роман. – М.: Сов. писатель, 1976. – 424 с.
76. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
77. Леон-Портилья Мигель. Философия нагуа. Исследование источников. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 384 с.
78. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с. – ЛЭС.
79. Литвин И.П. Словарь топонимической лексики Латинской Америки. – М. Наука, 1983. – 265 с.
80. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 296 с.
81. Ломтев Т.П. Принципы выделения дифференциальных семантических элементов //Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. Избранные работы. – М.: Наука, 1976. – С. 272-289.
82. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
83. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
84. Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. – 416 с.
85. Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.

86. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
87. Мамонтов С.П. Основы культурологии. – М.:Изд-во РОУ, 1996. – 271 с.
88. Маяковский В.В. Мое открытие Америки // Маяковский В. В. Избранные произведения. Том первый. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – С. 485-564.
89. Медведенко А.В. Смерть, окруженная красотой. – М., 2003. – 480 с.
90. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие. – 2-е изд.- Мн.: Амалфея, 2004.- 368 с.
91. Михеева Н.Ф. Местоименные формы обращения в аргентинском и кубинском национальных вариантах испанского языка: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Минск, 1989.-24 с.
92. Михеева Н.Ф. Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки: Монография. –М.: Изд-во РУДН, 2002.- 186 с.
93. Михеева Н.Ф. О новом направлении в испанской диалектологии – межвариантной диалектологии испанского языка // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2003, № 5. – С. 53-61.
94. Михеева Н.Ф. Испанский язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие для учителей, преподавателей иностранных языков в контексте повышения квалификации в области культуроведения. – М.: АПКИПРО, 2003а. – 220 с.
95. Мнацаканян М.О. Культуры. Этносы. Нации: Монография. – М.:МГИМО-Университет, 2005. – 352 с.
96. Моисеенко Л.В. Референциальное пространство прецедентных единиц //Актуальные проблемы современного языкознания: Сб.научных статей. М.: РУДН, 2009. – С.175-188.
97. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
98. Нарумов Б.П. Соотношение понятий «язык» и «диалект» в плане диахронии // Иберо-романистика в современном мире: Научная парадигма и актуальные задачи. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 47-48.
99. Национально-культурная специфика речевого поведения (на материале романских и арабского языков): Тезисы докладов / Отв. ред. Фирсова Н.М. – М.: Изд-во УДН, 1991. – 67 с.
100. Нерознак В.П., Ханичев Р.Г. Аpellонимика: между именем собственным и именем нарицательным // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура.–М.:Московский Государственный Лингвистический Университет, 2002. – С. 180-182.
101. Неруда П. Признаюсь: я жил. Воспоминания. / Пер. Л.П. Синянской. – М.: Изд-во политической литературы, 1978. – 438 с.
102. Никифорова С.А. Ареальная специфика лексики (никарагуанизмы): Учебные материалы к спецкурсам по «Лексикологии». – М.: Прометей, 1989. – 66 с.
103. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: Рус.яз., 1988. – 304 с.
104. Новиков Л.А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2003, № 5. – С.21 – 36.
105. Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. – М, 1998. – 316 с.
106. Оболенская Ю.Л. Роль испанских антропонимов в национальной картине мира: социокультурные аспекты // Актуальные проблемы современной иберо-романистики. Сборник статей. Выпуск 4. М., 2007. – С. 216 – 226.
107. Петякшева Н.И. Латиноамериканская «философия освобождения» в контексте компаративистики. – М.: Изд-во «Уникум-центр», 2000. – 232 с.

108. Писанова Т.В. Ценностная система представлений о пище и традициях ее употребления в кулинарном тезаурусе испанского языка // Актуальные проблемы современного языкознания. М.: РУДН, 2009, с. 221-239.
109. Плутицкая И.В. Социо- и прагмалингвистический анализ единиц испанского речевого этикета (на примере тематической группы речевого этикета «Приглашение»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 18 с.
110. Поспелов Е.М. Топонимика и картография. – М.: Мысль, 1971. – 256 с.
111. Поспелов Е.М. Географические названия стран мира: Топонимический словарь: Свыше 5 000 единиц. – М.: Русские словари, 1998. – 372 с.
112. Поспелов Е.М. Иллюстрированный атлас мира. География мира: новейший топонимический словарь: ок. 8000 единиц/ Е.М. Поспелов. М.М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 683 с.
113. Поспелова Н.М., Чеснокова О.С. Топонимика Мексики: названия штатов и их столиц // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2005-2006, № 1 (3-4). – С. 227-237.
114. Поспелова Н.М. Флористический топоформант в индейской топонимике Мексики // Актуальные проблемы современной иберороманистики. Тезисы конференции. – М.: МГУ, 2006. – С. 52-54.
115. Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – 344 с.
116. Пуиг Мария Санчес. Испанские фразеологизмы, связанные с тавромахией. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». – 2003, № 5. – С. 44-52.
117. Ревель Жан-Франсуа. Кухня и культура: Литературная история гастрономических вкусов от Античности до наших дней / Пер. с французского А.Лушанова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 336 с.
118. Родченко А.В. Средства эвфемии в современном испанском языке (на материале кубинского национального варианта): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 20 с.
119. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. Первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
120. Рылов Ю.А. Очерки испанской антропонимии. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1997. – 91 с.
121. Рылов Ю.А. Очерки романской антропонимии / Науч. Ред. В.Б. Кашкин. – Воронеж: Центр.-Черноезем. кн. изд-во, 2000. – 163 с.
122. Сапожникова Е.Э. Сопоставительный анализ национально-культурных особенностей языка делового общения (на материале переговоров на английском, испанском и русском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 17 с.
123. Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. Издание второе. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1954. – 304 с.
124. Силлонас В. О художественном своеобразии латиноамериканского искусства // Искусство стран Латинской Америки. – М.: Наука, 1986. – С. 10-38.
125. Синявский А.В. Индихенизмы испанского языка Америки // Функциональный и методический аспекты изучения иностранных языков. – М.: Изд-во РУДН, 1993. – С. 7-10.
126. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984. Т.1. 1981. А-Й. 698 с. Т.2. К-О. 1982. 736 с. Т.3. П-Р. 1984. 752 с. Т.4. С-Я. 1984. 794 с.
127. Слово. Фраза. Текст: Сборник научных статей к 60-летию проф. М.А. Алексеевко. – М.: «Азбуковник», 2002. – 592 с.

128. Смирнова И.В. Испанский язык на территории мексиканского штата Табаско. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 2006. – 18 с.
129. Смирнова Ирина. Испанский язык на территории мексиканского штата Табаско. Проблемы своеобразия функционирования языковых единиц. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 100 с.
130. Соловьева Е.В. Лингвокультурологический анализ современных испанских фамилий (на материале пиренейского национального варианта испанского языка). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 1998. – 18 с.
131. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. – М.:Изд-во лит. на иностр.яз., 1963. – 202 с.
132. Степанов Г.В. Процессы языковой дифференциации в Старой и Новой Романи // Актуальные проблемы советской романистики. –Л.:Изд-во Ленинградского университета, 1975. – С. 84-86.
133. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – 224 с.
134. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. – М.:Наука, 1979. – 328 с.
135. Степанов Ю.С. Французская стилистика: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр.яз. – М.: Высш. школа, 1965. – 355 с.
136. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
137. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: РАН, Ин-т языкознания, Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 7-34.
138. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд.3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
139. Сударь Г.С. Топонимия Испании как объект лингвокультурологического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 19 с.
140. Сударь Г.С. Испанская топонимия. – М.: РосНОУ, 2007. – 250 с.
141. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
142. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Яз. рус.культуры», 1996. – 284 с.
143. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.:«Языки русской культуры», 1999. – С.13-24.
144. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). – М.: Слово /Slovo, 2000. – 624 с.
145. Ульман Ст. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология // Новое в лингвистике, вып. II, М., 1968. – С. 17-44.
146. Фирсова Н.М. Некоторые формы речевого этикета Эквадора //Семантика некоторых структурных единств современного испанского языка: Сб. науч. трудов.- М.: Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 1978. – С. 67-80.
147. Фирсова Н.М. Местоименные формы обращения в колумбийском варианте испанского языка // Функционально-семантическое изучение иностранных языков: Сб. науч.трудов. – М.: Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 1983. – С. 3-22.
148. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Колумбии. Лексика: Учебное пособие. –М.: УДН им. П. Лумумбы, 1984. – 88 с.
149. Фирсова Н.М., Чеснокова О.С. Обращение в современном испанском языке: Учеб. пособие. – М.: Изд-во УДН, 1987. – 92 с.

150. Фирсова Н.М., Синяевский А.В., Чеснокова О.С., Денисова А.П., Швыркова Л.Л. Функциональные типы речи современного испанского языка: Учеб. пособие. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 84 с.
151. Фирсова Н.М. Национально-культурная специфика вербальной коммуникации в испанском языке // Национально-культурная специфика речевого поведения (на материале романских и арабского языков). – М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991. – С.9-11.
152. Фирсова Н.М., Бузаньо Рухель А. Испанская разговорная речь в Эквадоре. – М.: Изд-во РУДН, 1992. – 80 с.
153. Фирсова Н.М. Проявление национально-культурной специфики в испанской фразеологии // Испанська мова і культура в сучасному світі: Тези доповідей. – Київ: Київ. держ. пед. ін-т іноз. мов, 1994. – С. 75-77.
154. Фирсова Н.М. Категория вежливости в испанском языке // В помощь преподавателям иностранных языков: Учебное пособие. – М.: Изд-во РУДН, 1995. – С. 3-11.
155. Фирсова Н.М. Испанская разговорная речь: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 262 с.
156. Фирсова Н.М. Испанский речевой этикет.- М.: ИНФРА – М., 2000.- 183 с. – (Серия «Высшее образование»).
157. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2000а. – 128 с.
158. Фирсова Н.М. Испанский язык в испаноязычных государствах Латинской Америки: Колумбия, Эквадор, Пуэрто-Рико. – М.: Муравей, 2002. – 168 с.
159. Фирсова Н.М. Испанский язык в аспекте межвариантной и национально-культурной специфики: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 132 с.
160. Фирсова Н.М. О межязыковой и межвариантной специфике коммуникативного поведения (на материале культур русского и испаноязычных народов) // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2003а, №5. – С. 72-76.
161. Фирсова Н.М. Концепт «маис» в языковой картине мира латиноамериканских народов //Актуальные проблемы современной иберороманистики. Тезисы конференции. – М.:МГУ, 2006. – С. 75-77.
162. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и со-искателей, а также преподавателей культурологии. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
163. Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 336 с.
164. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. с нем. Р. Додельцева. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 288 с.
165. Фромм Э. Искусство любить /Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. 2-е изд.– СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.
166. Чавес Уаман М.М. Современная разговорная речь Перу: лингвистический аспект и межкультурная специфика: Автореф. дис. ...канд. филол. наук – М., 2006. – 23 с.
167. Черданцева Т.З. Итальянская фразеология и итальянцы / Т. Черданцева – М.: ЧеРо, 2003. – 304 с.
168. Чеснокова О.С. Сопоставительный анализ функционирования некоторых русских и испанских терминов родства // Функционально-семантическое изучение иностранных языков. –М.: УДН, 1983. – С. 141-156.
169. Чеснокова О.С. Русские и испанские формы обращения – наименования родства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: УДН, 1985. – 17 с.

170. Чеснокова О.С. К вопросу о речевой энантиосемии форм обращения (на материале русского и испанского языков) // Коммуникативно-прагматическое и семантико-функциональное изучение языковых единиц: Сб. науч. трудов. – М.: Изд-во УДН, 1985а. – С. 118-124.
171. Чеснокова О.С. Прагматика и семантика обращений – вторичных имен родства (на материале современного испанского языка) // Современные проблемы романистики: Функциональная семантика: Тез. V Всесоюзн. конф. по романск. языкознанию. – Т. III. – Калинин: Калининский государственный университет, 1986. – С.101-103.
172. Чеснокова О.С. Формы обращения в Мексике // Фирсова Н.М., Чеснокова О.С. Обращение в современном испанском языке: Учеб. пособие. – М.: Изд-во УДН, 1987. – С. 72-87.
173. Чеснокова О.С. Разговорно-обиходный стиль // Функциональные типы речи современного испанского языка: Учеб. пособие. – М.: Изд-во УДН, 1988. – С. 35-46.
174. Чеснокова О.С. О некоторых способах выражения согласия (на материале мексиканского национального варианта испанского языка) // Структурно-семантические и коммуникативно-функциональные характеристики языковых единиц: Сб. научных трудов. – М.: Изд-во УДН, 1989. – С. 57-62.
175. Чеснокова О.С. Некоторые особенности речевого общения мексиканцев // Современные проблемы романистики: семантика, прагматика, синтаксис: Тезисы 6-ой Всесоюзн. конф. по романскому языкознанию. – Том 2 – Москва – Воронеж, 1991. – С. 101-103.
176. Чеснокова О.С. Национальный менталитет сквозь призму фразеологизмов с «гастрономическим» компонентом // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». – М.: РАН, Ин-т языкознания – МГЛУ, 1997. – С.162.
177. Чеснокова О.С. Мир испанского языка: Мексика. Учебно-методическое пособие. Для студентов, изучающих испанский язык, 1-й год обучения. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 55 с.
178. Чеснокова О.С. Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика: Учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 99 с.
179. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2006. – 238 с.
180. Чеснокова О.С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2006а. – 39 с.
181. Чеснокова О.С. Этикетный дискурс мексиканцев // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». №1 (5), 2007. – С. 78-86.
182. Чеснокова О.С. Основы лексикологии испанского языка: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2008. – 79 с.
183. Чеснокова О.С. Художественный текст в межкультурном пространстве: русский и английский переводы романа Л. Эскивель “Como agua para chocolate” // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2008а. № 1. – С. 75-82.
184. Чеснокова О.С. Антропонимикон мексиканцев в тексте и дискурсе // Актуальные проблемы романистики. Материалы Международной конференции. Воронеж, Изд-во Воронежского Ун-та, 2009. С. 615-625.
185. Чеснокова О.С., Стародубцева Н.М. Названия штатов Мексики и их столиц // Латинская Америка, 2010, № 1. С. 87-96.
186. Чеснокова О.С. Мексиканская кухня: история, современность, языковая традиция // Латинская Америка, 2010, № 4, с. 86-98.

187. Чеснокова О.С. Семиотика латиноамериканского художественного текста через призму латиноамериканского образа мира и стилистику магического реализма // *Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы: Учеб.пособие.* М.: РУДН, 2010. С 126-146.
188. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка [Текст]: Монография / О.С.Чеснокова. – М.: РУДН, 2011. – 118 с.: ил.
189. Чеснокова О.С. Испанский язык Колумбии. Лингвокультурологическое исследование: Монография. *Palmarium Academic Publishing*, 2012. – 107 с. ISBN: 978-3-8473-9349-8 (Саарбрюкен, Германия).
190. Чичина М.О. Сопоставительный анализ антропонимов-обращений в русском и испанском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1995.М18 с.
191. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2004.М256 с.
192. Широкова А.В. От латыни к романским языкам. Учеб. пособие по истории романских языков. – 3-е изд. – М.: «Добросвет», КДУ, 2005.М224 с.
193. Шишмарев В.Ф. Очерки по истории языков Испании. – М.-Л.: АН СССР. Ин-т яз. и мышления им. Н.Я. Марра. Сер. *Romano-Germanica*, т.5, 1941. – 339 с.
194. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
195. Эррера Х. Фрида Кало. ¡Viva la vida! – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 480 с.
196. Юминова А.Б. Культурологический аспект развития семантики идиом поля «смерть» в современном русском языке (по результатам психолингвистического эксперимента) // *Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия.* – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 221-226.
197. Юнг К.Г. Избранное / Пер. с нем. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – 448 с.
198. Яковлева В.В. Национально-культурный компонент фразеологической единицы в компаративных конструкциях с союзом *soto* (на материале пиренейского национального варианта испанского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2003. – 16 с.
199. Яковлева С.А. Динамика лексических значений полисемичных науатлизмов в культурной речи г. Мехико (XX век): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 2005. – 27 с.
200. Яковлева С.А. Из истории мексиканской лингвистики: Лопе Бланч и проект «Координированного изучения культурной испанской нормы» // *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика»*, 2009, № 3. С. 100-107.
201. Alcalá, J.A. El concepto de corrección y prestigio lingüísticos. – México: Ed. Trillas, 1990. – 63 p.
202. Alésina N. Evolución del castellano en Hispanoamérica. – Киев: Вища школа, 1986. – 150 с.
203. Alvar M. Español en dos mundos. – Madrid: Temas de hoy, 2002. – 254 p.
204. Appendini, Guadalupe. Refranes Populares de México.-México: Porrúa, 1997. – 192 p.
205. Barker G.C. Social Functions of language in a Mexican American Community. – Tucson: University of Arizona Press, 1972. – 147 p.
206. BERLITZ Spanish Phrase Book & Dictionary.- Switzerland, 1995.-118 p.
207. BERLITZ Latin-American Spanish Phrase Book&Dictionary. Switzerland, 1995.-193 p.
208. Bernal, Ignacio. El tiempo prehispánico // *Historia mínima de México / Daniel Cosío Villegas...[et.al.] – 2ª ed. – México: El Colegio de México, 1994. – P. 13-50.*

209. Biederman, Hans. Diccionario de símbolos con más de 600 ilustraciones. Barcelona – Buenos Aires – México: Ediciones Paidás, 1993. – 574 p.
210. Blas Tejeira, Gil. El habla del panameño. – Panamá: Ed. Del ministerio de educación, 1964. – 171 p.
211. Buesa Olivier, Tomás, y José Ma. Enguita Utrilla. Léxico del español de América: su elemento patrimonial e indígena. – Madrid: Mapfre, 1992. – 321 p.
212. Cabrera, Luis. Diccionario de aztequismos. – México: Colofón, S.A., 2002. – 170 p.
213. Carrión, Jorge. Mito y magia del mexicano y un ensayo de autocritica. – México: Ed. Nuestro tiempo, 1970. – 123 p.
214. Coe, Michael D. The Maya scribe and his world [by] Michael D. Coe. – New York, Grolier Club, 1973. – 160 p.
215. Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos.- México: Ediciones Delma, 1999. – 167 p.
216. Dávila Garibi, J.I. Posible influencia del náhuatl en el uso y abuso de diminutivos en el español de México // Estudios de Cultura Náhuatl, I, 1959. – P.91-94.
217. Diccionario del español de Argentina: Español de Argentina-Español de España / Günther Haensch, Reinhold Werner; coordinación, Claudio Chuchuy.-Madrid: Gredos, D.L. 2000. – 732 p.
218. Diccionario del español usual en México/Dirigido por Luis Fernando Lara. México: El Colegio de México, Centro de Estudios Lingüísticos y Literarios, 1996 – 941 p. – DEUM.
219. Diccionario escolar mexicano Trillas: 3 diccionarios en uno.- México: Trillas, 1996. – 728 p. – DEMA.
220. Diccionario Manual e Ilustrado de la Lengua Española.- Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1981. – 1572 p. – DMILE.
221. El español hablado en México. Tomo IV. – México: Comisión para la defensa del idioma español, 1982. – 68 p.
222. Está como me lo recetó el doctor: Más de 2000 refranes, dichos y expresiones que usamos los chapines.- Guatemala: Hortebe, 2001. – 139 p. – ECMLRD.
223. Fontanella de Weinberg, M.B. El español de América.- Madrid: MAPFRE, 1992. – 288 p.
224. Fuentes, Carlos. El espejo enterrado. – México: Taurus bolsillo, 1997. – 591 p.
225. Fuentes, Carlos. Tiempo mexicano. Décima novena reimpresión. – México: Ed. Joaquín Mortiz, S.A. de C.V., 1997a. – 125 p.
226. García Márquez, Gabriel. Yo no vengo a decir un discurso. Barcelona, Grijalbo Mondadori, 2010. 160 p.
227. González Torres, Yolotl. Diccionario de Mitología y Religión de Mesoamérica. – México: Larousse, 1999.- 228 p.
228. Guía escolar. Español. Matemáticas. Conocimiento del medio/ Maribel Rojo Ruiz [et al.] – México: Santillana, 1997. – 327 p.
229. Guzmán Betancourt, I. Usos y pronunciaciones de la «x» en español. // El español hablado en México. México: Comisión para la Defensa del idioma, 1982. – P. 53-65.
230. Henríquez Ureña P. Observaciones sobre el español en América // Revista de Filología Española (Madrid), 1921, VII – P. 357-390.
231. Henríquez Ureña P. El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central. – Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1938. – 105 p.
232. Historia. Quinto grado. – México: Secretaría de Educación Pública, 1995. – 208 p.
233. Historia mínima de México / Daniel Cosío Villegas...[et.al.] – 2ª ed. – México: El Colegio de México, 1994. – 181 p.

234. Iákovleva S.A. Acerca del léxico gastronómico mexicano//Anuario del centro científico-educativo de investigaciones latinoamericanas de la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos. Moscú, 2010, pp. 184-195.
235. Iákovleva Svetlana. Nahuatlismos en el español de México // Universidad Nacional Autónoma de México. Apuntes temáticos. Número 19. 2011. 106 p.
236. Iburgüengoitia, J. Instrucciones para vivir en México.- México: Ed. Joaquín Mortiz, 1990. – 295 p.
237. Iliina, Natalia. Análisis comparativo de las unidades fraseológicas // Актуальные проблемы современной испанистики. – М.: Факультет иностранных языков им. М.В. Ломоносова, 2003. – С.5-28.
238. Jiménez, Armando. Tumbaburro de la picardía mexicana (diccionario de términos vulgares) – 52 ed. México: Editorial Diana, 1999. – 269 p.
239. Jiménez Cataño, R. La concepción náhuatl del hombre // Istmo, N.204, enero-febrero de 1992. – P. 66-75.
240. Jiménez Cataño, R. El discreto encanto del diminutivo // Istmo, N.208, septiembre-octubre 1993. – P. 42-48.
241. Jiménez Cataño, R. Cuando en México se habla bien // Istmo, N.219, julio-agosto 1995. – P. 49-53.
242. Jiménez Cataño, R. Cortesía, porque nuestra imagen no es sólo imagen // Istmo, N.264, enero-febrero 2003. – P.28-33.
243. Keen, Benjamín. La imagen azteca en el pensamiento occidental. – México: Fondo de Cultura Económica, 1984. – 621p.
244. La sabiduría de la palabra: Memoria del Simposio Conmemorativo del XXX Aniversario de la Dirección de Lingüística del INAH, 1968-1998 / Ignacio Guzmán Betancourt, Martha Muntzel, Coordinadores. – México: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 2002. – 259 p.
245. Lapesa, R. Historia de la lengua española. – Madrid: Escelicer, 1995. – 309 p.
246. Lope Blanch, J.M. Vocabulario mexicano relativo a la muerte. – México: UNAM, 1963. – 183 p.
247. Lope Blanch, J.M. La filología hispánica en México. Tareas más urgentes.- México: UNAM, 1969. – 79 p.
248. Lope Blanch, J.M. El léxico indígena en el español de México. México:UNAM, 1969a. – 75 p.
249. Lope Blanch, J.M. Estudios sobre el español de México. México: UNAM, 1972. – 179 p.
250. Lope Blanch J.M. La influencia del sustrato en la gramática del español mexicano // Lope Blanch J.M.Estudios sobre el español de México. México: UNAM, 1972a. – P. 157-164.
251. Lope Blanch, J.M. La influencia del sustrato en la fonética del español de México// J.M. Lope Blanch. Estudios sobre el español de México. Mexico, 1972b. – P. 93-107.
252. Lope Blanch J.M. Léxico del habla culta de México: Estudio coordinado de la norma lingüística culta de la ciudad de México. – México, 1978. – 585 p.
253. Lope Blanch J.M. Estado actual del español en México // El español hablado en México. Tomo IV. México, 1982. – P. 11-34.
254. Margair, C.R. En torno a la Malinche // Cuadernos hispanoamericanos, 68, núm.204, 1966. – P.539-557.
255. Med, N. Los aztequismos en la fraseología y paremiología del castellano de México // Situación lingüística en América Latina: Pasado y Actualidad. Moscú: Instituto de Latinoamérica, 2003. – P. 61-65.

256. Mejía Prieto, J. Así habla el mexicano: Diccionario básico de mexicanismos. México: Panorama Editorial, S.A. 1984. – 144 p.
257. Moliner, María. Diccionario de uso de español. – Madrid: Gredos, 1986. Tomo I – 1446 p. – Tomo II – 1585 p.
258. Moreno, Concha; Tuts, Martina. Curso de perfeccionamiento. Hablar, escribir y pensar en español. – Madrid: SGEL, S.A., 1991. – 343 p.
259. Moreno de Alba, J.G. El español de América. El español de México. México: ANUIES, 1972. – 34 p.
260. Moreno de Alba, J.G. Valores de las formas verbales en el español de México.- México: UNAM, 1978. – 255 p.
261. Moreno de Alba, J.G. Diferencias léxicas entre España y América.- Madrid: Mapfre, 1992. – 291 p.
262. Moreno de Alba, J.G. Léxico de las capitales hispanoamericanas: propuesta de zonas dialectales // Nueva Revista de Filología Hispánica, 1992a, XL.2. – P. 575-597.
263. Moreno de Alba, J.G. El español en América. Tercera edición, corregida y aumentada.- México: Fondo de Cultura Económica, 2001. – 335 p.
264. Morínigo M.A. Diccionario de americanismos. – Buenos Aires: Muchnik, 1966. – 738 p.
265. Morvay, Karoly. Fraseología del español de México // Revista de Filología Románica, 1986, № 4, pp. 317-322.
266. Neves A.N. Diccionario de americanismos de la lengua española en América y el habla popular de los países hispanoamericanos.- Buenos Aires: Sopena, 1973. – 591 p.
267. Paz, Octavio El laberinto de soledad. – México: Fondo de Cultura Económica, 1999. – 351 p.
268. Pérez Martínez, Herón. Refrán viejo nunca miente.- Zamora, Mich.: El Colegio de Michoacán, 1994. – 350 p.
269. Pérez Martínez, Herón. El hablar lapidario: ensayo de paremiología mexicana. – Zamora, Mich.: El Colegio de Michoacán, 1995. – 494 p.
270. Pido la palabra. 5° Nivel / Martha Jurado, Marta Montemayor. – México: UNAM, 1996. – 253 p.
271. Ramos, Alicia y Serradilla, Ana. Diccionario AKAL del español coloquial: 1492 expresiones y más. – Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2000. – 384 p.
272. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. – Madrid: Espasa-Calpe, 1992 (21ª ed.). – 1515 p. – DRAE.
273. Rejano, J. La psicología en el lenguaje: el español de México // «Idioma». Milano-Munchen, 1969, Jg.6, H.4. – P. 189-192.
274. Reindorp, **Reginald C. Spanish American Customs, Culture and Personality.** – Georgia: Department of Foreign Languages, 1968. – 344 p.
275. Richard, Renaud (Coordinador). Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia: Segunda edición aumentada. – Madrid: Cátedra, 1997. – 576 p. – DH.
276. Romo de la Rosa, A. Algunos errores comunes en el español actual de México // El español hablado en México. Tomo IV. – México: Comisión para la defensa del idioma español, 1982. – P. 41-51.
277. Rosenblat, Ángel. El castellano de España y el castellano de América. – Madrid: Taurus-BO, 1970. – 71 p.
278. Ruiz Gurillo, Leonor. Aspectos de fraseología teórica española. – Valencia: Universitat de València, 1997. – 141 p.
279. Ruz Lhuillier A. La civilización de los antiguos Mayas. – Santiago de Cuba: Departamento de Extensión y Relaciones Culturales. Universidad de Oriente, 1957. – 191 p.

280. Santamaría F.J. Diccionario general de americanismos. – México: Robredo, 1942.- Tomo 1 – 658 p.; tomo 2 – 558 p.; tomo 3 – 675 p.
281. Santamaría, F. J. Diccionario de mejicanismos. Quinta edición. – Méjico: Editorial Porrúa. S.A., 1992. – 1207 p.
282. Sokolova, G. Aspect sémantique des helvétismes phraséologiques de la langue française // Actas del XXII Congreso Internacional de Lingüística y Filología Románica. – Salamanca, 2001. – Tübingen Max Niemeyer Verlag, 2003. – Vol. 3. – P. 469-472.
283. Soustelle, Jacques. El universo de los aztecas. – México: Fondo de Cultura económica, 1998. – 186 p.
284. Swadesh, Mauricio. El lenguaje y la vida humana. – México: Fondo de Cultura Económica, 1973. – 396 p.
285. Tchesnokova, O. La interferencia en el lenguaje de etiqueta en español y ruso // Actas de la I Conferencia de hispanistas de Rusia Editadas por la Embajada de España en Moscú, 1995. – P.88-89.
286. Tchesnokova, O. Dialogic Motivation of Spanish Forms of Address // Dialoganalyse VI. Referate der 6. Arbeitstagung. Prag 1996. Teil 1. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1998. – S. 487-491.
287. Tchesnokova, O. Giros fraseológicos con el componente «gastronómico» en español y ruso // XXII e Congrès International de Linguistique et Philologie romanes. Résumés des communications. Bruxelles, ULB, 23-29 juillet 1998, 1998a. –P. 370-371.
288. Tchesnokova, O. Unidades fraseológicas con el componente gastronómico en español y ruso // Actas de la II Conferencia de hispanistas de Rusia. Moscú, 19-23 abril 1999. Editadas por la Embajada de España en Moscú, 1999. (versión en CD; 4 c.).
289. Tchesnokova, O. Speech Etiquette dialogues in Mexican Spanish. // Dialogue Analysis 2000. Bologna, June 15th-17th. Abstracts. Bologna: Università degli Studi de Bologna. Dipartimento di Studi Linguistici e Orientali, 2000. – P. 31-32.
290. Tchesnokova, O. Laura Esquivel's Como agua para chocolate: Facets of Dialogicity// Dialogue Analysis IX: Dialogue in Literature and the Media. Selected Papers from the 9th IADA Conference, Salzburg 2003. Part 1: Literature. Edited by Anne Betten and Monika Dannerer. – Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 2005. – S. 327-336.
291. Tibón, G. Diccionario etimológico comparado de nombres propios de persona por Gutierre Tibón. – México: Fondo de Cultura Económica, 1986. – 252 p.
292. Tylor, E. Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, art, and custom, by Edward B. Tylor. – London, J. Murray, 1871. – 2 v., 22 cm.
293. Valadés, C. El habla popular en el español de México // El español hablado en México. Tomo IV. – México: Comisión para la defensa del idioma español, 1982. – P. 35-40.
294. Velasco Valdés, Miguel. Refranero popular mexicano. 11 edición. – México: Costamarc Editores, S.A., 1998. – 175 p.
295. Wallace A., Atkins J. Meaning of Kinship Terms // American Anthropologist, 1960, Vol. 62, Pt. I. – P. 58-80.
296. Yáñez A. Las tierras flacas. – México: Joaquín Mortiz, 1977. – 359 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА И ТЕКСТОВЫХ ПРИМЕРОВ

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман // Булгаков М.А. Избранное: «Мастер и Маргарита»: Роман; Рассказы. – М.: Худож. лит., 1983. – С.11-382.
2. Лопес Портильо Х. Пирамида Кецалькоатля: Повесть-миф / Пер. с исп. М.И. Былинкиной. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 160 с.
3. Поэты Мексики. Пер. с исп. – М.: Художественная литература, 1975. – 336 с.
4. Толстой, Лев. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в четырнадцати томах. Том восьмой. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. – 461 с.
5. Фуэнтес, Карлос. Смерть Артемио Круса. Перевод М. Былинкиной // Фуэнтес, Карлос. Замаскированные дни: Рассказы; Аура: Повесть; Кукла-королева: Рассказ; Смерть Артемио Круса: Роман. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая Книга, 2001. – С. 121-381.
6. Хроники открытия Америки. Новая Испания. Книга I: Исторические документы: Пер. с исп. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с. – (Библиотека Латинской Америки).
7. Хэррис Дж. Шоколад: Роман / Пер. с англ. И. Новоселецкой. – М.: Эксмо, 2004. – 352 с.
8. Эскивель Л. Шоколад на крутом кипятке: Роман / Пер. с исп. П. Грушко. – СПб.: Амфора, 2001. – 255 с.
9. Эскивель Л. Книга о чувствах: [эссе] / Лаура Эскивель; [пер. с исп. В. Симонова]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. –142 с.
10. Antología literaria de autores mexicanos / selección y prólogo de Sergio Howland Bustamante. – México: Ed Trillas, 1962 (reimp. 1994). – 488 p.
11. Azuela, Mariano. Los de abajo. – México: Fondo de Cultura Económica, 1996 (primera reimpresión). – 143 p.
12. Bancomext Trade Directory of Mexico 2003. – México, 2003. – 530 p.
13. Cancionero folklórico de México. Tomo 1. Coplas del amor feliz.-México: El Colegio de México, 1980. – 426 p.
14. Cancionero folklórico de México. Tomo 2. Coplas del amor desdichado y otras coplas de amor. – México: El Colegio de México, 1980. – 511 p.
15. Cancionero folklórico de México. Tomo 3. Coplas que no son de amor. – México: El Colegio de México, 1980. – 441 p.
16. Castellanos, Rosario. Álbum de familia: Vigésima segunda reimpresión. – México: Joaquín Mortiz, 2001. – 155 p.
17. El habla de la ciudad de México: Materiales para su estudio. – México: UNAM, 1971. – 450 p.
18. El habla popular de la ciudad de México: Materiales para su estudio. – México: UNAM, 1976. – 464 p.
19. El habla popular de la República Mexicana. – México: UNAM, El Colegio de México 1995. – 695 p.
20. Esquivel, Laura. Como agua para chocolate. – Barcelona: Grijalbo Mondadori, S.A., 1989. – 211 p.
21. Esquivel, L. Like water for chocolate: a novel in monthly installments, with recipes, romances, and home remedies. Translated by Carol Christensen and Tomas Christensen, 1st. ed. Doubleday. – New York, 1992. – 247 p.

22. Esquivel, Laura. *Íntimas suculencias. Tratado filosófico de cocina.* – Madrid: Ollero & Ramos, Editores. 1998. – 159 p.
23. Esquivel, Laura. *Tan veloz como el deseo.* – Barcelona: Random House Mondadori, S.A., 2001. – 249 p.
24. Esquivel, Laura. *La ley del amor.* – México: Debolsillo, 2004. – 285 p.
25. Esquivel, Laura. *El libro de las emociones.* – Barcelona: Random House Mondadori, S.A., 2005. – 140 p.
26. Fuentes, Carlos. *La región más transparente.* – México: Fondo de Cultura Económica, 1958. – 460 p.
27. Fuentes, Carlos. *Las buenas conciencias.* – México: Fondo de Cultura Económica, 1959. – 191 p.
28. Fuentes, Carlos. *La muerte de Artemio Cruz: Novena reimpresión.* – México: Fondo de Cultura Económica, 1985. – 319 p.
29. Fuentes, Carlos. *Los años con Laura Díaz.* – México: Alfaguara, 1999. – 600 p.
30. Fuentes, Carlos. *Todas las familias.* – México: Alfaguara, 2006. – 422 p.
31. *La Jornada (1997-1999).*
32. Loaeza, G. *Compro, luego existo.* – México: Alianza, 1993 (4ª edición). – 359 p.
33. Mastretta, Ángeles. *Arráncame la vida.* – México: Ed. Planeta, 2005 (novena reimpresión). – 270 p.
34. *México desconocido (2000-2006).*
35. Michel, José Antonio. *Versos picarescos mexicanos. [Picardía en verso].* 7-a edición. – México: Costa-Amic Editores, S.A, 1997. – 304 p.
36. *Mujeres mexicanas del siglo XX. La otra revolución. Tomo I.* – México: Editorial Edicol S.A. de C.V., 2001. – 494 p.
37. *Mujeres mexicanas del siglo XX. La otra revolución. Tomo II.* – México: Editorial Edicol S.A. de C.V., 2001. – 441 p.
38. *Mujeres mexicanas del siglo XX. La otra revolución. Tomo III.* – México: Editorial Edicol S.A. de C.V., 2001. – 686 p.
39. *Mujeres mexicanas del siglo XX. La otra revolución. Tomo IV.* – México: Editorial Edicol S.A. de C.V., 2001. – 672 p.
40. *Origen de los mexicanos / Edición de Germán Vásquez.* – Madrid: Información y Revistas, 1987 (Colección “Crónicas de América”. Historia 16). – 244 p.
41. Pacheco J.E. *El principio del placer.* – México: Joaquín Montes, 1972. – 164 p.
42. *Poesías Patrióticas Mexicanas / Seleccionador A.Rodríguez.* – México: Editores Mexicanos Unidos, 1998. – 160 p.
43. Poniatowska, Elena. *La piel del cielo. Novena reimpresión.* – México: Alfaguara, 2004. – 473 p.
44. Samperio, Guillermo. *El miedo ambiente.* – La Habana: Casa de las Américas, 1978. – 138 p.
45. Santander, Felipe. *El extensionista.* – La Habana: Casa de las Américas, 1980. – 138 p.
46. Serrano, Marcela. *Nosotras que nos queremos tanto. Novena edición.* – Madrid: Barquillo, 2002. – 437 p.
47. Uribe, Álvaro. *El taller del tiempo.* – Barcelona: Tusquets, 2004. – 192 p.
48. Vargas Llosa, Mario. *Lituma en los Andes.* – Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 1993. – 316 p.
49. Velasco, Xavier. *El materialismo histórico.* – México: Alfaguara, 2004. – 181 p.

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

